

ИЛЬЯС НАЙМАНОВ

ДНИ
ЗА ГРАНЬЮ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ильяс Найманов

Дни за Гранью

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29181422

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5321-2714-2

Аннотация

Группировка Монолит, самая сильная группировка в Зоне, пресекающая все попытки сталкеров добраться до Исполнителя. Так ли она сурова и безжалостна, как выглядят ее действия? Какие механизмы и рычаги подвластны этой таинственной организации? Что могут они противопоставить сталкеру, идущему к Исполнителю, и на что способен сталкер ради достижения своей цели? Мы будем бороться и за и против, будем мишенью и стрелком, будем совершенно случайным попавшим в настоящую Зону человеком, следя за каждым шагом противоборствующих сторон. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. День 1. Ходок	6
Глава 2. День 3. Срез	20
Глава 3. День 6. Старик	31
Глава 4. День 10. Спасательная операция	47
Глава 5. День 13. Гость	61
Глава 6. Ход до базы	73
Глава 7. Дверь	95
Глава 8. День 14. В поисках выхода	105
Глава 9. Приглашительный	118
Глава 10. День 15. Пост «Красный камень»	132
Глава 11. День 16. Элемент невероятности	145
Глава 12. На выход	160
Глава 13. Тропа	176
Глава 14. Отражение	189
Глава 15. День 17. Фонарь	203
Глава 16. Яма	220
Глава 17. День 18. Двое	238
Глава 18. День 19. На тропе	271
Глава 19. День 20. Лютый	306
Глава 20. Бар	320
Глава 21. День 21. Дрожь земли	333
Глава 22. Тупик	353
Глава 23. День 22. Исполнитель	363

Моему другу, Левшину Владимиру Николаевичу, посвящается.

Годы жизни 18.06.1980 – 01.11.2015

Годы дружбы 1984 – 01.11.2015

Светлая тебе память

Глава 1. День 1. Ходок

Что может быть хорошего в сером дожде с вечно хмурого, измятого, словно скомканная простыня, утреннего неба, вяло роняющего небольшие прозрачные капли на влажно поблескивающий бетон, на скудную сероватую листву, на остатки выбитых стекол? Кто-то вяло пошутит: сырость, кто-то – простуда и мокрые ноги... Все верно, сырость это да, сырость это непрактично, но если привыкнуть и не допускать ее к телу, то, в общем-то, это не беда. Да и кроме того, простуда – понятие, в Зоне практически забытое: не получается людям заболеть ею, ни сталкерам, ни долговцам, ни свободовцам, ни бандюгам-отморозкам, ни уж тем более нам, бойцам группировки Монолит. Если и есть простуда, то это что-то другое, что поначалу под простуду маскируется...

Монолитовец по прозвищу Дым тихо стоял на своем посту. Небольшие капли дождя, летящие с высоты, тихо разбивались о прочную скорлупу шлема, стекали прозрачными дорожками по шлейфу подшлемника, специально вывернутого наружу, чтобы дождь не затекал внутрь, за короткий воротник бронекостюма, и, дальше сливаясь со своими каплями-близнецами, стекали по накинутому поверх бронекостюма плащу на бетон. Кому-кому, а ему дождь в Зоне нравился всегда, особенно утром, когда все тихо. В Зоне вообще практически всегда тихо. Редко прозвучит одинокий

выстрел снайпера или кратковременный яростный кинжальный огонь устроивших засаду на людей бандитов, а тоскливый вой слепых псов или холодный, лютый вой псевдособаки, наоборот, только подчеркивают молчаливую тишину Зоны.

Дым любил дождь еще с тех пор, как он ходил по ту сторону их малого периметра вокруг ЧАЭС, отделяющего территорию Монолита от остальной Зоны. Сначала он бродил вольным сталкером, потом, правда недолго, долговцем, а потом так случилось, что он остался с Монолитом. Монолитовец внутренне улыбнулся, вглядываясь сквозь поляризованное забрало пси-шлема в практически невидимый, даже в дождь, слабо подрагивающий перед ним от накопленного напряжения гигантский «трамплин». Находясь на первом этаже полуразрушенной двухэтажной постройки, он мог бы сместиться к другому оконному проему, где была крыша над головой, но тогда он лишил бы себя необъяснимого удовольствия ощущать едва заметные удары дождя по экипировке, дышать и жить этим прозрачным настроением. Монолитовец отпустил правую руку, удобно лежавшую на прикладе СВД, и протянул ладонь перед собой, пытаясь ощутить силу и тяжесть практически невесомых капелек дождя. Сама винтовка осталась покоиться на сгибе локтя левой руки стволом вверх. Несколько капель угодливо приземлилось на теплую, пока еще сухую ладонь, и, на мгновенье задумавшись, они потекли по линиям на ладони. Монолитовец сложил ладонь

ковшиком, пытаясь удержать их и набрать больше воды в руку. Это был хороший дождь, с чистой водой, не несущий из атмосферы ионизированные остатки Выброса, не смывающий с лица Зоны очередную печаль человечества. В таких случаях вода была бы едва заметного красного оттенка, как небо во время Выброса, либо несла бы в себе такую тоску, от которой самый мужественный сталкер готов был завывать, как слепой пес, либо залиться водкой до полного беспмятства. Но ему здесь и сейчас было хорошо и уютно, как может быть человеку, привычно занимающемуся своим несложным делом. Прямо перед ним простиралась относительно чистая, трехсотметровая в ширину полоса, занятая лишь нечастыми аномалиями да занявшим круговую оборону по внутренней части контрольной полосы горохом. Полоса опоясывала всю территорию ЧАЭС, которую занимала группировка Монолит, сплошным коварным кольцом отделяла границу, пересечение которой каралось верными стражами, как людьми, так и самыми редкими аномалиями, а в некоторых случаях и вещами, не имеющими отношения ни к тем ни к другим, например горохом.

Горох – это местное растение, относительно недавно культивированное Хозяевами и рассаженное вдоль охраняемой линии. «Ну и что, что горох», – скажете вы, ан нет, это только название безобидное, на самом деле жуткое изобретение. По виду зеленая трава и вьется по земле, ну не как горох, конечно, скорее как плющ, только еще и витки такие делает,

как колючая проволока с катушки, и колючек-то на нем не видно, только листья, а колючки до поры до времени плотно прижаты к стеблю. Если тронуть такую травку, то горошек оживает, сначала наползая накидывает пару петель на руку или ногу, а потом, если уже дернуться с этими петлями, то непременно на бедолагу бросятся еще десяток петель, и если у него ума не хватит замереть и молиться, чтобы горошек сполз обратно, а он начнет барахтаться, тогда и все растение на него залезет. Ну а дальше – каюк, проще застрелить беднягу, чтобы не мучился, потому что горох душить будет долго, слишком долго. А резать его непросто, стебли жесткие, хоть и гибкие, ножу почти не подчиняются, не зря его вывели, наверное, проще кусачками, но что-то я не видел, чтобы сталкеры с кусачками для колючей проволоки в руках сюда добирались. Попались последними пара ходоков на эту живую изгородь, сошли с тропы, решили притаиться. Детектор растение за аномалию не считает, вот и сцапал их горошек, одному кожу до костей разрезал, задушил, другого в экзоскелете так скрутил, что зеленый холм вместо человека образовался, весь горох с нескольких метров собрал. Но тот жив остался, только, к тому времени как освободили, умом тронулся. Здесь, рядом с Исполнителем, простому человеку нельзя без движения. Ушел в «трамплин», благо в экзоскелете чтобы ходить силы не надо почти, разлетелся он с местного «трамплина» на кусочки, как чучело с гранаты, мы таким не мешаем. Да, забыл сказать, огня горох боится,

как... огня, если может, то отстраняется, если не может – горит, как обычная трава, да и пахнет приятно, несильно так, успокаивающе.

Дальше, за трехсотметровой контрольной полосой, начался Мертвый Лес. А тут, наоборот, название страшное, а лесок так себе, не лесок, а лесополоса. Небольшой, шириной метров сто, сто пятьдесят, не сплошным кольцом, но в основном везде стоит за трехсотметровой контрольной. Деревья в нем – только тополя и осины выжили, все попутанные жгучим пухом. Отсюда и начинается Зона, для ЧАЭС она снаружи. Выброс кроет как раз начиная с Мертвого Леса и дальше до Периметра. Вот тополям и осинам пришлось как-то в симбиоз войти со жгучим пухом, пух их от Выброса экранирует, а они его прикармливают, видимо. Только от этого симбиоза деревья стали совсем коричневые, иногда почти черного цвета, вместе с листьями, хотя живые, а жгучий пух наполовину или больше перестал быть жгучим, что поделать, жить-то ему тоже хочется, а на открытом месте он не держится. Так вот и живет лесок своими делами, мутантов там почти нет, есть нечего, если только залетные, которые за сталкерами по следам придут. А прочих Выбросы отсюда гонят и с Монолитом, мутантам соседство не по душе, в любом случае в сторону контрольной полосы ни одна песья морда с угрозой не выглядывала.

Несколько часов Дым простоял каменным изваянием, по пояс скрытый кирпичной кладкой дома. Там позади него

стоял его второй номер с гауссом. Напарник сидел спиной к стене, закрыв глаза, его глазами в настоящий момент был Дым. В их сегодняшней связке Дым был первым номером, а Заур вторым. По именам они друг к другу не обращались не в силу того, что Зона вычислит их, она их уже вычислила, а в силу старых сталкерских привычек. Близость Монолита или, как его называют в большинстве случаев, Исполнителя Желаний, этого рукотворного, но созданного, видимо, не без посторонней помощи извне устройства вносила свои коррективы в быт самих Монолитовцев, людей, выполняющих простую физическую работу. Поскольку Исполнитель был настроен на определенную частоту мозговых волн человека и срабатывал так же автоматически, частично затаскивая в местную реальность кратковременные, фрагментарные проявления желаний окружающих его людей, уже давно был изобретен и использовался пси-шлем. Суть этого шлема была очень проста: кроме функций обычного боевого или тактического шлема он экранировал мозг бойца от внешнего воздействия, различных психогенных факторов и перемодулировал, усиливал и пересылал мозговые сигналы одного человека на другой такой же приемно-передающий модуль, монтирующийся в каждом шлеме. Оттуда уже передавался другому человеку, в виде образов, эмоций, динамических образов и предэмоциональных импульсов, заменяющих приказы. Принцип прост: если у любого существа в мозгу постоянно возникают электрические сигналы, то это

сродни радиостанции, а усилить, переслать, отловить снова и перенаправить сигналы на соответствующие части головного мозга уже дело техники, которая, собственно, здесь уже давно перешла к более серьезным вопросам. Кстати, сам модуль, отвечающий за весь процесс, был не больше таблетки аспирина, его мощности хватало, чтобы в местных условиях обеспечить связью по прямой на пару километров, этого было более чем достаточно. В случае необходимости подключался ретранслятор переносной станции, и связь усиливалась до десятка километров. Эта частота волны, продуцируемая мозгом, меньше всего забивалась и искажалась различными аномалиями и психогенными источниками. Поэтому бойцы группировки Монолит практически не разговаривали в обычном смысле, им незачем это было, вся связь происходила, как бы это волшебным ни звучало, телепатически. Зато сталкеры, наблюдавшие, столкнувшись в бою с группировкой, безмолвные согласованные действия противника, считают их удивительно прыткими зомби, беспрекословно подчиняющимися Монолиту, и прочей мистикой. Ничего подобного. Люди, обычные люди, и что еще нужно сказать, мозг каждого человека уникален, еще более чем отпечатки пальцев, поэтому бойцы группировки передают информацию и разговаривают не со всеми, а с конкретным человеком, хотя могут и с группой. Это было серьезным преимуществом. Кроме того, что исключалась возможность осознанной дезинформации, для сохранения целостности группи-

ровки, исключая появление в их рядах «засланных казачков», сам обмен сообщениями становился более красочным, емким и кратковременным. К примеру, возможный вербальный минутный разговор относительно подозрительных движений на посту сводился к нескольким секундам телепатического обмена, после чего определялся обоюдный план действий и пара действовала самостоятельно, либо вызывала подкрепление, либо запрашивала приказ у первых номеров. Расскажу еще чуть дальше. Войсковой порядок и субординация определялись в зависимости от опыта и практических знаний бойцов. В каждом подразделении номера присваивали из командного центра, и это не обсуждалось. В нынешней дежурящей на посту двойке более опытным был Дым, не исключено, что если бы в отряде находилось пять-десять человек, его номер был бы вторым, третьим, в зависимости от сложности задачи, но также, вероятно, и первым. Всего на сегодняшний день группировка насчитывала сто шестьдесят девять бойцов, в абсолютном значении его номер был тридцать седьмым, новоприбывшим изначально давались самые последние номера, которые впоследствии пересматривались, опять же в зависимости от опыта и ментальной начинки бойца.

Таким образом, второй номер мог спокойно сидеть в укрытии с закрытыми глазами, спиной к охраняемому участку, пользуясь предоставляемой ему информацией от первого номера.

А Дым тем временем забыл про дождь, всматриваясь сквозь его прозрачную пелену и «трамплин» в контрольную полосу и подлесок. Что-то определенно происходило, пусть не самое серьезное, но из разряда неприятного. Не найдя ничего подозрительного, но повинувшись чутью, он перешел-таки в соседний проем слева от него, который лишь наполовину закрывала сидящая под окном аномалия, и уже в оптический прицел винтовки выставился на Мертвый Лес, хорошо видимую, ведущую к их посту тропу, поводя немного стволом из стороны в сторону. Второй номер неотрывно следил его глазами за ситуацией, по-прежнему находясь за глухой стеной второго этажа метрах в двадцати позади Дыма. И снова ничего, кроме темных, перешитых друг с другом жгучим пухом тополей и осин, низкой пожухлой травы, пучками торчащей на контрольной полосе, да едва заметно преломляющей пространство из-за идущего дождя, видимой только если знаешь что ищешь, аномалии «паутинка». Внутренне собравшись, Дым, вдохнув сырой воздух, несущий запах мокрой травы и едва заметный запах мокрого бетона, закрыл глаза, пытаясь по ощущениям выявить степень угрозы. Дождь размеренно шелестел по листве гороха, внушая успокоение, утреннее хмурое небо освежал сырой холодок ветра, но внутри у Дыма разгорался пожар. Кто-то присутствовал на тропе, еще в самом ее начале, но определенно этот кто-то уже выдвинулся из Мертвого Леса и затаился на границе контрольной полосы, осматриваясь. Человек, не мутант.

Мутанты не вызывают у Дыма тревоги, а искажение общего фона, идущее от начала тропы, у леска, может производить только очень сильный соперник – сталкер. Сталкер-ходок, тот сталкер, который пришел в Зону не за ее сокровищами, а к Исполнителю Желаний, таких сталкеров можно назвать матерыми, несмотря на свой иногда молодой возраст, они быстро становились ветеранами выживания на этих землях.

Они играют по правилам Зоны, выигрывают партию за партией, будучи умнее, сильнее и хитрее Зоны, и постепенно добираются сюда, к постам Монолита, а исключения доходят и до Исполнителя. Теперь Дым не сомневался в правильности определения угрозы, как и в том, что ходок не пойдет дальше, он простоит на границе подлеска, изучая каждый метр тропы, чтобы через какое-то время, может не сегодня, пройти еще дальше. Ходок ведет свою игру, именно поэтому он, скорее всего, в целости и сохранности дошел до Мертвого Леса, а теперь изучает и постройки, в которых располагается пост. Дым буквально почувствовал, как взгляд сталкера изучает контуры полуразрушенных двухэтажек, цепляясь за каждую трещинку и выступ в стене. Монолитовец бесшумно присел, исчезая из и так еле проглядываемого сумеречного освещения в окне. «Заметил или нет?» – прикинул Дым. Выдавать свои позиции раньше времени не было его тактикой.

Взгляд сталкера задержался на пространстве перед окном, еще не видя, но интуитивно и по косвенным признакам определяя местонахождение аномалии и вид аномалии – «трам-

плин».

«Надо же, какой глазастый», – невольно восхитился монолитовец, шестым чувством следя за сталкером, одновременно понимая, что если дать ходоку еще пару секунд на раздумье, то он вычислит «трамплин», а соответственно, и вероятное месторасположение поста. Не исключено, что ходок знает о посте, но сейчас пытается увидеть все собственными глазами, монолитовец же, несмотря на отменное чутье и возможность первому разглядеть сталкера, так и не смог отыскать его. «Ну, не я, так другие тебя найдут», – недобро подумал Дым и выстрелил из СВД через оконный проем в небо. Это был сигнал, но не для монолитовцев, это был сигнал к трапезе тем единицам мутантов, которые ошивались недалеко или внутри Мертвого Леса, подбирая раненых или убитых на контрольной полосе сталкеров. Он почувствовал, как слегка дрогнул нервами, но не страхом от неожиданности ходок и замер, догадываясь, что его раскусили, но все еще не понимая смысла этого выстрела. Дым встал и аккуратно, чтобы не быть замеченным, прислонился к первому оконному проему, полностью перекрытому прозрачным «трамплином», вглядываясь в подлесок. Так и есть, на выстрел из куста выскочила пара крупных слепых псов, вода безглазыми мордами из стороны в сторону, и, на секунду замешкавшись, они вдруг двинулись к пустой тропе. «От этих не спрячешься», – удовлетворенно подумал Дым, следя за их движениями. Мутанты постепенно ускоряли бег, уже,

видимо, определив жертву, но монолитовец все еще не видел ходока, словно это был притаившийся кровосос. Наконец, пространство в тридцати метрах перед псами зашевелилось, мелькнул ствол винтаря, и бесшумные очереди, видимо, с экспансивным боеприпасом откинули и свалили сначала одного пса, а затем, уже практически с пары метров, выпустили несколько красных цветков на груди и шее второго пса, мгновенно прервав его атакующий бросок. Ходок, успев перезарядиться, тут же добил ближнего, а затем и дальнего пса прицельными выстрелами.

Только во время движения Дым заметил реальные контуры человека. После того как сталкер убил второго пса, он замер, мгновенно слившись с фоном. Дым удивленно обратился к Зауру, который по-прежнему сидел спиной к стене, но уже готовый к действию. «Видел, – пришел ответ второго номера, – не высовывайся». Но Дым и не пытался ничего предпринимать, его внимание привлек запоздавший на разборку снарок. Видимо, и снарок не сразу разглядел ходока, довольно неуверенно приближаясь к цели, но метрах в двадцати он опознал жертву и, взревев перед прыжком, тут же получил несколько попаданий в голову и рухнул, не успев прыгнуть. После этого вновь ставший заметным ходок подошел ближе. Зная о живучести мутанта, сталкер подтащил его худое тело к «паутинке», куда легко его и забросил. Но не моментальная реакция сталкера, не его знание о редкой аномалии «паутинка» больше всего сейчас интересовало Дыма: во вре-

мя перемещения сталкера на его поясе, хорошо видимые через оптический прицел, светились артефакты. Характерный красноватый отблеск нескольких «маминых бус», защищающих от огнестрельного оружия, синие всполохи, наверняка «снежинки» или «лунный свет» для выносливости, зеленоватый «пузырь» от радиации и еще, и еще, наверное, с десятков редких и сильных артефактов нес на себе ходок. «Такого с выстрела не возьмешь, пришла пора знакомиться», — понял Дым, показываясь во весь рост в оконном проеме, по-прежнему глядя на сталкера через оптику винтовки и стараясь рассмотреть его лицо и глаза. Дым знал, что стоящий перед ним «трамплин» стрелковым оружием пробить невозможно, а Заур, уже прищурив один глаз, также разглядывает ходока через прицел гаусс-винтовки, определяя слабые места сталкера. Чтобы подстрелить перекрытого артефактной защитой сталкера, нужен был один хороший выстрел, но делать выстрел просто в силуэт бесполезно. «Мамины бусы» и, вероятно, еще пара усиливающих их свойства артефактов наверняка отведут пулю от живого тела сталкера, заставив ее скользнуть вдоль кожи, и выстрел из не скорострельной, но мощной винтовки будет потерян, дав возможность ходоку скрыться. Для эффективного попадания второй номер искал, то что может помочь постороннему предмету войти в контакт с телом, лучше всего металлическая часть экипировки. Артефакты, притороченные к поясу, надежно хранили живую плоть, но не особо сохраняли неодушевленные

предметы, одежду и оснастку сталкера.

Появление монолитовца в проеме не оказалось незамеченным для сталкера. Ходок вскинул винтарь и, глядя через мушку на человека, замер, но теперь часть его силуэта, а точнее обе руки, винтовка и часть лица были видны, все остальное слилось с фоном. Оптики на винтаре не было, оно и ни к чему, для ближнего боя она только мешает, а до дальнего боя, видимо, по причине исключительного умения маскироваться, просто не доходило. Секунда напряжения. Через мгновение винтарь сталкера дикой силой был выбит из рук, стальной пулей гаусс-винтовки, отбитые руки и, видимо, пострадавшая от удара голова мотнулась в сторону. Но сталкер был жив и практически не пострадал. Через секунду человек, потерявший было равновесие, метнулся в Мертвый Лес. Но оба монолитовца знали: игра этого ходока только началась.

Глава 2. День 3. Срез

Небольшой, чистый от аномалий участок земли тридцать на десять метров, окруженный высокими мрачными соснами, недалеко от периметра Монолита. Пятерка монолитовцев охраняет это место, один из них Дым, сейчас он номер первый. Это особое место, здесь Хозяева проводят эксперименты. Это как раз те эксперименты, которые, для безопасности самой же группировки, делаются за пределами их территории. Здесь ученые вскрыли саму материю пространства, оставив незаживающий рубец, который назывался пространственным срезом. Срез выглядел как темное стекло и всегда получался длинным, длиной метров десять, а само «толстое стекло», или разрезанное пространство Зоны, в ширину, казалось, было около метра и около трех метров в высоту. Не знаю, как выглядел это срез с той стороны, я имею в виду, с той стороны другого пространства, но через это стекло, в принципе, может пройти любой желающий и оказаться уже в альтернативной реальности, и неизвестно в каком времени, и вообще неизвестно где. Лично у меня сходить и посмотреть, что там, никогда искушения не возникало. Тот, кто видел, что может прийти с той стороны, один или два раза, редко захочет еще раз подойти близко к этому полупрозрачному затемнению.

Именно поэтому Хозяева и не делают срезы на своей внут-

ренной территории. Сами пространственные срезы затем штопаются. Само собой, весь процесс управляется из недр ЧАЭС, сюда как раз прямой наводкой направлено несколько излучателей, по виду напоминающих сеточные антенны, но, как бы срез идеально не заштопали, всегда есть вероятность, что рано или поздно что-то просочится через уже ставший невидимым рубец. А то, что проскакивает с той стороны, на редкость, друзья мои, нехорошие штуки, я бы даже определил их как стремные... Чувствуете, какие они бывают?

Не зря все пятеро были оснащены оружием широкого спектра действия. Номер первый, Дым, – гаусс, номер второй – огнемет, номер третий – разрядник, номер четвертый – пси-плеть, номер пятый – пулемет. Закономерный вопрос: что может сделать пулемет с тем, что выныривает оттуда? Как правило, немного, зато здорово отвлекает грохотом и вспышками, так что если гость пытается атаковать, он атакует пятого номера, давая остальным возможность уничтожить или выгнать гостя, используя прицельный огонь, или успеть скорректировать диапазоны работы оружия до самого эффективного к конкретной особи. Пятый номер у нас особый, по прозвищу Силыч, абсолютный номер сто сорок, ума и чутья немного, но нервы стальные. Не знаю, чем он занимался до Зоны, но когда одна тварь его повалила, перехватив пулемет, и чуть не откусила лицо слюнявым клювом, он только сунул ей титановый кулак экзоскелета в пасть и сказал: «Ребята, поживее». Сказал это, конечно, не вслух, но,

по-видимому, волновался он в этой ситуации намного меньше всех нас. Одно слово – танк. А про его физическую силу и говорить нечего, то ли он пауэрлифтер международного класса, то ли в Зоне его так разбабахало, но экзоскелет на него был сделан особый, под его стопятидесятикилограммовую комплекцию. А когда он его надел, то начал в нем ходить, не включив питание, у нас просто рты пооткрывались, причем, видимо, у всех, даже у тех, кто был на постах или за периметром. Именно такой и нужен в пятерке, и несмотря на невысокие прочие показатели, Силыча всегда включали в отряд на срезе.

Время шло, и постепенно сходило к вечеру. Две химеры (описание, строение и назначение химер см. в книге «История кукловода». – Прим. автора), ушедшие в срез, до сих пор не вернулись, это всегда повышало риск появления незваных гостей. Обычно для исследования той стороны химерам достаточно было двух-трех часов, а задержка уже более чем на десять часов не предвещала ничего хорошего. Пятеро бойцов Монолита в сгущающихся сумерках, застыв бронированными изваяниями, контролировали матово поблескивающую поверхность среза, откуда вот-вот должны были вернуться химеры. Наконец что-то засверкало в глубине «стекла», как бывает всегда, когда проход активизируется с той стороны. Отряд синхронно взял «стекло» на прицел. Сначала едва заметные всполохи стали интенсивнее и ближе к поверхности. Определенно, движение.

Дым уже который раз ловил себя на мысли, что больше всего ему не нравятся не далекие, изматывающие вылазки в Зону, не стояние на посту в самую неприветливую погоду, а именно это. Именно эти щекочущие душу и нервы расплывчатые вспышки и переливы в глубине среза. Они растягивали секунду в минуты, когда адреналин призывает тело к действию, но его задача в случае появления чего-либо кроме химер – не вступать первым в бой. Задача первого номера на срезе – идентифицировать степень угрозы, самый эффективный вариант уничтожения и координация действий всего отряда. Размазанные пространством вспышки приближались, они становились крупнее, но реже, то, что двигалось, вот-вот должно было появиться на этой стороне. Вспышка, не соответствующая выходу химер ни по форме, ни по высоте. «Проклятье!» – не сдержал мысленный импульс Дым. Из темного пространства «стекла» вылетела прозрачная зеленая субстанция, близкая к фигуре человека, только вместо ног у нее был извивающийся, такой же прозрачный, то ли хвост, то ли плавник. Увидев отряд оцепления, нечто бесшумно, но постепенно ускоряясь, двинулось вдоль среза в сторону уже ставшего почти совсем темным леса. Повинуясь приказам Дыма, субстанции в спину ударила синей, изгибающейся и неразрывной молнией сначала электрическая дуга разрядника, заставив ее замедлиться и подернуться рябью, а затем протуберанец пси-плети на максимальной мощности заставил зеленое нечто вовсе остановиться и вжаться

в «стекло» среза. И тут бойцы увидели глаза существа – маленькие, разумные, словно человеческие, безжалостно смотрящие с ненавистью и просящие одновременно. Существо разевало теперь уже видимый рот, пытаясь то ли издать звук, то ли что-то еще, в любом случае пси-шлемы монолитовцев полностью блокировали посторонние источники и никакого контакта не состоялось. В выпученные глаза существа ударила широкой огненной воронкой струя огнемета, в попытке перекрыть ей видимость задержавших ее людей. Дым видел, что огонь практически не задерживался на создании, проходя внутрь «стекла», высвечивая контур призрака.

Действительно очень похожее вначале на человека, теперь существо уменьшилось и больше напоминало маленькую обезьяну – макаку или мартышку. Существо яростно извивалось, пытаясь освободиться от оков пси-плети, однако неотрывно и с дикой ненавистью, несмотря на бьющее в нее пламя, смотрело в глаза Дыму. Монолитовец молча держал взгляд, он чувствовал, как потеплел пси-модуль в шлеме, борясь с нагрузкой. Он понимал, что сейчас идет борьба на недоступных для человека уровнях, существо наверняка убивает его, и только техническое преимущество не даст ему этого сделать. Защитный шлем отработывал свое, и сейчас надо дать понять этому гостю, что здесь все сильнее него и что ему и таким, как он, здесь нечего делать. Превозмогая нервный накал и пронзающий взгляд существа, неподвижными пятаками глаз пробивающийся даже сквозь яр-

ко-оранжевое пламя, Дым усилием воли заставил себя медленно снять с пояса фляжку с водой, поднять поляризованное забрало шлема, не отрывая взгляда сделать глоток и усмехнуться прямо в глаза призраку. Существо сломалось. Оно вздрогнуло, вдруг прекратив попытки высвободиться, и провалилось сквозь «стекло», уходя обратно в свой мир. Победа! Дело было сделано, а весь бой с противником такого серьезного уровня занял всего меньше минуты.

Наступила тишина, резко контрастирующая с умолкнувшими воем огнемета и треском разрядника, тихо посвистывали на ветру и терлись друг о друга ветви сосен, расступившиеся облака обнажили в просветах яркие звезды, свет которых теперь был ярок и удивителен. Воздух пах сгоревшей смесью, озоном, хвоей и болотом, которое было неподалеку. Отряд замер, ожидая приказов от командира. Дым немедленно приказал рассредоточиться и занять начальные позиции, но бойцы по-прежнему безмолвно смотрели на него. Только сейчас Дым почувствовал, что модуль пси-шлема больно обжигает его. Он быстро снял шлем, нажав на кнопку индикатора готовности системы. Система не отозвалась. «Оно умудрилось спалить пси-защиту», – растерянно понял монолитовец. Ему здорово повезло, что модуль просуществовал на мгновение дольше, чем атаковало его существо. Судя по его растерянному лицу, остальные бойцы поняли, что произошло, и ошарашенно уставились на него.

– Ну ты даешь, командир! – сказал Силыч, огромной ла-

пой поворачивая шлем Дыма к себе и заглядывая внутрь, вероятно, ожидая увидеть свечение раскаленного модуля. – На, мой возьми, тебе нужнее, – сказал он и, оставив пулемет, начал расстегивать свою бронированную скорлупу со множеством креплений.

– Отставить, – остановил его второй номер, вооруженный огнеметом. – Возьми, мой, Силыча великоват будет. Десять минут, новый шлем уже в пути, – добавил он.

Дым молча принял пси-шлем второго номера, кивнув ему в знак благодарности и взамен передав свой. – На исходные, – скомандовал он голосом. – Второй за пятым, дистанция два.

– Есть дистанция два, – ответил второй номер, поднимая огнемет и укрываясь за широченной спиной Силыча на расстоянии двух метров.

Бойцы снова заняли позицию полукругом. Спустя пару минут слабые всполохи появились вновь. Дым слегка качнулся на ногах, проверяя устойчивость положения. На этот раз, если вылетит нечто подобное первой твари, потерь не избежать. Отряд собрался, готовясь немедленно дать отпор любому пришельцу с той стороны. Всполохи становились ярче и реже, так происходит, когда что-либо двигается в эту сторону, и вот наконец финальная вспышка. Из «стекла» вывалились дымящиеся химеры, сначала одна, а через секунду вместе со вспышкой ввалилась вторая. Могучие и непобедимые четырехсоткилограммовые химеры – альтернативные

биологические носители разума Хозяев были практически уничтожены. О грации и стремительности движений теперь не было и речи. Четыре могучие кошачьи лапы едва держали тело, огромные грубые рубцы покрывали их спину, словно что-то удерживало и рвало их. Несколько десятков глубоких кровоточащих ран, на регенерацию которых у них уже просто не было ресурсов. У второй химеры несколько ребер было сломано, и острые обломки костей, несмотря на темноту, четко виднелись под толстой шкурой, сама шкура дымилась нездоровым черным дымом, словно кошек залили кислотой. Дела были хуже некуда. Эту картину уже видели в командном центре, там уже дернули рубильник, зашивая пространство и отсекая возможных преследователей. Направленные антенны заработали, в незримом спектре стягивая срез. Едва протонав, потерял сознание и упал второй номер, Силыч по приказу Дыма тут же подхватил его на плечо и понес на базу. Третий и четвертый номер уже толкали заранее приготовленные из кустов две тележки с мясом для химер, им нужно было срочно восстановиться, неизвестно чем нашпиговали мутантов, но, судя по всему, регенерация прекратилась. Заурчав, химеры принялись за еду, Хозяева покинули оболочки, вернувшись в свои человеческие тела, оставив мутантов в их животном состоянии.

Дым уже видел, как химер, таких неуязвимых и грозных альфа-хищников здесь, в Зоне, разделявали под орех там, с той стороны, но сами химеры, самки, – не самые сильные

бойцы. Их гибкость, ловкость и стремительность использовалась Хозяевами для разведки местности и сбора информации без боя, как корабль, более приспособленный для их исследовательских миссий. Иногда случалось, что химеры не возвращались, тогда командный центр направлял туда отряд для вывоза тел, в таких случаях туда уже отправлялись огромные самцы, вот они-то и были настоящими машинами убийств и устрашения. Само сознание одного из Хозяев в случае невозвращения носителя оставалось в мозгу химеры, и его можно было полностью восстановить даже с мертвого носителя, поэтому Монолит никогда не оставлял химер на той стороне, с боем вырывая их трупы из других миров.

Время шло, мутанты насыщались. Рубцы и раны затягивались и исчезали, сломанные ребра волшебным образом принимали нормальное положение под давлением пятисантиметровой особой кожи химеры. Мутанты еще ни в какое сравнение не шли с полностью здоровыми особями, но процесс регенерации с бешеной скоростью плодил новые клетки, восстанавливал дублирующие и основные органы, выталкивал инородные тела из ран. Наконец химеры, очистив каждая свою тележку, сделали несколько шагов и, свернувшись подобно домашнему коту, спрятав большую из двух голов между лап, повалились спать.

– Завтра будут как новенькие, – прокомментировал четвертый, наблюдая за ними с поднятым забралом шлема.

Дым молча согласился.

– Подобрать образцы, проверить оружие. Идем домой, ребята. Отработали, – распорядился он, только теперь чувствуя, как усталость от кратковременного, но яростного боя на пределе возможностей нервной системы, задействованной модулем, валит его с ног.

Третий и четвертый номер подобрали выпавшие из ран химер обломки то ли когтей, то ли еще чего-то, явно неметаллические, сложили в специальный контейнер и, следуя друг за другом по едва заметной тропе, скрылись в темноте. Ночная Зона безмолвно следила за уходящим отрядом и за оставшимися на краю поляны химерами.

Откуда-то из темноты вынырнула мелкая плоть и, сама пугаясь собственной наглости, то и дело вздрагивая и пугливо моргая разноразмерными глазами при каждом вздохе спящих химер, крадучись и приседая на тонких ножках, двигалась к источающей запах сырого мяса тележке. Роста этой мелкой плоти не хватало, чтобы заглянуть в тележку сверху, и она, слегка постукивая хитиновыми клешнями о металл, принялась обшаривать их в поисках заваливающего кусочка мяса. Наконец, ей что-то удалось зацепить, и мутант, перехватив кусок мяса, принялся его жадно есть, оставив одну клешню на борту телеги. Как только кусок провалился внутрь, свинка, окрыленная успехом, решила целиком влезть в тележку, уже, видимо, забыв о смертоносных созданиях, спящих в десятке метров от нее. Но ее неуклюжие действия и громкий грохот клешней и копыт по металлическому дну

разбудил-таки одну из химер. Негромко рыкнув, та подняла голову, рассматривая источник шума. Плоть, только сейчас поняв, что натворила, заверещала и в диком ужасе щиманулась прочь. Поскальзываясь на металлической поверхности, плоть еще с большим грохотом, выпрыгивая, сбила вторую тележку. Заорав еще громче, совсем обезумев, судорожно буксуя от переполняющего ее ужаса, выбрасывая комья земли из-под раздвоенных копытец, она серо-коричневым вопящим метеором понеслась через ночной лес. Разбуженные химеры, широко открыв пасть, следили за этим истеричным недоразумением, вероятно, они смеялись ей вслед, почему нет? Если самые примитивные могут испытывать страх, то почему высшие хищники не могут иметь чувство юмора? В любом случае, синхронно зевнув, химеры, лишь слегка поменяв позы, положили тяжелые головы на лапы и, облегченно вздохнув, снова погрузились в сон.

Глава 3. День 6. Старик

Раннее утро. Уже известный пост «Тропа». Трехсотметровая контрольная полоса покрыта низким молочным туманом не более метра высотой. Редкие черные верхушки низкорослых кустов протыкали молочную пелену контрольной полосы, создавая из клубящегося тумана иллюзию потока. Мертвый Лес словно омолодился этой пеленой, которая скрыла его спутанные космами жгучего пуха кустарники и выступающие из земли корни, подчеркнув стройность выживших несмотря ни на что деревьев.

Туман в Зоне встречался чаще, чем на Большой Земле, и был одним из ее жутких проявлений. Одних его видов было около десятка. Он мог быть низким и плотным, как сейчас, полностью скрывая ноги идущего человека, при этом его несмешивающиеся друг с другом клубы полностью скрывали мелкие аномалии, трещины и неглубокие овраги. Такой вид тумана называли Мышиным. В таком тумане мелкие хищники – тушканы становились невероятно опасными противниками. Практически теряя свою осторожность, они совместной небольшой стаей в два-три десятка особей практически наверняка убивали любого замешкавшегося сталкера. Крысы же, сливаясь в огромную стаю, мигрировали сплошным потоком в новые места, пожирая по дороге трупы, уничтожая оказавшиеся у них на пути сталкерские стоянки и не

успевших обратиться других мутантов. В такие туманы сталкеры нередко забираются на возвышенности, на верхние этажи или прогнившие крыши грузовиков, просиживая там необходимые часы до его исчезновения.

Другой вид тумана – Серый туман. Несущий злость и раздражение, он застигал сталкеров в лесах и на пересеченной местности. Такой туман отличался особым холодом, лез за шиворот, налипал мерзкой, холодной жидкостью на одежду, лице, руках, вызывая нервозность и раздражение. Такой туман легко подхватывал ядовитые пары химических аномалий и с охотой растворял их в себе, чтобы затем плеснуть в лицо сталкера слабым раствором кислоты и яда, замедленное действие которого оставляло уродливые шрамы и ожоги. Серый туман словно собирал и озвучивал злость сталкера, если тот был зол, усиливал усталость сталкера, если тот был уставшим, провоцировал его своей противной раздражающей щекоткой и холодной сыростью сорваться, психануть, заорать, выстрелить со злости и наделать других несвойственных осторожному человеку глупостей. Спутниками такого тумана были кровососы и изломы. Кровососы всегда любили сырость и близость химических аномалий, а появление Серого тумана практически всегда обещало и обнаружение рано или поздно потерявшего осторожность, дезориентированного и выдающего свое присутствие сталкера. Непрогнозируемый Серый туман, при помощи использующих его обитателей Зоны, нередко хоронил целые отряды

сталкеров.

Следующий вид тумана – Солнечный туман. Явление достаточно редкое, обычно присутствующее на границах изломанного пространства. Туман отличался сухостью, своим собственным едва заметным свечением, и, как правило, мало чем грозил сталкеру, если только не получалось так, что один из трех сталкеров, вошедших в этот туман, исчезал навсегда, либо через час подавал свой сигнал из совершенно пустого места, либо из мест, абсолютно недоступных человеку. Сталкеры знают об этих историях, когда из ниоткуда начинают поступать сигналы о помощи от живых людей.

Другой вид – Верхний туман. Туман, занимающий, в отличие от Мышиного тумана, верхнее положение на высоте двух-трех метров. В целом такой туман ничем не грозил сталкеру, только лишь сбивал неопытного бродягу с ориентиров да устраивал страдающим клаустрофобией приступы паники, когда человеку казалось, что небо действительно падает и начинает давить. Непонятно, зачем Зоне нужен был такой туман, но в любой момент он мог переродиться во все остальные виды, кроме Солнечного. Поэтому благоразумные сталкеры старались не попадать под его своды.

И самый опасный вид тумана – Глухой или Мертвый туман. Это событие было равносильно смертельному приговору практически любому сталкеру, не успевшему укрыться в схроне, либо не покинувшему его пределы до того, как он съедет с катушек. Такой туман покрывал огромные террито-

рии и держался от двух до трех дней, полностью перекрывая связь, наглухо залеплял глаза и глушил звуки, дезориентируя сталкера, лишая его практически всех чувств. В таком тумане невозможно было развести костер, сложно было разглядеть даже собственную вытянутую руку. Буквально через несколько минут пребывания в таком тумане сталкер терял направление, еще через час, если он все еще не попадал в аномалии, ему сложно становилось понять, где верх, где низ, а через сутки, если его не находили мутанты или аномалии, он сходил с ума. Впрочем, есть несколько сталкеров, переживших его на открытой местности. Один из них, оглушенный «трамплином», счастливо провалялся без сознания, а когда пришел в себя, остался на месте и выдержал испытание. Другой сумел-таки развести костер, но с тех пор больше ни на что другое не способен, как дико хохотать и плакать при его виде. Третий как-то выжил и выбрался на базу Долга, но с тех пор не может покинуть ее ни под каким предлогом. Так и живет, бедолага, работая уборщиком и грузчиком за еду.

У Зоны есть еще несколько разновидностей тумана, но случаи их появления очень редки и возможны только в глубокой Зоне, точно о них ничего не известно, только названия; Синий, Красный, Секущий и Шепчущий. Названия этих явлений вбиты в ПДА сталкеров, но кроме того, что кто-то обнаружил его и дал название, проходя вдоль его границы, о них больше ничего не было известно. Даже ученые,

видя недалеко в окрестностях Янтаря какой-либо из этих видов природного явления Зоны, находили кучу причин, чтобы не выходить из убежища и не приближаться к нему. Даже у самого безбашенного сталкера едва ли хватало сил донести кое-какую аппаратуру к его границам, простоять пару минут, делая поверхностные замеры, а затем, сдерживаясь, чтобы не побежать, отступить на безопасное расстояние.

Впрочем, яйцеголовым удалось кое-что выяснить. Большинство местных туманов являлось своеобразным источником и конденсатором электромагнитных волн, которые и определяли форму и вид явления. А вот какие именно механизмы удерживали и заставляли вновь генерироваться электромагнитные силы в туманах, выяснено не было. Но для вольного сталкера это была пустая информация: висящее особняком облако было верным признаком опасности, и никакие коврижки не могли подвигнуть сталкера на «посмотреть поближе». И вот сегодня Дым наблюдал классическую картину Мышиного тумана во всей красе. Тушканов и крыс здесь, пожалуй, не встретишь, а вот мелкие коварные аномалии, населяющие контрольную полосу, не говоря уже о горохе, совершенно скрыты из виду. По такому туману даже монолитовцы, наизусть знающие каждую ловушку, без крайней необходимости не станут пересекать залитую молочно-белым полосу.

Сегодня Дым, впрочем как и в большинстве случаев, был первым номером, второй номер сидел в одном из двух гнезд

позади, полностью закрытый от возможного огня и прямой видимости со стороны Мертвого Леса. Тягучая, молчаливая тишина глубокой Зоны лениво помешивала и толкла волны тумана, не давая им подняться и все больше прижимая его к земле, заставляя выпасть росой. Блестящие бусинки росы, оставляемые спадающим туманом, оседали сначала на торчащих веточках низкорослого кустарника, на почти черной коре деревьев, на жгучем пухе, вызывая в нем едва заметные, словно тлеющая бумага, расходящиеся искорки. Но туман еще не рассеялся, удерживаясь тонким одеялом на траве и едва прикрывая торчащие из-под земли, словно колени старухи, корни деревьев.

Разгоняя эту тонкую пелену шагом истертых берцев, на границе Мертвого Леса и контрольной полосы появился сталкер. Дым сразу заметил его из своего укрытия за «трамплином». Не шелохнувшись, стоя изваянием, он продолжал спокойно разглядывать человека. На этот раз ходок был совсем другой. Пожилой человек – а по меркам Зоны, старик – скинул с головы серый изъеденный кислотами капюшон, обнажив седую голову. Он не прятался, идя к Исполнителю, напротив, он хотел, чтобы тот увидел его, уже здесь, практически в конце пути, и, не перепутав ни с кем, позволил дойти до него, его конечной цели. Дым тихо выдохнул, он видел таких и знал, кто это и что это. В выдавшем виды калаше старика наверняка осталось всего пара патронов, тощий рюкзак, полупустая фляжка, плохонький для этих мест писто-

лет ПМ, который вряд ли можно считать оружием. На поясе болталась всего пара артефактов, один из них «ломоть мяса», второй – наверняка «золотая рыбка», чтобы облегчить тяжелое для старика снаряжение. Грязное и иссушенное лицо старика говорило о крайней степени утомления, словно кто-то или что-то гнало его, не давая времени ни на сон, ни на отдых. «Дойдет», – подумал монолитовец, втайне желая ему удачи.

В их правилах было невмешательство в путь отдельных сталкеров, их называли просителями. Таких сталкеров было видно сразу, они шли сквозь Зону напрямую к Исполнителю, не за себя, а за других. Они и не планировали возвращаться назад, на Большую Землю, но они выкладывались полностью, отдавая всю свою силу и веру, не рассчитывая на обратный путь. За кого мог идти этот старик? Скорее всего, за детей. Его вера в Исполнитель в его, пусть последнем, пути была настолько абсолютной, что становилась знанием, и это было главным ключом, чтобы открыть единственную дорогу к сердцу Зоны – Монолиту.

Откуда пришло это знание, невозможно было определить, но так бывает. Душа человека в потоках смятений и исканий исподволь, скрытно, не признаваясь разуму человека, ищет и нередко находит то самое, единственное, что обозначает всю ее жизнь. Старик сердцем знал и уже заранее был благодарен Монолиту за пока еще не состоявшееся выздоровление своего единственного новорожденного внука, которо-

му не помогали многочисленные операции. И вот он, движимый непонятным чувством уверенности в правильности решения, не делясь ни с кем своей верой, скрытно собрал пожитки, какие были деньги для подкупа постов и начальную экипировку и пропал без вести. Он не позволил себе ни попрощаться с бабкой, с которой уже не за горами была золотая свадьба, ни взглянуть по-другому в глаза сыну, только чуть дольше задержался за стеклом аппарата поддержания жизни, за которым с таким трудом билось сердце его внука. И чем дольше он смотрел на лежащее за стеклом тельце, опутанное шнурами проводов и систем, тем крепче в нем селилась уверенность, что он может, а потому и должен сделать. Единственное, о чем жалел старик, так это о том, что его губы, столько лет не целовавшие детей, больше не смогут сделать этого вновь.

В душе старика была абсолютная вера, что его внук уже здоров, стоит только дойти до Исполнителя, чтобы узнать это. И он шел. Мутанты обходили его стороной, не в силах встретиться с его решимостью, аномалии сердито шипели, не желая пересекаться с духом старика, и не подпускали его к себе при приближении. Бандиты, перешептываясь между собой, почему-то решали не трогать слегка сгорбленную, хромящую фигуру в плохоньком комбинезоне, даже Выброс сдерживал свою мощь, дожидаясь, пока старик сойдет и на время уступит ему дорогу, а Зона поддерживала одиноко бредущего сталкера в трудную минуту, когда от уста-

лости подкашивались ноги и руки с трудом помогали телу встать, давала укрытие, подбрасывала ему на пути аптечки, воду, всегда, пока в нем горел огонь веры в исцеление ребенка. И вот он дошел. Старик не смог сдержать скупую слезу, лишь слегка сверкнувшую и тут же исчезнувшую в уголках глаз. Остался самый простой и сложный путь, никто теперь не может вмешаться между ним и Зоной, но если сейчас в его душе мелькнет хоть червячок сомнения, хоть одна мысль, несущая злость, обиду или недоверие, она не пустит его.

«Делай же шаг, сталкер!» – услышал он тихий голос Монолита. Старик едва заметно вздрогнул от неожиданности и расхохотался. Да, он слышал то, что должен был услышать. Исполнитель увидел его. Вмиг с него слетела усталость, он распрямился, стал выше, моложе. «Не такой уж и старик», – наблюдая за ним, думал Дым. Он не мог знать, что именно происходит в голове у старика, но, судя по виду, ему осталось всего одно испытание, эти триста метров контрольной полосы, и уж если он прошел всю Зону, то последние триста метров не должны быть для него большим препятствием. Чуть ярче сверкнула на пути сталкера коварная «паутинка», старик замер и, склонив голову, определял ее границы, затем, определив направление, бросил болт и миновал. Еще несколько коварных аномалий, часть из которых не были распространены в Зоне и существовали пока только на контрольной полосе. Одна из них – «липучка», она же модифицированная «жадинка». Если «жадинка» была статичной,

то «липучка», имея все ее свойства, могла передвигаться по метру в каждую сторону, выдавая себя лишь едва заметным склонением травинок. Следующая – «огонек», миниатюрная копия гигантских аномалий «пепельниц», блуждающая возле Припяти. Но если «пепельница» пожирала все – и органику, и неорганику, обращая ее в серый пепел, оставляя хорошо видимые следы своего существования, то «огонек» переваривал все то, что появлялось спустя несколько часов после того, как он сам занял это место. Чистый «огонек» не имел визуальных признаков в дневное время, но достаточно верно распознавался детектором. Пара «рогаток», пара мелких «электр». Сталкер обходил и их, постепенно приближаясь ко входу на территорию группировки. Молочный туман уже практический исчез, едва напоминая о себе светлыми пятнами в небольших ямках, откуда его уже начинал выдувать утренний ветерок. Полностью погруженный в процесс сталкер прикидывал и сопоставлял пробиваемую им тропинку с видимым проходом между двумя разрушенными двухэтажками. Под окнами одной из них пульсировал огромный «трамплин», а в проеме, вооруженный СВД, стоял недвижимым изваянием и следил за ним монолитовец в серо-синем комбинезоне.

Неожиданно что-то изменилось, словно поменялся и слегка запах чем-то неуловимым воздух. Дым, неотрывно следивший за стариком, перевел взгляд с него на Мертвый Лес. «Ходок!» – понял он. Хоть он и не видел сталкера с неверо-

ятным умением маскировки, который несколько дней назад был здесь, он точно знал, что это тот самый Ходок. Изменение пси-фона при появлении ходоков было уникальным, как и сами ходоки. И теперь этот ходок, которого видели и остановили в прошлый раз, наблюдал за стариком, испытывая чувства возмущения, досады и непонимания. Дым словно читал его мысли, что старику, которому просто везло по глупости, везет и теперь. Старик, совершенно неподготовленный, уже прошел большую половину контрольной полосы, а его, ходока, вычислили еще в начале! Наверняка наблюдающий за ним сталкер сейчас считывал каждый шаг старика, запоминая дорогу. А идущий старик, сам того не желая, послужил «отмычкой», давая огромное преимущество попытающемуся пройти вскоре за ним Ходоку.

«А вот это уже нехорошо», – думал Дым, давая сигнал и второму номеру. На изменение пси-фона от ходока реагировало все: мутанты, аномалии, люди – и кажущиеся покорными аномалии, сами того не желая, могут убить старика. Между тем волна скрытого гнева и возмущения, исходящая от Ходока, делала свое дело. Аномалии, оставшиеся за стариком, злобно вспыхивали разрядами, потрескивали силовыми полями, торопливо подбирая и отпуская травинки в поисках источника возмущения. Старик тем временем проделал большую часть пути до окончания тропы, где он очутился бы на чистой от аномалии территории Монолита, и теперь до нее оставалось менее пятидесяти метров. Сталкер на кон-

трольной полосе, казалось, не замечал изменения окружающей среды, возможно, он слишком был занят продвижением вперед, чтобы лишний раз оглянуться или почувствовать сверлящий его спину взгляд.

Сталкеры, долго находящиеся в Зоне, практически всегда начинают очень хорошо чувствовать изменения пси-фона. Одни это называют чуйкой, другие – интуицией, но в целом и те и другие своим выживанием и благополучием обязаны именно этому обострившемуся чувству Зоны. Это чувство позволяет замереть в шаге от невидимой аномалии, избежать гиблого места, вовремя скрыться от начавшего охоту на человека мутанта. Чего уж говорить о самих мутантах и их чувстве Зоны. Но старик не имел такого чувства, он прошел еще десяток метров, все более приближаясь к последнему для себя препятствию – аномальному растению «горох», но тут на другом конце тропы, у Мертвого Леса, где в принципе должен был находиться Ходок, обозначилось движение. Молодой кровосос, воспринявший волны гнева и возмущения от Ходока, буквально материализовался из стелс-режима, в гнев шипя и шевеля щупальцами. Кровососы крайне редко отличаются умом, особенно если перед вами молодая особь, будьте уверены, она кинется на что угодно, не разбираясь, подобно жадному молодому окуню, кидающемуся на любую сверкающую блесну. Через секунду кровосос увидел одиноко бредущего старика, уже заканчивавшего свой путь. Грозно рыкнув и снова войдя в стелс-режим, он устремился за

ним. Дым четко видел, как мутант, оставляя цепочку следов взрыхленной землей, устремился к старику. Чтобы преодолеть двести пятьдесят метров до сталкера, кровососу нужно около пятнадцати секунд, с учетом аномалии – еще пятьдесят. Старик же по-прежнему еле полз оставшиеся десятки метров, тщательно вглядываясь в каждую травинку, в каждое движение и всполох на земле.

Монолитовец скомандовал второму номеру: «Готовность», заранее сокрушаясь о том, что сидящий в Мертвом Лесу сталкер вычислит местоположение обоих монолитовцев. Дым приник к оптике СВД, отслеживая цепочку следов атакующего кровососа. Старик уже счастливо миновал несколько рядов гороха, и теперь Дым хоть и мог стрелять вдоль двухэтажного строения, не задевая зону действия «трамплина», но, понимая сложность выстрела, полностью превратился в наводчика для второго номера, который мог бить в лоб кровососу. Тихо отсчитывая оставшиеся метры от мутанта до сталкера, Дым передавал картинку, предоставляя напарнику самому выбирать момент выстрела. Едва заметная цепочка следов, огибая небольшие аномалии, бесшумно несла быструю смерть старику. Негромко, даже в такой утренней тишине, визгнул выстрел из Гаусса, пространство за стариком, чавкнув плотью, внезапно превратилось в серо-бурую, с глухим грохотом кубарем летящую по земле массу. Старик вздрогнул и обернулся, только сейчас увидев, что происходит. Кровосос, из которого бешеной скоростью пу-

ли, вошедшей в грудину, было выбито наружу и вылетело сразу несколько позвонков, кувыркком катился к ногам сталкера. Дед в растерянности сделал шаг в сторону, сдвигаясь с пути тела, но труп мутанта не докатился до него, бездыханно замерев в метре.

– Готов, – прокомментировал напарнику Дым.

– Разбегались тут, – с явными оттенками удовлетворения пришло от напарника.

И путь для старика теперь был свободен. До входа на безопасную территорию монолитовцев оставался десяток метров, но старик не двигался. Замерев и глядя себе под ноги, он озадаченно потирал подбородок. На правой его ноге, на ботинке, коварной зеленой нитью поблескивало несколько усиков гороха. Слегка потянув ногу, буквально качнувшись на ней, он спровоцировал растение перехватиться уже десятком усиков по щиколотку. Дело было плохо. Дым уже сделал то, что должен был сделать, в конце концов, появление кровососа – дело рук Ходока, замершего на той стороне контрольной полосы, а не старика. А вот дальше помогать сталкеру нет смысла, это его, сталкера, путь и влиять на то, как ему дойти, не в правилах Монолита. Старик растерянно оглянулся, осмотрев мертвого кровососа и, обнаружив безмолвно наблюдающего за ним буквально в нескольких метрах монолитовца, наконец определился с планом действий. Он достал плохонький нож и, что-то приговаривая, начал колдовать на схваченной растением ногой. Прислушавшись,

Дым разобрал только некоторые слова, которые доносились до него с урывками:

– Ну раз сюды нельзя с чужим, оставим... хорошо, что... и тросточка пригодится... – негромко бормотал старик.

Через несколько минут старик, проведя ряд манипуляций над схваченной ногой, опираясь на винтовку и откуда ни возьмись появившуюся трость, поволокся дальше, но уже на одной ноге. Оторопев от неожиданности, Дым с ужасом увидел ногу, оставленную в горохе, но через секунду со смехом обратился к напарнику:

– Протез. Он на протезе шел, – широко улыбаясь, вслух сказал он. – Надо же, испугал как... Старик, старик.

***

Вечером того же дня в одном из городов, в реанимационном отделении детской больницы, произошло чудо. Шести-месячный ребенок с врожденным пороком сердца, за жизнь которого боролись врачи и у которого уже не хватало сил на самостоятельное дыхание, неожиданно громко и требовательно заорал. Перепуганный персонал обнаружил увеличение веса ребенка, стабилизацию всех жизненных показателей и не нашел ничего лучше, чем через полчаса отсоединить его от всех систем и передать его не находящей себе места матери. Розовый младенец жадно припал к груди и, громко всхлипывая от перевозбуждения и давясь молоком, впервые в жизни наелся досыта. Отрыгнув молочком, он, не отпуская халата матери из ставших вдруг крепкими ручонки,

уснул глубоким, здоровым сном, оставляя врачей в недоумении, а мать – самой счастливой женщиной мира. Этот случай описан в одной из желтых газет и прошел незамеченным для общественности. Как водится, все, что не срастается с общепринятыми нормами, исчезает из памяти большинства, так и врачи, написав что-то в своих отчетах об успешных курсах лечения, о некоторых новых технологиях обследований, и в том числе о высокой эффективности старых препаратов, выписали младенца, записав победу себе. А в группировке Монолит появился новый боец, за номером сто семьдесят, по прозвищу Старик.

Глава 4. День 10.

Спасательная операция

Веселый сизоватый дымок подвижной полупрозрачной стайкой вился в воздухе, обозначая существование маленького костерка, сложенного из мелких, длиною с ладонь, палочек. Сталкер – Ходок, задумчиво подбрасывал веточку за веточкой в пламя. Сыроватая, трухлявая, частично изъеденная жгучим пухом древесина легко отдавала свою влагу и менее чем через минуту сама превращалась в плоть костра. Лица сталкера не было видно, настолько низко ссутулившись сидел он, прислушиваясь к внутренним ощущениям. Случай со стариком уже несколько дней не давал ему покоя. Почему монолитовцы, эти безмозглые собаки, пропустили его? Мало того, они еще и помогли, подстрелив уже почти настигшего старика кровососа. Зачем это было им нужно? Это было непонятно для Ходока и требовало как минимум осмысления и понимания с целью практического использования, но не выходило. Сунуться еще раз к ним, но уже в открытую, как старик? Не годится. Ходок до сих пор помнит, с какой силой выбило из его рук винтовку выстрелом снайпера с той стороны. Винтарь вдребезги, хорошо что хоть тайник недалеко не был разоренным. Не зря он потратил кучу денег на покупку информации о всех тайниках и схронах вблизи тер-

ритории Монолита. Теперь на земле возле сталкера красовалась точно такая же гаусс-винтовка, как и у бойцов противника. Удачный тайник, не соврал Васька Козырь – торговец информацией, что вечно стоит в баре «Сто рентген». Кстати, Ходок так и не смог вспомнить его лица, оно всегда скрывалось в глубине капюшона каштанового бандитского плаща.

На секунду отвлекшись от размышлений, сталкер кинул взгляд на детектор жизненных форм, который он держал отдельно от выключенного ПДА. Детектор расплывчатыми темными пятнами на круглом зеленоватом экране показывал общий контур окружающей местности и никаких признаков жизни. Да и откуда ей здесь взяться, в Мертвом Лесу. Мертвый Лес выпивал жизнь из всех – и из мутантов, и из людей. Сталкер автоматически пощупал рукой установленные в поясе артефакты, которые компенсировали эти расходы, без них сталкер не стал бы задерживаться в этом месте. Рука в перчатке потянулась к очередной веточке, на конце которой висела пакля отжившего свое жгучего пуха. Хмыкнув, сталкер сунул ее в костерок, взглядываясь в процесс борьбы пламени с борющимся за свое существование едва живым аномальным растением. Жгучий пух из темно-коричневого превратился светло-серый, потом порыжел и скрючился, и лишь затем, спустя десяток секунд, отдался огню, испустив легкий дымок с запахом химии и паленого волоса. Проводив веточку в последний путь, сталкер вновь вернулся к своим мыслям. Снова ничего не вырисовывалось и не прихо-

дило в голову. Медленно уходящая между проемами здания спина старика не давала ему покоя. Он, сталкер, потратил больше года на сбор карт, необходимых артефактов, изучение всех выдуманных и невыдуманных историй о тех, кто дошел до Исполнителя, пережил кучу нападений на себя со стороны людей и мутантов, выжил, в конце концов, пусть не всегда честно, но он дошел до одного из последних рубежей. Теперь, как он планировал согласно собранной информации, ему предстояло пересечь небольшое открытое пространство, миновать десяток монолитовцев, по минимуму вступая в бои, и, следуя одной из карт ЧАЭС, отыскать вентиляционную шахту или канализационный люк, ведущий в основные подземные коммуникации, смотря что будет ближе, ну и добраться живым до четвертого энергоблока. Казалось бы, делов на один день. Но, привыкнув действовать наверняка и начав ценить свою собственную жизнь, сталкер не собирался рисковать сейчас, когда вырисовываются новые неизвестные.

Чуть громче обычного пшикнула веточка в костре. Сталкер вновь отвлекся от своих мыслей. Мутантов он не боялся, с каждым из них он уверенно мог разделаться в одиночку, либо скрыться из виду, и странное дело, как только он приспособился убивать мутантов и перестал их бояться, те перестали нападать на него, игнорируя либо избегая его при появлении, но сейчас ощущение уюта покинуло его. Медленно встав на ноги, он затушил костер, накрыв его специаль-

ной пленкой. Обувью он не тушил, чтоб не оставлять дымный след отпечатком ботинка. Еще через несколько секунд он определился с направлением и пошел на юго-запад искать новое место ночевки, так ему подсказывало чутье, а верность или неверность своей интуиции он не привык ставить под сомнение.

Спустя два часа, когда сумерки окутали Мертвый Лес, деля пространство с мутировавшими деревьями и жгучим пухом, на место его уже остывшей стоянки спустилось откуда-то сверху некое студенистое образование. Беззвучно обследовав остатки костра и место, где сидел человек, оно, жалобно всхлипнув, медленно потянулось обратно в высоту черных крон теряющих листву тополей.

***

Тишину ночи разрубал звучный шум шагов. Ударный отряд из двенадцати монолитовцев, в экзоскелетах, при полном тяжелом вооружении, среди которых был Дым, сопровождаемые четырьмя самцами-химерами и контролером, двигались в сторону среза. На этот раз дело было экстренное и сложное. Химеры напоролись на что-то серьезное с той стороны, и одна из них погибла, заключив сознание одного из Хозяев в своей оболочке. На выбравшуюся-таки своим ходом вторую химеру было страшно смотреть. Даже по меркам невероятной живучести, скорости регенерации химер она вернулась скорее трупом, нежели способным к жизни существом. Вернувшуюся химеру немедленно транспор-

тировали в лабораторию, где ею занялись Хозяева.

Теперь же тяжело шагающий отряд представлял небывалую мощь в рамках Зоны, но вряд ли являлся действительно таким для альтернативных миров. Самцы – химеры, стремительные, мощные, неудержимые боевые машины из плоти и крови, весом в шесть центнеров, не встречались в открытой Зоне. Это было равносильно разъезжанию на танке по детской песочнице. Искусственно выведенные мутанты специально создавались для ведения операций по ту сторону пространственного среза, когда не требуется ни особой ловкости, ни скрытности. Сами тела хранились в специальных помещениях в спящем режиме. Тонус мышц поддерживался непрекращающимися электрическими импульсами, перед боевым выходом химер накачивали химическими питательными веществами пролонгированного действия, по сравнению с которыми самые атомные дозы стероидов казались легкими витаминами. Да и управляли такими телами не Хозяева, а особые бойцы из группировки, чья реакция и скорость мышления позволяли использовать хотя бы половину возможностей этих существ. Они были элитой, особым отделом, козырем в рукаве у Хозяев на все случаи жизни. Не восприимчивые к боли, температурным перепадам, электрическим и психогенным аномалиям, имеющие достаточный энергетический и конструктивный запас прочности, чтобы продолжительно противостоять гравитационным перегрузкам и химическому поражению, вооруженные сверхпрочны-

ми когтями и клыками, стремительные самцы-химеры являлись молниеносной смертью либо невозможными для поражения мишенями для большинства существ с той и этой стороны.

Контролер, или доктор Зло, как беззлобно называли его промеж себя монолитовцы. Один бдящий контролер всегда выходил вместе с ударным отрядом, оставаясь в его тени и не выходя на прямой контакт с противником. Он играл роль и доктора, и координатора для людей, подчиняясь телепатическим приказам одной из химер. В случае смерти монолитовца он брал управление телом на себя, используя зомби для сохранения жизни еще живых бойцов. Собственно, количество монолитовцев и определялось пси-способностью контролера. На пределе он мог одновременно вести и управлять двенадцатью зомбированными, поднимая их вновь и вновь, превращая скованных экзоскелетом бойцов в практически неуничтожимые мишени для противника. Да и сами монолитовцы, увешанные защитными артефактами, защищаемые контролером от страха, ощущения усталости и боли, не являлись мальчиками для битья, скорее наоборот, плюшки, выдаваемые их тяжелым оружием, вызывали несварение у врага с желанием скорее покинуть место сражения, а дополнительное давление контролера на неприятеля усиливало эффект. Но если что-то смогло отследить, поймать и уничтожить химеру, оно на раз разделается с любым в одиночку столкнувшимся с ним монолитовцем, поэтому, идя за

телом павшей химеры, никто из бойцов не рассчитывал на легкую прогулку.

Вот он, срез. Вот пять бойцов, охраняющих выход на эту сторону, с ними, как обычно, Силыч, огромным силуэтом своего экзоскелета выделяющийся на фоне остальных. На ходу поздоровались, пожелали друг другу удачи. Некоторые из охраняющей вход пятерки слегка завидуют идущим на ту сторону. Но нечему особо завидовать, там нужны только расторопные ребята, чьи навыки ведения боя и способность к адаптации лучше. В этой группе Дым был десятым номером, а это значит, что на выручку химере идут одни из лучших бойцов группировки. Это его первый выход за грань. Ну все, черта. Дым поежился, странное ощущение. Когда охраняешь эту шнягу, чувствуешь себя защищенным, всегда знаешь, что у тебя за спиной, куда и как перемещаться в случае необходимости, из каких мест лучше вести огонь и куда теснить неприятеля, а сейчас... Выход в неизвестность. Практически не бывает выхода отряда без потерь, если уж самки химер не смогли ускользнуть незамеченными, это всегда означает, что противник будет серьезным и, возможно, за трупом мутанта придется переться в самое пекло, снимать носитель с рогов самого дьявола. Первый номер отряда – Соломон, подбодрил Дыма, пользуясь телепатической связью пси-шлема...

– Давай, Дымок, с почином. Там нет никого страшнее меня... – с этими словами Соломон обернулся и, придержива-

вая одной рукой миниган, достал устрашающего вида мачете, два раза стукнул им по нагрудным бронепластинам. – За Монолит! – совсем другим тоном, уже голосом крикнул он на всю группу. В его голосе, попадая в резонанс со звоном клинка мачете, зазвенела нестигаемая воля, прошедшая мясорубки кровавых сражений с той стороны и, несмотря ни на что, раз за разом одерживающая победу. Если бы за плечами монолитовца установить флаг, то группу тяжеловооруженных людей, закованных в броню, можно было бы принять за завоевателей другого мира. Контролер, уловив настрой, зафиксировал фон, и бойцы, вняв посылу, превратились в один организм, готовый уничтожать и рушить, жечь огнем и кромсать до последнего вздоха, а чего уж греха таить, еще долго после того, как остановится сердце.

Соломон – командир, пока в дело не вступит контролер, а значит, самцы химер. Но надо отдать ему должное, он ходил уже несколько раз и всегда выбирался живым.

Матовое темное стекло среза призывно поблескивало внутренними преломлениями. Первыми вошли химеры – четыре грозные туши, опустив голову и прижав уши, ушли на ту сторону, у них есть информация о потенциальном противнике, его количестве и возможном местонахождении трупа самки-химеры. Через минуту отряд монолитовцев, построившись в колонну по два с дистанцией в два метра, шагнул в неизвестность, колонну замыкал контролер.

Легкое головокружение, Дым открыл, как оказалось, за-

крившиеся глаза. Бледно-красное, покрытое сплошной облачной пеленой небо. Штиль. Странный, с кисловатым привкусом, но вкусный воздух, видимо, большое содержание кислорода. Прямо впереди холм метров двадцать высотой, намного правее – какой-то странный световой столб, больше похожий на выставленный в небо прожектор, но луч обрывается, не достигнув красноватых облаков. Слева – чистая до горизонта поверхность, без признаков зданий или строений. Другой мир, другая реальность... Дым, сощутив глаза, опустил взгляд вниз, изучая поверхность планеты. Ни травинки, ни камушка... Какая-то мелкая, глубокая и тяжелая пыль. Трудно представить себе, что будет тут, если поднимется ветер. Сзади с тихим, ни на что не похожим звуком выдохнуло пространство. Появился контролер. Удивительно, но срез с этой стороны больше похож на мираж, такая струя преломляющегося воздуха, оно и к лучшему: не так заметно. Первыми идут химеры. Первая пара химер, грозно рыкнув, устремилась к холму, вторая пара выдержав, дистанцию в двести метров, устремилась за ними, оставляя в плотной пыли четко видимые широкие когтистые следы в две человеческие ладони.

– Двигаем. Цель – холм. Дистанция пятьсот. Ждем возврата химер, прикрываем отход, – скомандовал по пси-связи Соломон.

Монолитовцы, растянувшись полукольцом, двинулись в сторону холма, держа оружие наизготовку.

– Это не простая куча земли, ребятаки, – продолжил связь Соломон, указывая на высившийся впереди холм, – это организм-колония. Тело внутри. Смотреть под ноги, входим в зону контроля организма.

Через некоторое время на земле в пыли стали проявляться четкие круги полуметром в диаметре, словно кто-то положил обруч в эту пыль, а затем снизу затащил его еще глубже, образовав канавки от провалившегося вниз предмета. Бойцы, привыкшие издали замечать аномалии, легко обнаруживали и обходили странные круги. Тем временем первая пара химер уже неслась к вершине холма, вторая остановилась у подножия, бесшумными, стремительными, не находящими себе место тенями контролируя подходы.

– Если первая пара без боя не сможет вытащить тело, рвем на хрен всю медузу, – решительно скомандовал Соломон, одновременно сделав знак остановиться.

Вот первые химеры, видимо, отыскав вход, исчезли с поверхности холма, провалившись внутрь. Секунды тянулись в безмолвии, ни ветра, ни звука в этом странном месте. Дым поймал себя на мысли, что чувствует удивительное спокойствие напополам с ожиданием действия и решимость одновременно. «Тут никак без контролера не обошлось, доктор Зло, видимо, уже начал свою работу. Ладно, давай, шаман, давай, стучи, стучи в бубен смерти». Контролер воспринял шутку как надо и поделился своим смешком с Дымом. Чувство времени исчезло, неизвестно сколько стоял отряд без

движения на открытой местности, десять минут или больше, пока не пришел сигнал к действию в виде легкого содрогания земли, заставившего шевельнуться и тут же вновь осесть пыль, и низкого, глубокого звука, чувствовавшегося самой кожей. Видимо, этот организм, который снаружи определялся как холм, поднял тревогу.

– Все. Химеры нашли тело, тащат наружу, но большой босс против. Сейчас будет жарко, – сообщил Соломон, одновременно включая аккумуляторы минигана и начиная раскручивать стволы.

Одновременно две дежурившие внизу химеры исчезли из виду, бросившись внутрь холма. Земля под ногами заходила ходуном, в воздух выплеснулись огромные, длиною в десятки метров, хоть и тонковатые для такого организма щупальца, начавшие обыскивать поверхность холма. Бойцы, стоявшие на дистанции, были в безопасности от них, но когда химеры будут выбираться наружу, щупальца организма доставят массу хлопот. А вот местные существа, живущие в этом то ли муравейнике, то ли огромном животном, бросившиеся из вдруг открывшихся проходов, предназначались уже бойцам Монолита.

Высокие, тощие, светло-серые, движущиеся на двух тонких ногах, больше похожие на кузнечиков существа стремительно приближались к малочисленному, но неустрашимому отряду. Самих существ, чей рост теперь определялся более чем в два метра, а узкие высокие головы – с множе-

люстным жевательным аппаратом и парой смоляных матовых глаз, становилось все больше и больше. Сначала десятки, потом уже сотни особей неслись на ошестинившихся оружием монолитовцев. Первыми ударили миниганы и пулеметы. Существа оказались совершенно незащищенными от подобного воздействия, и каждое попадание сотрясало особь, заставляя ее спотыкаться либо обездвигивая ее. Только после первых попаданий казавшиеся бездушными тенями кузнечики заклекотали, ускорившись еще больше, и на дистанции в пятьдесят метров до людей, вдруг сильно оттолкнувшись от земли и помогая себе, как оказалось, имеющимися за спиной крыльями, до сих пор плотно прижатыми к телу, поднялись в воздух. Поднятая взмахом действительно полупрозрачных, как у насекомых, крыльев пыль закрыла вид на холм, а между тем оттуда, сквозь грохот огнестрельного оружия монолитовцев, был слышен яростный рев химер, глухие, тяжелые удары и пронзительные крики еще каких-то созданий. Но бойцам уже было не до зловещего, сотрясающего почву холма на фоне красного неба. Кузнечики, набрав незначительную высоту, начали пикировать прямо на головы людей. Краем глаза Дым заметил, как в небо ударило несколько струй огнеметов, выхватывая из роя нападавших одну-две фигуры, с характерным звуком сработал стартер пси-плети, заставляя сразу нескольких существ упасть замертво. А приземляющихся между бойцами врагов становилось угрожающе много. Последнее, что помнил Дым, это Со-

ломона, бросившего разрядившийся и ставший ненужным миниган и со зловещим блеском в глазах, с разворота, практически надвое разрубавшего своим мачете кинувшегося на него кузнечика. Существо брызнуло бледно-красным соком, который даже кровью назвать было нельзя. «Ну хотя бы рубятся они легко...» – успела промелькнуть у него мысль, после этого что-то тяжелое ударило его по голове, и он потерял сознание.

***

Дым пришел в себя шагающим, уже на территории Зоны, это он понял именно по характерным только для глубокой Зоны сумеркам. Тело, не чувствуя боли, продолжало шагать в ногу с остальными бойцами. Впереди маячили фигуры четырех боевых химер. Мощные машины, видимо ранее изодранные в клочья, теперь практически отрегенирировали, хотя выступившие из-под толстой шкуры ребра и тазовые кости указывали на значительную степень истощения. Сделав усилие, Дым покрутил головой, все двенадцать бойцов были уже по эту сторону среза. Впереди шел, видимо, своим ходом Соломон. Почувствовав присутствие Дыма, он обернулся.

– Очнулся, боец? Сильно не дергайся, тебя наш доктор ведет, сам не сможешь, – мысленно сказал ему Соломон. – У тебя ноги продырявлены, – Соломон сделал паузу, словно собираясь с мыслями. – Потери – шесть человек: двадцать пятый, двадцать восьмой, тридцать второй, тридцать четвер-

тый, тридцать восьмой, сороковой, – перечисляя бойцов по порядковым номерам в общей системе, информировал командир.

В это время перед внутренним взором Дыма мелькали их лица. Кого-то он знал хорошо, кого-то не очень. Светлая им память.

– Как все прошло? – с трудом стряхивая с себя пелену последних событий, заставляя себя соображать и собирая в памяти все в единую цепь, спросил Дым.

– Нормально. Химеру вытащили, атаку отбили, муравейник вдребезги, – ровно, без эмоций, ответил Соломон. – Да... теперь твой номер тридцать третий.

– И долго я в отключке был? – спросил Дым, именно сейчас у него жутко разболелась голова.

– Да с полчаса ты в бессознанке ножом-то махал. Навыки у тебя хорошие, контролеру особо тебя таскать не пришлось. Потом в себя пришел, но начал тормозить, пришлось опять за тебя контролеру отдуваться.

– Вот грусть-беда, – произнес Дым, чувствуя усталость, тяжесть и боль во всем теле, по мере того как контролер постепенно отпускал его. Скривившись при вдруг стрельнувшей адской болью ноге, он решил не геройствовать. – Давай уже, веди до лазарета, – обратился он к контролеру, чувствуя, как вспыхнувшая было боль потухла, а в груди поселился холодок успокоения и отчуждения.

Глава 5. День 13. Гость

Дыма заштопали и восстановили за пару часов, еще сутки он пробыл на карантине, такое было положение. Хозяева следили, чтобы никакая болезнь или посторонние организмы не проникли в наш мир. Даже трупы, после того как дойдут до места назначения, раздеваются и исследуются. Нередко в них находят не присущие Зоне споры и токсины или внедренных паразитов. В целом поход на ту сторону среза – дело столько же опасное как до возвращения в нашу реальность, так и после. Карантин проходили все, в первую очередь химеры, затем, в своем комфортном помещении, бойцы. В помещениях было все – и кухня, и сауна, и спортзал. Даже контролер заключался в карцер с голыми стенами, где и просиживал отведенное ему время, там ему было уютнее, чем в обычных комнатах с мягкой мебелью. После похода количество бойцов группировки сократилось до ста шестидесяти четырех, но это было ожидаемо. В среднем в течение года количество колебалось от двухсот до ста двадцати. Старожилы говорили, пока еще были в строю, что когда к Монолиту дорвался Меченый, количество бойцов сократилось до тридцати. Затем неизвестно что именно произошло, но группировка снова достаточно быстро набрала людей и силы, перевооружилась, начала производить совершенно новые, гораздо более серьезные эксперименты, а количество Хозяев

увеличилось. С тех пор еще несколько сотен человек проходили к Исполнителю в качестве Просителей, как тот старик, и не менее двух десятков прорывалось боями, обманом и хитростью, как Меченый. Каждый раз, как сталкеры-ходоки прорывались к Исполнителю, группировка Монолит претерпевала значительные изменения в структуре, качестве и тактике действий, словно Исполнитель и Хозяева узнавали что-то новое и получали каплю молодой крови. Кто знает, может, так оно и есть. Возможно, Ходок, дорвавшийся до Исполнителя, самый ценный приз для самого Исполнителя.

И вот первый день после выхода Дыма из карантина. Дождя с утра не было, тонкие полупрозрачные тучи едва скрывали солнце, превращающее серые облака в красноватые локоны. Мутировавшая сирень своим буйным темно-зеленым цветом оттесняла скромные кусты смородины, жимолости и редкого, шипастого боярышника. Несмотря на то что большая часть территории группировки была покрыта асфальтом и бетоном, строительным мусором, либо была безвозвратно отравлена, зеленые пучки травы прозрачным ковром пробивались тонкими стрелками и сквозь асфальт и трещины в бетоне, и через битый кирпич и дырявое железо, пробивались вверх к серому небу и окружали дружной толпой отравленные химией места, год за годом сужая круг. Скрытая в растительности сила оказалась гораздо сильнее и мудрее человека, продолжив свое существование там, где нормальное существование самого человека стало невозможно.

Дым вместе с вверенным ему отрядом бойцов поднялся на поверхность. Позади в полутора километрах высилась серая громада ЧАЭС. Продолжительный карантин и реабилитация после воздействия контролера заняли несколько дней. Для каждого сталкера контролер – один из самых опасных мутантов Зоны. Бьющий без промаха, мутант дистанционного воздействия. В зависимости от человека и мутанта, воля сталкера ломалась за пару или за десяток секунд. Но контролер, служащий Монолиту, и дикий контролер – разные вещи (см. книгу 1 «Страж Монолита». – Прим. автора). Если дикий, не пробудившийся контролер, блуждающий в глубокой и средней Зоне, лишь инстинктивно ищет и берет под контроль людей, буквально взламывая и разрывая ментальные связи человека, превращая того в тряпичную куклу, а после прекращения воздействия оставляя сталкера идиотом или трупом, то пробудившиеся контролеры не затрагивают критических ментальных связей человека и не блокируют импульсы головного мозга. Если сравнить нервные системы с электрической сетью, то дикий контролер подсоединяется последовательно как амперметр, сначала разорвав собственное управление своим телом сталкера и включаясь туда, а после выхода оставляя не сращиваемые разрывы ментальных связей, то проснувшийся контролер подсоединяется параллельно, как вольтметр, не нарушая собственных энергетических и ментальных связей человека. Если сравнить головной мозг человека и мутанта с радиостанцией, а это можно

сделать, поскольку электрические процессы, протекающие в мозге человека, вполне можно регистрировать дистанционно специальной аппаратурой, то человеческий радиоприемник и ретранслятор буквально глушится мощнейшим электромагнитным импульсом контролера, заставляя транслировать не собственную песню, а то, что напевает контролер. Ну да ладно... Это все и многое другое объясняется на начальном курсе бойцов, только вошедших в группировку, для того чтобы они не боялись работать вместе с контролером. Хотя вреда от этого не было, равно как от профессионального гипноза. Знать и согласиться, что тебя поведет жуткого вида человекообразный мутант, было большим шагом для всех монолитовцев.

Однако вернемся к нашей пятерке, которая уже стояла на посту возле только что открытого пространственного среза. Две химеры стремительными тенями скользнули сквозь темное стекло пространства, едва оно зафиксировалось в размерах. Среди молчащих внешне монолитовцев на самом деле происходила оживленная беседа. Командира отряда расспрашивали о том, что было на той стороне, и других мелочах, в свою очередь рассказав ему, что все тот же Ходок стрелял в монолитовцев из гаусса на посту «Пятак», никого не убил, но, видимо, изучал пост в действии. Погоню ему вслед отправили, но взять не взяли, как сквозь землю провалился. Дым принял информацию к сведению. Что-то недоброе было в этом Ходоке, уж слишком он разборчив и последователен в

своём желании добраться до Исполнителя. «Опасный тип», – сделал пометку для себя Дым, настраиваясь не промахнуться по Ходоку при следующем его появлении. Тем временем в темном стекле среза всполохнуло. Телепатические разговоры оборвались, пятерка рассыпалась веером вокруг среза, направив оружие к месту появления гостей. А о том, что гостей было несколько, говорили учащенные всполохи, по мере того как нечто с той стороны проходило сквозь прореху в пространстве. Дым, глядя через прицел, повел гауссом из стороны в сторону, примериваясь к проему, чуть выше поднял печенег Силыч, чуть громче зашипело сопло огнемета в руках третьего номера. Частота всполохов и уже белых вспышек подходили к своему завершению. «При первом появлении валим всех сразу, залпом, без разговоров», – скомандовал Дым отряду. Еще мгновение – и под пасмурное небо Зоны один за другим начали выходить... люди. Обычные гражданские, без оружия и обмундирования, в каких-то ярких, кричащих одеждах, некоторые в камуфляжных костюмах под милитари, но то, что это не военные и вообще не вояки, было видно сразу. Появившиеся люди, поблескивая фотоаппаратами на шеях, а некоторые – стеклами очков, выпучив глаза уставились на закованных в экзоскелеты монолитовцев, направивших на них свое устрашающего вида, уже частично приведенное в действие оружие. По истечении десятка секунд гражданских становилось все больше и больше. Свыше десятка идиотов выставилось на монолитовцев,

большая часть, правда, глазела на огромного Силыча и пулемет в его руках, некоторые, охренев и сглотнув слюну, пока еще робко, но все более офигевая от эмоций, начинали щелкать фотоаппаратами. Появившиеся сзади выдавливали передних, негромко и удивленно восклицая от увиденного. В толпе была слышна речь. Русская речь. Монолитовцы, в принципе ожидавшие чего-то другого, свою очередь удивленно уставились на них, однако в любой момент были готовы уничтожить объекты по первому сигналу командира.

«Отставить», – мысленно скомандовал отряду Дым.

Отряд синхронно поднял оружие вверх, не ставя тем не менее его на предохранители. Дым сдвинув дыхательную маску на грудь и, закрепив ее там в специальном пазу, обнажил лицо, показывая гражданским, кто здесь главный.

– Это закрытая территория. Кто вы такие? – спросил он голосом у толпы.

Толпа, к этому времени составлявшая порядка тридцати человек, уже всю расщелкалась фотоаппаратами, и гомон разговоров достиг неслыханной для глубокой Зоны плотности.

– ...елки-палки... солдаты... – слышалось из толпы.

– ...а говорят, у нас такие костюмы не...

– ...снимай, Саня, вот этого сни...

Понимая, что его никто не слышат, Дым дал сигнал Силычу, и громогласная, оглушающая очередь из печенег поверх голов гражданских моментально навела могильную ти-

шину, на фоне которой жутким воем вдалеке проступил вой слепого пса и шорох сбитой пулями падающей листвы.

– Повторяю вопрос, кто такие?! – громко сказал Дым, сурово оглядывая пестрое сборище.

В толпе испуганно закуружили головами, приходя в чувство и отыскивая, видимо, парламентаря. Откуда-то из глубины выскользнула худенькая женщина, брюнетка в джинсах и красной куртке.

– Мы... э-э-э... туристы, приехали посетить Припять и территорию, прилегающую к ЧАЭС, – произнесла она, расширяя глаза от ужаса, когда Силыч шевельнул пулеметом. – Мы... э-э-э... где мы? – спросила она у Дыма. – И кто вы? Тут никогда никого не было... Я гид этой экскурсии... тут всегда лес был...

– Тут и сейчас лес. Закрытая территория, посторонним вход воспрещен! – подбирая слова, чтобы не вызвериться на идиотов, ответил Дым. – Разворачивайтесь кругом и уходите.

Некоторые из толпы обернулись и, увидев темно поблескивающее матовое пространство среза, удивленно и боязливо зароптали, опасаясь незнакомого явления прямо у них за спиной.

– Но позвольте! – в худенькой брюнетке, видимо, проснулся борец за гласность и демократию. – Здесь давно уже нет закрытой территории и никаких солдат! Нас не предупреждали... И почему мы обязаны идти туда? – она указала

пальцем на срез.

– Здесь опасность радиоактивного и химического поражения, – терпеливо пояснил Дым. – Вы пришли этим путем, он выведет вас обратно. Проверьте свои счетчики, если имеете.

Несколько человек уткнулись в счетчики радиации.

– Фон повышен, но нормальный, такое бывает, это же ЧАЭС, – возразила брюнетка. – Наш автобус... – с этими словами она осеклась, пытаясь разглядеть автобус за срезом.

Но, видимо, и до нее начало что-то доходить. То ли непривычные, искаженные аномальным фоном и затихшей сейчас радиацией деревья под мрачным, давящим небом, то ли далекий, леденящий душу вой слепого пса, не затихающий уже больше минуты, то ли более чем серьезного вида бойцы в полном вооружении, а может быть, она и стоящие позади нее люди вслушались в дыхание Зоны. В любом случае эйфория от неожиданной встречи с бойцами в экзоскелетах пропала, а на смену ей пришли тянущее душу беспокойство и тревожность.

– Повторяю еще раз, – чувствуя настроение туристов, сказал Дым, – вам нужно немедленно уходить, для вашей же безопасности. Мы не отвечаем за вашу безопасность здесь.

– А где это – здесь? – звонко спросил худощавый парень, на вид лет двадцати, в синем спортивном костюме, поверх которого была накинута куртка с камуфляжной разрисовкой.

Дым промолчал, изучая спросившего.

– Это что за оружие у тебя в руках? – не унимался вы-

скочка. – Это ведь Гаусс, верно? – не скрывая нездорового огонька в глазах, спросил он. – А вон у тех, это что? – указывая пальцем на громоздкую пси-плеть и разрядник. – А? Я знаю, кто вы, я всегда думал, что вы есть... Но как вы сюда попали?

– Повторяю, граждане туристы, – перебивая выскочку, повысил голос Дым, – эта зона опасна для гражданских. Немедленно покиньте территорию тем же путем, каким пришли.

Монолитовцы недвусмысленно направили оружие на туристов.

– Считаю до пяти, потом применяем силу. «Если они шас не двинутся, затолкай их, Силыч», – дал он команду по пси-связи. «Если остальные будут убегать, не наши проблемы», – дал Дым установку остальным.

От него не укрылся лихорадочный блеск глаз паренька в спортивном костюме. Но сейчас толпа с мычанием тупых зомби, оглядываясь на направленное на них оружие, двинулась обратно в пространство среза. После того как первые исчезли, остальные, обалдевшие от всего происходящего, послушно следовали за ними. Как только последний турист исчез из виду, бойцы облегченно вздохнули.

«Ну и придурки», – прокомментировал второй номер.

«Ага, даже не знают, как им повезло... Гражданские», – с презрительной интонацией добавил четвертый.

Через несколько минут из среза теньями выскользнули обе химеры, как и следовало ожидать при таком раскладе, целые

и невредимые. Вдалеке заработали антенны, зашивая пространство, монолитовцы стояли на месте, ожидая завершения процесса. Вылазка была быстрой, химеры вернулись в первой половине дня, стало быть обед будет в столовой, а не на посту, это тоже хорошо. Отряд терпеливо ждал окончания процесса. Наконец пространство позади нормализовалось. Стали видны деревья, листва на земле и небольшие ветви без листьев, высохшие и отвалившиеся от родительницы. Там, между деревьев, что-то виднелось, то, чего ранее здесь не было, не сочетающееся с окружающей средой. Отряд приблизился к объекту, наполовину присыпанному листвой. Движением ноги Дым перевернул тело в камуфляжной куртке, из-под которой проглядывал синий спортивный костюм.

«Кость ему в горло, придурок, – не сдержался второй, проверяя пульс у того самого паренька с нездоровым блеском в глазах. – Живой еще, долбоящер».

Отряд замер, ожидая решения командира.

«Пусть валяется! – скомандовал Дым. – Уходим».

Никто из бойцов вверенного ему отряда не бросил и намек на сомнение в решении командира. Пятерка закованных в броню монолитовцев подхватила оружие и, развернувшись, направилась в сторону ЧАЭС.

– Пойдите... – слышался сдавленный, еле слышный шепот позади, после чего – шорох осыпающейся листвы и хриплый кашель. – Пойдите, куда вы...

Монолитовцы остановились и, развернувшись, смотрели на паренька, который, преодолевая головокружение и слабость в ногах, пытался встать из лесной подстилки. Наконец ему это удалось, и, пошатываясь, то и дело морщась от головной боли, он приблизился к бойцам. Сглотнув слюну и оглядевшись, задержав на некоторое время взгляд на том месте, где совсем недавно были другие туристы, он произнес:

– Блин, а где все? Ох ё... дайте воды, голова болит. Меня что, вырубил, что ли? Зачем? – парень скривившись ощупывал голову, ожидая обнаружить на голове шишку или другое место, которое бы обозначило, что его действительно ударили.

Дым тяжело вздохнул, снимая с пояса фляжку с водой.

– Ты на хрена тут остался, турист? – спросил он, выражая общий вопрос отряда.

Турист присосался к фляжке, жадно глотая воду. Отпив половину, он вернул фляжку владельцу. Его взгляд прояснился.

– Да я не специально, вы не думайте. Я тут не шпионю, вырубился просто, отстал от группы. Могу документы показать, – с этими словами он полез во внутренний карман, достал бумажник, из которого выпали несколько рублей мелочью и исчезли в листве.

Дым молча взял документы, даже не разглядывая их, подержал и вернул. Стоит ли узнавать имя человека, если жить ему в Зоне остается либо минуты, либо часы, если повезет.

– Что, даже имя не проверите? – недоумевающая спросил турист и убрал документ обратно в карман. – Вы мне хоть скажите, куда идти, я-то сам выйду, товарищ... – парень замешкался, пытаясь разглядеть хоть какие-то знаки различия или погоны на экзоскелете монолитовца. – Офигенные у вас костюмчики, правда... Но я ничего не видел, – тут же исправился он, понимая видимо, что его замечания вряд ли придутся по вкусу секретной организации.

Дым молчал, обмениваясь информацией и запрашивая инструкции у первых номеров. Приказом сверху пришло: «Игнорировать». Монолитовцы синхронно развернулись и продолжили путь.

– Куда вы? А? Мне в какую сторону идти? А, командир? Але, народ? – опешивший от такого поворота, растерянно спросил парень.

Еще через пару минут его силуэт скрылся среди мрачных стволов смешанного леса.

Глава 6. Ход до базы

Почти сотню метров отряд шел в молчании, уже забыв о бедолаге туристе, но, видимо, сам турист не захотел быть потерянным, и, наступая, наверное, на все ветки в лесу и шоркая листвой, он догнал отряд, продолжающий маршировать уверенной бронированной поступью.

– Командир! – звонко и неприлично громко для этих мест крикнул он монолитовцу. – Постой же, ну...

Отряд остановился, развернувшись к перешедшему с бега на шаг пареньку.

– Командир, я не помню, как и что произошло, но это другой лес. У меня телефон не берет ни фига. Тут до асфальта-то километров сорок должно быть. Блин, я ж не могу двое суток по лесу блуждать, вы хоть в рацию своим крикните, пусть свяжутся и скажут кому надо, что человек от группы отстал, а? У меня ни еды, ни питья, – парень растерянно оглянулся. – Я заплачу если надо, у меня, правда, немного... – с этими словами он полез за бумажником, достал все купюры, которые были, и робко протянул Дыму.

Монолитовец даже не шевельнулся в сторону протянутых денег и, смерив взглядом с ног до головы паренька, произнес:

– Это Зона, турист. Это здесь ничего не решает.

– Блин, мужики, чего вы? – не поняв смысла сказанного, огорченно протянул парень. – Я же сам... – тут до него, ви-

димо, что-то начало доходить. Он растерянно огляделся, уже совсем другими глазами, вслушиваясь в мрачную атмосферу леса, которую сейчас не нарушал ни вой слепого пса, ни шелест листвы. – Какая Зона?.. Шутишь? – он неуверенно хохотнул. – Вы тут служите и над туристами угараете, походу? Зона только в книгах имеется, а, командир?

Дым не шевелясь смотрел в глаза парню. Остальные монолитовцы, чьи лица были частично скрыты дыхательными масками, не выражали ни тени юмора или усмешки. Турист убрал деньги в карман, не заморачиваясь укладыванием купюр в бумажник.

– Блин, вот вы угараете... – неуверенно произнес он.

– Тебе вроде знакомо вот это? – спросил Дым, делая шаг навстречу пареньку и показывая гаусс-винтовку.

– Ну... э... это же гаусс? На рисунках так выглядит... А вы, наверно, эти... сталкеры... – его глаза осветились радостным светом. – А... вы, походу, ребята – фанаты игры! Ну вы вообще! – восхищенно произнес он, не давая сказать и слова монолитовцу. – Ну вы красавцы, такие костюмы забаббахали, шик... блин, а гаусс-то, гаусс!!! Смотри, как настоящий, – турист, сверкая восхищенно глазами, протянул руки, чтобы потрогать оружие, но Дым отстранился, слушая парня.

– Какие сталкеры? – спросил он, как только его ушей коснулась подозрительная информация.

– Ну как какие?! – воскликнул парень, теряя от восторга самообладание, с трудом держа себя в руках, чтобы не бро-

ситься обнимать бойцов. – Такие же, как вы, но до вас им далеко. У них, правда, кроме АК и макарова нет ничего, да и костюмчики... – турист перевел взгляд на Силыча, чей экзоскелет носил явные следы пулевых попаданий, оттиски зубов на щитках, а на грудной бронепластине явственно виднелось пять глубоких борозд когтей кровососа.

– И где эти сталкеры? – уточнил Дым.

– Ну как где, приезжают на своем автобусе, рубятся тут... ну и в Припяти бывает, где почище... там киношки снимают классные... а потом уезжают.

– Уезжают? – недоуменно переспросил Дым.

– Ну да... тут-то и радиации хапнуть можно, если неосторожно. А ночью в лагерь, там гитара, костерок, водочка... девчата тоже есть... – мечтательно сказал турист.

– Девчата? – уже растерянно переспросил Дым. – В Зоне?

На минуту монолитовец застыл, туристу было и невдомек, что бойцы оживленно переговариваются, используя пси-связь. Наконец решение было принято.

– Короче, турист, смотри. Тут Зона – не та Зона, откуда ты пришел. Сталкеров и сталкерских лагерей, – Дым усмехнулся, – с гитарами тут нет, по крайней мере километров на десять-двадцать от ЧАЭС, девчат тоже. Ты – посторонний, нам до тебя нет дела. Делай что хочешь, выход из Зоны – там, – Дым махнул рукой на юг.

Монолитовцы развернулись и снова двинулись в путь, оставляя уже возрадовавшегося разрешению ситуации тури-

ста в полнейшей растерянности.

– Э, народ, вы блин че, оборзели, что ли? – неожиданно резко крикнул им вслед парень. – Вам что, сложно телефон мне дать, я хоть позвоню, скажу, что застрял... чо вы как нелюди?

Дым развернулся и, выбрав сухое дерево, потерявшее большую часть ветвей, стоящее недалеко от туриста, прицелился и выстрелил в него из гаусса. Ствол дерева, с треском брызнув посередине золотистой щепой, разлетелся вдребезги, верхняя часть с шумом упала на лесную подстилку, поднимая движением ветра кучу листьев. Отряд продолжил путь, оставив ошарашенного, открывшего рот туриста в одиночестве.

Мысли о госте из «другой Зоны» немедленно вылетели из голов монолитовцев, но через двести метров неосторожное шуршание листвы обозначило преследующего их бедолагу, который уже откровенно бежал за ними.

– Блин, народ, ну кто вы там есть? Постойте!

Отряд остановился. Дым очередной раз развернулся к парню. На этот раз гость остановился подальше, обоснованно побаиваясь бойцов.

– Мужики, там труп лежит! В лесу! – на бледном лице парня была видна нешуточная борьба страха, растерянности и настоящей потребности действовать под выбросом адреналина. – Ребята, вы кто? – не без истеричной нотки спросил он.

Поняв, что парнишка не отстанет, и не видя смысла поддерживать легенду секретности, Дым ответил:

– Группировка Монолит. Командир отряда Дым.

– Вы что, серьезно, что ли? – турист отказывался верить в происходящее. – Это Зона?! Та самая Зона?!

Дым поискал глазами хоть что-то, чтобы до парня, наконец, дошло, где он находится, если отсутствие связи, таинственное исчезновение всей его группы, бойцы в полном вооружении, еще и труп какого-то сталкера в лесу все еще не дали понять парню, что он находится как минимум в очень опасном месте. Совсем недалеко от туриста, буквально в нескольких метрах, скрутила спиралью чахлый кустик и уложила характерным круговым рисунком упавшие листья свежая аномалия – «птичья карусель». Монолитовец подобрал с земли сучок и без замаха бросил в спящую аномалию. «Птичья карусель» на лету перехватила предмет и, крутанув его несколько раз, распознав как неинтересное и несъедобное, выбросила подальше от себя, заставляя подхваченные в охотничьем порыве листья взлететь, обрисовывая контуры аномалии, и тут же осыпаться.

– Аномалия... – зачарованно и растерянно прошептал парень, глядя во все глаза на опадающие листья. Воцарилось молчание. – Я же отсюда не выйду, – тихо сказал он. – Я где, возле ЧАЭС?

Дым кивнул. Совсем недалеко, метрах в двухстах, подал голос слепой пес, отчего у парня с непривычки дрогнули ко-

лени, да и бойцы почувствовали страх человека, такой сладкий и вкусный для всех мутантов. Стоит теперь им оставить парня одного, жить ему останется с десятков минут. Самые чувствительные мутанты метнутся к нему прямой наводкой. Дым сокрушенно покачал головой: говорили им всем, как людям, «возвращайтесь, здесь опасно», нет, всегда найдется один придурок, который все делает по-своему, который хочет все проверить на своей шкуре, только что прочности шкуры ему не хватит.

– Я... я пойду с вами, – не то попросил, не то сообщил он, затравленно глядя на Дыма.

Дым ничего не ответил, развернувшись, он дал команду бойцам продолжить путь. В конце концов команда была «игнорировать», а не оставить его в лесу, так что пусть делает что хочет, но нота сочувствия все-таки шевельнулась в душе бойца.

Обычно срез делали в паре километров от Мертвого Леса, выбирая место почище от аномалий и подальше от возможных посторонних глаз, нередко используя одну и ту же точку несколько раз. Так что дорога обратно от среза до базы занимала в среднем полчаса, но сейчас, поскольку экспедиция химер была закончена очень быстро, сверху было дано задание возвращающемуся отряду пройти через пост «Пятак», возле которого недавно было замечено движение. Под словом «движение» подразумевалось не движение мутантов, а появление сталкеров. Таким образом, Дым, получив зада-

ние, изменил маршрут, и обычно короткая дорога теперь затягивалась на несколько часов, с учетом того, что их ничего не задержит. Парень же, конечно, ни о чем не догадываясь, шел позади колонны, крутя головой во все стороны, стараясь, однако, не сходить с оставленных отрядом отпечатков.

Он и понятия не имел, что бойцы время от времени свободно переговариваются по пси-связи. Для него они были мрачными, тяжеловооруженными силуэтами, шагающими по сырой листве леса, словно огромные средневековые бронированные завоеватели чужих земель. Он был настолько подавлен и ошарашен произошедшим, что, обычно общительный по натуре и тяготившийся безмолвием, стеснялся спросить хоть что-либо у бойцов. Пару раз в воздухе пахло озоном, чаще сырой древесиной или земляной сыростью. Несколько раз, правда, он видел огромные красные цветы, которые монолитовцы то ли обходили, то ли просто каждый раз так меняли маршрут, что разглядеть их поближе не было возможности. Иногда ему попадались в поле зрения какие-то кости, иногда лежащие, потерявшие форму тряпки камуфляжного тона. Сам по себе лес и поляны были такими чужими, в каких-то неуловимых глазу элементах, что сразу и не получалось выхватить всю картину, приходилось прилагать усилия, чтобы заставить себя понять, где он находится и что делает, от этого становилось не по себе, даже среди хоть и сумрачного, но все-таки дня. Во все глаза глядевший на это Турист все больше понимал, что отстать от группы

было бы вторым самым глупым решением за сегодня. Тем не менее время шло, и через почти час хода он, наконец, решился спросить у шагавшего впереди него самого большого монолитовца, легко придерживающего пулемет в походном положении на локте.

– У... уважаемый, – негромко, боясь сделать что-нибудь не так, начал он, готовый наглухо заткнуться при необходимости, если ему только намекнут.

Шагающий впереди монолитовец не обернулся.

– Уважаемый! – чуть громче обратился он.

Шагающая впереди механизированная гора мяса слегка удивленно повернула голову, затем, прокашлявшись и не сбавляя шага, буркнула:

– Чего?

– А куда мы идем? То есть если... долго еще?

– Как получится, – спокойно и немного задумчиво ответила фигура.

– А... – протянул парень, понимая, что если он замолчит сейчас, то возможности поговорить в другой раз может и не быть, к тому же огромный боец вроде бы не проявляет к нему неприязни, а тот недобрый командир, шагающий первым, не слышит их. – Меня... – затем, вспомнив, что его имя никому не интересно, он решил не повторять историю с паспортом и спросил другое. – А что там за кости лежали по пути?

– Разное. Кровососы, кабаны, иногда собаки, сталкеры, – ответил боец, держа голову чуть повернутой влево, чтобы

лучше слышать замыкающего колонну парня.

– А... – собираясь с мыслями и все еще не до конца веря в происходящее, произнес парень, срочно придумывая, чтобы еще спросить. Куча вопросов, которая вертелась на языке, стала бестолковой и не нужной после ответа монолитовца.

– Ты зря от группы отошел, – спустя пару минут вернулся к разговору боец. – Зря. Чего хотел-то?

– Да я как бы... – парень замялся, пытаясь сообразить, какого лешего он вдруг решил погеройствовать при виде не пускающих их вооруженных людей. – Интересно было, – монолитовец молчал, размеренно шагая по лесной подстилке. – Я же читал про Зону... С ума сойти, как такое возможно?! – больше говоря самому себе, произнес турист. – Я же хотел, чтобы она была, хотел бродить по ней, изучать... Она мне даже по ночам снилась... – растерянно произнес он.

– Правда? – с интересом спросил боец.

Почему-то, после того как турист вспомнил о своих снах, от которых он просыпался почти всегда полчетвертого ночи, ему стало спокойнее. В снах он все время бродил в непонятных местах, угрозы и опасности, видимые им, как будто не замечали его, и еще у него всегда было ощущение, что он находится в двух местах одновременно или делает что-то сам и в то же время смотрит на себя со стороны. Иногда во сне на него бросается огромная, невероятных размеров собака, или волк, но дальше, именно в подобные моменты, сон обрывался, и он просыпался в кровати, а зеленые светящиеся

цифры электронных часов показывали полчетвертого ночи плюс-минус несколько минут, и в душе оставалось ощущение чего-то несделанного, таинственного, тревожно щемящего душу. Теперь самому туристу расхотелось беспокоить бойца, и он, пытаясь вспомнить свои сны, уставился на спину шедшего впереди монолитовца, заодно изучая, как работает экзоскелет. Блестящие штоки спаренных цилиндров бесшумно выдвигались в такт шагов человека, мощная броневая деталь на спине, выполненная из сегментов, напоминала спину австралийского броненосца, с плоскими баллонами, ближе к краям пластины. Добавочные плечевые накладки с какими-то креплениями, несколько странного вида металлические застежки, приковывающие шлем бойца к плечам, и пара маленьких цилиндров, отвечающих за поворот головы. При всем при этом гудения или шипения, характерного для механизмов, не было слышно, лишь глубокие отпечатки ног говорили об общем весе бойца.

– Простите, а у вас на костюме цилиндры гидравлические или пневматические? – наконец задал турист действительно заинтересовавший его вопрос, поскольку в механике он был относительно сведущ.

– Комбинированная система, – через минуту ответил монолитовец. – Если силы не требуется, берем газ, на медленные, где нужен тоннаж, – гидравлика.

– Так у вас там и компрессор, и гидравлический насос? – пытаясь разглядеть возможное местонахождение агрегатов,

спросил парень.

– Нет, насос один, и рабочая жидкость одна, режимы разные. Можно домкратить, можно бегать. Вопрос в жидкости: если пропустить ток, становится газом, если дать другой вольтаж – снова жидкостью, в общем, по потребности. Бак один, вот справа, на спине, – охотно ответил боец.

– А что за жидкость такая... должна же пениться при таком режиме...

– А ты, смотрю, соображаешь в механизмах? – прокомментировал боец. – Жидкость, само собой, непростая. Тебе на что?

– Да так... – смутился парень.

– Ничего страшного, спрашивай пока. За спрос в отмычки не пошлем, – пошутил он.

– А? В отмычки? Нет, не надо... А что за насос, от чего работает?

– Насос особый, там, на Большой Земле, таких нет. Мягкий, ударов не боится, саморегулирующийся, мощный... как сердце, только механический. Работает частично сам по себе, в режиме ожидания, подзарядка от силовых полей, ну ее можно в расчет не брать, а при активности – аккумуляторы, – монолитовец сделал паузу и уже другим тоном произнес: – Аккумуляторы – сборка местная, одного на сутки бега хватит. Ну-ка, турист, подь сюды, – боец остановился и, протянув огромную ручищу, протолкнул парня впереди себя. – Подходим. Твое время еще не пришло.

Турист и сам понял, что тот лес, играющий легкими осенними красками, закончился, и они вошли в совсем другую обитель. Отряд из шести человек, один из которых был явно «одет не по погоде», вступил в полосу Мертвого Леса. Изуродованные симбиозом с аномальным жгучим пухом, радиацией и воздействием Выбросов, почерневшие тополя и осины зловеще оцеперились торчащими, хватающими из-под земли за ноги клыкастыми корнями и пиками нижних обломанных и высохших ветвей. Кое-где проглядывались неряшливые клоки жгучего пуха, а в некоторых местах целые охапки, частично сползшие с деревьев или поддерживаемые мертвыми, черными сучьями. Воздух казался сухим и колючим, одновременно воспаляющий слизистую носа и вызывающий неприятное пощипывание глаз.

– Ты, парнишка, сейчас смотри под ноги, головой не крути, – посоветовал ему идущий вплотную позади огромный боец. – Будут стрелять, просто присядь, за ногу меня держи, если надо, и это... поспокойнее себя веди, не маленький. Усек? – спросил боец, переводя пулемет в боевое положение.

– Да, – парень кашлянул. – Горло щиплет, и нос... и глаза вроде. Газ?

– Нет. Пух потревожили, порвали, потоптали, труха с него в воздухе. Через тряпку дыши. Все, теперь ни гу-гу, турист.

Парень замолк, приложив ко рту и носу рукав камуфляжной куртки. Опустив вниз голову, он не отрывал взгляда от протоптанной среди негостеприимной среды дорожки, зная

хотя бы по книгам о немилосердности жгучего пуха. Совет монолитовца не крутить головой улетучился из головы сразу же, едва слева от тропы он услышал, а затем и увидел черные мечущиеся тени, с низким гортанным рыком как будто гоняющиеся друг за другом. Тем не менее отряд шел, не сбавляя скорости. Сначала незаметно, а затем все более явно на стволах деревьев стали видны капли крови. Через пару десятков метров группа вышла на сравнительно открытую поляну, где валялись оружие, пара зеленых шлемов и рюкзак. На темных стволах деревьев светлели свежие сколы, оставленные автоматными пулями, имеющийся кустарник был поломан и обрызган кровью. То, что увидел, подняв голову, турист, заставило его вскрикнуть от ужаса, сильнее прижав рукав куртки ко рту. На противоположной стороне поляны высилась громадная, синевато-сизая спина чудовища высотой более двух метров. Чудовище урча возилось над чем-то лежащим на земле, помогая себе маленькими лапками. «Псевдогигант», – понял турист, расширенными от ужаса глазами наблюдая, как мутант поднял в пасти лишенное конечностей окровавленное и раздетое тело человека и, словно хищная птица, подкинув в воздухе, перехватил поудобнее, после чего раздался хруст грудной клетки. Спазм голосовых связок и судорожно закусанный до скрипа кожи рукав не дали ему закричать во все горло, но все же какой-то звук вырвался наружу и коснулся слуха мутанта. Мутант замер с торчащими окровавленными останками

человека во рту, обернувшись на сколько ему позволяло его малоподвижное тело. Монолитовцы, держа на прицеле чудовище, медленно попятились назад. Силыч, шедший за пареньком, одной рукой схватил его, окаменевшего, за куртку между лопаток и в таком положении, словно статую, понес перед собой, причем ноги паренька уже не касались земли. Мутант, обернувшись уже полностью на звук хрустнувшей под ногой одного из бойцов ветки, встретился взглядом бессмысленных глаз, с вздувшимися до размеров мизинца руки кровеносными сосудами, с туристом. Сказать, что пережил новичок при виде окровавленной огромной морды, на которой виднелись шишки застрявших в толстенной шкуре пуль с сочащейся из почти затянувшихся ран кровью, невозможно. Псевдогигант, не замечая бойцов Монолита, открыл рот, из которого выпал окровавленный труп, и вдруг, словно став толще, дернулся, поднимая одну из толстых ног высоко вверх. Все оружие отряда, кроме огнемета, ударило одновременно. Пулемет Силыча бешеной дробью ударил по опорной ноге, гаусс Дыма, вбивая разогнанные до сверхзвуковой скорости стальные цилиндры, крошил необоримые суставы той же ноги, пси-плеть и электрическая дуга, освещая нестерпимым светом всю поляну, выжигали нервную систему и плоть мутанта. Грозный рев зверя перешел в нестерпимый визг, и мутант рухнул замертво, дымясь и расплзаясь под собственным весом. Через секунду Мертвый Лес огласился рыками метавшихся поодаль кровососов. Отряд мгновенно сплотил-

ся вокруг незащищенного парня, выставив оружие. Одуманные запахом смерти кровососы не решались нападать на бойцов, каждый раз намереваясь выхватить из кольца туриста, они в последний момент закладывали крутой вираж, избегая столкновения с группой. Почти минуту они прозрачными преломлениями воздуха и белым эфемерным сверканием безжалостных глаз носились вокруг людей, пока наконец понимание недоступности добычи одновременно с жадой свежей крови не погнало охотников искать более приемлемый вариант удовлетворения вечной жажды.

Без всякого сигнала трое из пяти монолитовцев принялись обыскивать поляну и окрестности вокруг нее. Парень стоял ни жив ни мертв, тяжело и с хрипом дыша через судорожно прижатую ко рту руку. Два бойца остались рядом с ним, Силыч с пулеметом и боец с пси-плетью. Громко выдохнув, Силыч посмотрел на паренька:

– Ну вот, топтыгу ни за что завалили, могли бы прогнать... – нейтрально сказал он.

Парень тяжело дышал, пытаясь успокоиться и хоть чуть-чуть расслабить судорожно прижатую ко рту руку. Наконец ему это удалось, и тихим, не своим голосом он произнес:

– Я думал все... конец...

– Конец, не конец... тут, в Зоне, еще не ясно, какой из концов лучше, – меланхолично подал голос монолитовец с пси-плетью.

– Да куда уж лучше этого... – турист поглядел на мерт-

вого, ставшего бесформенной кучей плоти псевдогиганта и частично торчащего из-под него труп человека.

Монолитовец с пси-плетью пожал плечами, Силыч тоже промолчал.

Между тем тройка обшаривающих окрестности монолитовцев начала вытаскивать окровавленные снаружи, но схожие предсмертной маской трупы. Чернота вокруг глаз, открытый рот с синими губами, ввалившиеся щеки и какая-то слишком четко прорисованная шея, обрамленная мелкими, частыми, едва видимыми в скудном освещении черными проколами. Все добыты кровососами.

– «Синие», – доложил группе и несколькими первым номерам группировки по общей пси-связи Дым, разглядывая обмундирование. – Семь человек, все двухсотые. Похоже, притащили за собой свору, она их тут и положила.

– Наемники, – негромко сказал вслух парню Силыч.

Через десяток секунд внутренних телепатических разговоров между командиром отряда и первыми номерами группировки отряд снова выстроился в колонну, на этот раз замыкающим шел Силыч. Через короткое время отряд дошел до поста.

Пост «Пятак», если смотреть на него со стороны Мертвого Леса, представлял собой несколько мешков с песком посреди как будто чистого пространства. Но фокус этого поста был в том, что видимость была не более трехсот метров в каждую сторону, дальше пространство отсекалось танцюю-

щей стеной преломляющегося воздуха, за которым казалось такое же открытое пространство. Стоило человеку войти на контрольную полосу, как Мертвый Лес позади него становился меньше и дальше, скрываясь и размазываясь отдаленной его миражом воздушной стеной. Единственное, что было видно, став на тропу, ведущую к мешкам с песком, за которым маячили два непропорционально маленьких силуэта стоящих на посту монолитовцев, это небольшое, также искажаемое маревом озеро в углублении, не закрытое ни камышом, ни кустарником, казавшееся просто круглой лужей диаметром в несколько метров.

Отряд быстро миновал оставшиеся десятки метров Мертвого Леса и вышел на прямую тропу, ведущую к мешкам с песком. Нечто похожее на надежду забрезжило в душе парня при виде хоть какого-то признака цивилизации, пусть даже в виде сложенных друг на друга мешков с песком. Кроме того, раздражавшие глаза и нос микроскопические частицы жгучего пуха перестали беспокоить его. Почувствовав себя намного лучше, он начал осматривать окрестности. В этом месте воздух преломлял все, визуальнo отдаляя и искажая очертания. Например, Дым, шедший первым, казался чуть ли не на голову меньше своего действительного роста, отчего он казался намного дальше чем есть.

Внимание парня привлекло какое-то движение вокруг озера. Вглядевшись, он увидел силуэт, и чем сильнее он старался разглядеть его, тем четче и понятнее становилась фи-

гура, наконец пространство выпрямилось, перестало искажать и даже приблизило то, на что он смотрел. Все произошло мгновенно, словно отточенная режиссерская постановка. Фигура, внешне напоминающая стоящую спиной к нему по пояс в воде девушку с длинными волосами, возле которой плавал какой-то бытовой мусор, то ли белые пластиковые бутылки, то ли еще что-то, обернулась, и глаза парня встретились с пронзительным взглядом желтых глаз. Лицо существа, которое хоть и напоминало человеческое, но больше походило на лицо серой фарфоровой куклы, однажды разбитое на мелкие осколки и склеенное вновь. Осколки лица составляли целую картину, но немного шевелились, приподнимаясь и чуть-чуть смещаясь относительно друг друга. Существо вызывало такое отвращение и ужас, что он непроизвольно попятился назад и, споткнувшись о собственную ногу, упал на землю. Картина резко отдалилась, нечто, плеснув огромным хвостом, скрылось в воде ставшего вдруг снова маленьким озера.

– Ну что увидел? – с усмешкой спросил идущий за ним монолитовец.

– Ох... ренеть! – вскрикнул турист, сдерживаясь, чтобы не выплеснуть испуг в более грубой форме. – Что это за фигня?! – спешно поднимаясь и отряхиваясь, спросил он, с трудом сдерживая колотящую его дрожь и ощущая проступивший на лбу холодный пот.

– Кикимора, русалка, водолей, сирена... по-разному на-

зывают, – ответил боец. – Дурное место.

– А откуда они? Не было же таких, – все еще приходя в себя от пережитого, спросил парень.

– Да это не из Зоны, это... короче, они, видимо, всегда тут были, это, как тебе сказать... Вот есть место, откуда ты пришел, а есть места, откуда и всякое другое может появиться. Терпеть их не могу, – признался монолитовец.

– А чего вы их не перестреляете?

– Не требовалось. К тому же они сами не могут выйти, другое там все. Надо, чтобы ты к ним подошел, в их мир, так сказать. С нашего горизонта в них стрелять бесполезно. А там уже другие танцы, короче, кроме химер туда никто не суется, опасно, но заманить они тебя к себе могут, этим и занимаются... Поэтому мы на них не особо пялимся, хотя есть любители, развлекаются, – Силыч добродушно хохотнул.

– Бутылки к ним кидаете, что ли? – спросил турист, припоминая плавающий вокруг кикиморы мусор.

– Бутылки? Нет, такого не держим... А! – воскликнул он, – это яйца ихние, размножаются, на нерест, видать, вышла. Тьфу!

Силыч внезапно замолк. Командир дал команду держать дистанцию с посторонним. Дальше шли молча. Отряд безмолвно для ожидавшего хоть какого-то диалога новичка между монолитовцами миновал пост. Бойцы ограничились лишь несколькими едва заметными жестами и продолжили свой путь уже по территории группировки. Видимость стала

нормальной, и шедший среди монолитовцев парень своими глазами увидел ЧАЭС. Она была огромной и не такой, как на фотографиях. Серые выщербленные стены и корпуса, огромные трубы, уходящие в небо, гигантские линии электропередач с большинством оборванных и покрытых ржавым волосом проводов, множество полуразрушенных построек и строительного мусора. Всего этого не должно было быть, этого не было на фотографиях, которые он изучал и в которых он ориентировался не хуже инженеров-проектировщиков, когда-то строивших станцию. Оглядывая совершенно незнакомые постройки, недостройки и чудовищных размеров корпуса, турист все больше понимал самое страшное – ему некуда идти. Некуда идти, даже если он покинет пределы Зоны. Это совсем другая земля, другая история и другой мир. Ошарашенный и растерянный, он шагал в ногу с впереди идущим бойцом, продвигаясь уже среди возведенных возле станции вспомогательных строений. Пустыри менялись полуразрушенными зданиями, кустистые аллеи скрывали ржавые металлические ограждения, оставшиеся еще с советских времен, а треснувший и вспучившийся под нажимом снизу асфальт вел его в совершенно новый и незнакомый мир. По пути встретилось несколько бойцов группировки, с которыми идущий отряд также не обмолвился ни словом.

«Отмороженные они какие-то, не здороваются, не прощаются», – отстраненно подумал парень, наблюдая, как коман-

дир их отряда остановился, а четверо бойцов продолжили путь в сторону торчащего посреди небольшой голой площадки строения, которое явно уходило под землю, и видимая часть больше напоминала огромную наклоненную вентиляционную шахту с толстенной металлической дверью черного цвета.

Недалеко от того места, где они остановились, было нечто, напоминающее полосу препятствий для военнослужащих, с большим количеством отпечатков сапог. Перекладыны, ямы, заборы, кирпичные кладки с бойницами, покрышки. Несколько скамеек, буквально в десятке метров от туриста. На одной из них спиной к стоящим сидел странного вида человек, который, почувствовав взгляд парня, грузно встал и развернулся.

«Контролер», – успел понять парень и хотел поднять руку или крикнуть, привлекая внимание бойцов.

Крик застрял в горле, рука безвольно повисла, глаза парня закатились, из-под затрепетавших век проступила слеза. Монолитовец стоял рядом, спокойно стирая какое-то пятно с оружия. Через несколько секунд контролер отпустил парня, отвернулся и сел на скамейку. Глаза парня широко открылись.

– Контролер! – заорал он, пальцем одной руки указывая на мутанта, а другой хватаясь за стоящего рядом монолитовца. – Командир, контролер, – уже чуть тише и немного растерянно, видя нулевую реакцию бойца, проговорил он. – Ко-

мандир, это же... – он, пригнувшись и прищурившись, уставился на спину мутанта, – это же не человек...

Дым, а именно он сейчас стоял недалеко от кричащего, словно только сейчас увидел парня. Отскоблив наконец защищенным перчаткой пальцем какую-то грязевую нашлепку на гладкой поверхности гаусса, он прокомментировал:

– Не ори, турист, он этого не любит. Будем считать, что тест на порядочность и благонадежность ты прошел. Можешь оставаться на территории сколько нужно.

С этими словами он развернулся и зашагал в бункер. Турист, не очень понимая, в чем дело, остался один перед уютного вида пустырем, посреди которого торчало что-то напоминающее вентиляционную шахту, поодаль находилось множество непригодных для жилья разрушенных построек, частично скрытых пышно растущим кустарником, а в нескольких метрах от него, не обращая внимания на него и на стоящих поодаль бойцов Монолита, сидел контролер. Вечерело.

Глава 7. Дверь

«Ни фиги себе порядочки», – подумал турист, оставаясь в одиночестве посреди неприветливой обстановки. Откровенно говоря, пить и есть хотелось немилосердно, с утра... Как же давно это было! Он плотно позавтракал и легко бы обошелся без обеда, но время было уже далеко за полдень. Он проверил не выключенный сотовый телефон, на котором из пяти делений шкалы заряда осталось лишь два: активный поиск сети здорово разрядил аккумулятор. Сотка показала семнадцать сорок. Турист вздохнул и выключил телефон, вернувшись в действительность под неприятным порывом ветра. Чудовище, сидевшее на скамье, одетое в камуфляжные штаны и камуфляжную куртку на голое, покрытое красноватыми то ли шрамами, то ли складками тело, просматриваемое через оголенный участок между штанами и курткой, не двигалось. Босые ноги с оттопыренными пальцами были, наверное, пятидесятого размера. Огромная голова с остатками светлых, прилипших к коже волос бугрилась, словно арбуз, который выращивали в авоське. В общем, зрелище было неприятное и отталкивающее, как будто смотришь на нечто заразное, к чему бы не захотел приближаться ни при каких условиях. Заглядывать в морду контролера ему крайне не хотелось, острых ощущений на сегодня было намного больше годовой нормы.

Буквально на периферии бокового зрения постоянно мерещилось какое-то движение, словно рой золотистых мошек пытался взлететь, но как только он поворачивал голову или оборачивался целиком, мошки растворялись. Покрутив головой в разные стороны, турист подошел к двери без ручки, за которой исчез монолитовец. Для чего-то прокашлявшись, он робко постучал костяшкой пальца, звук получился очень неубедительный, примерно как постучать пальцем по наковальне, то есть никакой. Решив, что надо бы постучать сильнее, он приударил кулаком, а затем и ногой. В принципе стучать ногой в наковальню можно было с тем же успехом. Турист решил не сдаваться, подобрал лежавший буквально в метре от него кусок бетона и стукнул им посильнее. Теперь дверь отозвалась легким, едва заметным гулом, пропавшим, однако, втуне. После еще нескольких ударов кусок бетона в его руках раскололся. Решив во что бы то ни стало достучаться до сволочей, оставивших его тут, и незаметно для себя поругиваясь, парень в последний момент заметил, как за его спиной к двери подошли несколько монолитовцев в облегченной броне. Смутившись, что он, наверное, перешел некие границы, которые должен соблюдать гость, или кем он тут является, он глупо спрятал подобранный кусок бетона, еще большего размера, за спиной и отошел от неприступного куска металла, уступая дорогу суровым бойцам. Монолитовцы, не обращая на него никакого внимания, подошли вплотную, причем дверь сама мягко приоткрылась,

пропуская их. Бойцы не спеша прошли внутрь, и дверь так же мягко и почти бесшумно закрылась, показав растерявшегося парню свою почти полуметровую толщину.

– Эй! А как же я?! – он кинулся к закрывшейся перед самым его носом двери. – Эй, как вас там! Эй! – он отчаянно ударил куском бетона в бесстрастно возвышавшуюся перед ним дверь. – Я пить хочу! Я жрать хочу! Эй!!!

В уверенности, что про него просто забыли, он решил дождаться следующих бойцов, чтобы теперь уже нагло затесаться среди них и проникнуть внутрь бункера. Не может же он ночевать тут, под открытым небом, рядом с этим... Турист кинул беглый взгляд на скамейку, где сидел контролер. Его уже не было, но в легких сумерках он увидел округлый предмет цвета хаки. Прищурившись, он понял, что это фляжка. «С ума сойти, мутант с фляжкой!» Он с надеждой оглядел округу, выискивая огонек или признак костра, или просто людей. Разрушенные двух- и трехэтажные строения, вырисовывающиеся темными провалами окон без стекол, пробоинами в стенах, рваными кусками железа, свисающими с крыш, на фоне вечеряющего неба не вызывали никакого желания приблизиться к ним, скорее наоборот. Кроме того, потенциальные аномалии, о которых догадывался парень по прочтенным ранее книгам, да еще не весть куда пропавший мутант и густые кусты возле разрушенных домов делали поход в сторону от спасительной двери просто жутким приключением. «Мало ли что придет этому контроле-

ру среди ночи в голову, вылезет из кустов да сожрет к чертовой матери, или еще что похуже», – мелькнула у него истеричная мысль. Некстати вспомнив огненно-желтый взгляд кикиморы, парень икнул от испуга. Подозрительные мошки на границе бокового зрения усилились, стали активнее. Еще раз беспорядочно покрутив головой и убедившись, что это все-таки какой-то глюк, парень, подавляя истеричный приступ паники, заколотил в дверь с новой силой. Страх придал сил и одновременно отнял их. Настырно желая, чтобы ему открыли, он, расколов второй, третий, а затем и четвертый кусок бетона, обессилил. Пить хотелось неимоверно, пальцы уже не слушались, а темнота стала практически полной: кроме размытого пятна луны, пробивающего тонкую пелену облаков, на улице не было никакого освещения. «Сволочи, ну какие же сволочи!» – думал турист, отчаянно соображая, что делать, обессилено садясь на землю и подпирая спиной дверь. В это время он услышал шаги. Видимо, человеческие шаги, по крайней мере ритмично шуршащий песок и мелкие камушки под несколькими ногами не создавали ощущения скрытности. Шаги приближались, и через минуту на фоне ночного неба показалась фигура монолитовца. Турист открыл было рот, пытаясь сказать слово и объяснить ситуацию, но из пересушенного горла не вырвалось и звука. Старательно прокашлявшись, он встал, освобождая проход. Дверь открылась, и первый монолитовец из отряда прошел внутрь.

– Ребята, – наконец с хрипом смог произнести он. Голос

был не похож на собственный, – меня тут забыли. Ваши меня знают, я с ними пришел, – бойцы один за другим исчезали в подсвеченном изнутри проеме подземного бункера. – Меня там ждут. Пустите! – плечом вклиниваясь между двумя бойцами, психанул парень.

Чья-то тяжелая рука схватила его за шиворот и отодвинула назад, затем следующая, затем следующая. Каждый из бойцов большого отряда отодвигал его назад, проходя внутрь помещения.

– Да пустите, суки! – уже откровенно психовал парень, локтями прорываясь через бронированные спины бойцов. – Блин, народ!!!

Наконец, когда последний из монолитовцев зашел в проем, турист, вывернувшись ужом, боком пролез-таки в сужающуюся щель. Дверь снова распахнулась, заходивший последним боец развернулся, сверкнув штоками цилиндров экзоскелета, и, схватив одной рукой за многострадальную камуфляжку, а другой за пояс трикошек и слегка качнув парня для разгона и корректировки направления, как щенка, выбросил его наружу. Пролетев не менее четырех метров в длину и не менее двух в высоту, турист с размаху грохнулся на жесткую поверхность, больно ударившись коленями и левым локтем.

– Козлы!!! – с очень большим чувством крикнул в уже закрытую дверь он, после чего навалил на них такое количество отглагольных прилагательных, нецензурно пережив

друг с другом монолитовцев, их гауссы, их матерей, матерей их матерей со всем виденным сегодня в Зоне, что даже назойливо суесящиеся золотистые мошки на время погасли или просто решили не мешать.

Выпустив пар, он успокоился. Ночь полностью вступила в свои права. Он тут нафиг никому не нужен, в конце концов, тот долбаный монолитовец ему сказал, что он может оставаться тут сколько нужно, а про остальное разговоров не было. Тяжело вздохнув и мучаясь жаждой, парень вернулся к двери. Там было привычнее, он даже прикопал себе ослабевшими руками небольшое углубление для удобства. Отдышавшись и успокоившись, но все чаще мыслями обращаясь к мучавшей его жажде и потряхиваясь от наступающего холода, он не менее красноречиво обругал себя за то, что вышел из автобуса без рюкзака. Прощупав себя по карманам, достал все, что имелось. Красный дрянной складной нож китайского производства с обломанным уже кончиком основного лезвия, синюю одноразовую пластиковую зажигалку, само собой китайского кооператива зажигалок, со встроенным фонариком, отдельный фонарик, работающий от двух пальчиковых батареек, опять же китайского кооператива хреновых фонариков, и колоду карт. «Сделано в Санкт-Петербурге!» – почему-то вспомнил он на досуге прочитанную надпись. Память сама цеплялась за что-то, что он знал и что мог использовать в этом мире. В его нынешнем состоянии он уже верил в свой утренний автобус чуть меньше, чем в контролера, си-

девшего пару часов назад на скамейке. Кстати, контролер... В памяти всплыла картина фляжки, которую мутант оставил на скамейке. Чертыхнувшись и испытывая двоякое чувство, парень зажег фонарик, высвечивая белые отметины от раскрошившегося бетона на железной поверхности бункера и его же обломки перед дверью.

Ощущая себя достаточно несчастным, потеряннным, голодным, холодным, слегка побитым и униженным одновременно, в нем родилось новое чувство сродни упрямству, которое деловито выдавило страх и заставляло «из вредности», назло всем и всему обеспечить себя самым необходимым. Нет, он не чувствовал каких-то особых душевных порывов, но понимание того, что все именно сейчас зависит от него и не стоит ждать от монолитовцев чего бы то ни было, переложило остатки сил на единственную здравую мысль: не быть съеденным, дожидаться утра и, по возможности, не заболеть. Переведя луч фонаря в широкий диапазон, турист, ощущая холод во всем теле и ссадины на коленях, подобрал острый обломок бетона в одну руку и, подсвечивая себе фонариком в другой, двинул за фляжкой. Отойдя на десяток метров от двери, он услышал, как она открылась, и из нее вышло несколько человек, уверенной походкой и даже как-то весело, но без разговоров прошедших мимо него. Появление людей придало ему смелости, и, уже не таясь, он прошагал до скамейки, схватил действительно лежащую там фляжку, оставив вместо нее осколок бетона. Ощущая тяжесть со-

суда и даже некоторое чувство торжества, пусть и неуместное для такого подвига, он быстрым шагом, срывающимся на бег, двинул обратно к двери.

В два прыжка достигнув двери, он замер и нервно прислушался: мало ли, вдруг мутант потребует ее обратно. Пересохший язык и горло вкупе со слабостью торопили скорее открыть флягу, но, сделав над собой усилие, парень аккуратно отвинтил крышку. Посветив в образовавшееся отверстие фонариком, он осторожно понюхал горлышко. Кто его знает, что там за жидкость? Может, кровь, а может, дрянь какая-нибудь, а может, мутант вообще из лужи набрал ее. Но горлышко не пахло ничем, разве что сырым алюминием, если такое возможно. Странно, но нос тут же обрисовал мозгу, насколько вкусная и свежая там вода. Аккуратно налив жидкость в крышечку, под светом фонаря турист убедился в ее абсолютной прозрачности, затем, бережно поднеся ее ко рту, он отпил из крышечки жидкость, готовый выплюнуть ее при первом же подозрении на непригодность. Но жидкость и во рту оставалась водой. Подержав ее немного на языке и буквально чувствуя, как она впитывается, он сделал глоток. «Ну вот, теперь если там что-то было, то поздняк метаться...» – немного грустно подумал парень, поднося фляжку к губам, чтобы решительно напиться. Уже прислонив холодное алюминиевое горлышко ко рту, он остановился.

– Твое здоровье, контра... – отсалютовал он в темноту и присосался к фляжке.

Напившись, он почувствовал себя заметно легче, но желтые мошки по краям зрения не исчезли. Очередной раз махнув на них рукой, турист, все больше ощущая ночное понижение температуры, решил развести костер, вот только за дровами нужно было идти к кустарнику, а это пятьдесят метров или больше. К тому же дров может не хватить на всю ночь, да и не факт, что получится разжечь возможно сыроватую древесину. «Но можно растопить колодой карт!» – пришла ему спасительная мысль, которая вмиг придала ему сил. Оглянувшись на ночную темень, которую практически не разгонял комнатный фонарик, он отчаянно шагнул в темноту. «Хоть бы монолитовцы походили тут», – думал он, приближаясь к кустарнику. Высветив фонариком сухие толстые ветви, он начал с остервенением ломать их, создавая невероятный шум. Ветки толщиной всего в два пальца, лишенные листвы, сопротивлялись до упора и ломались только тогда, когда он сгибал их почти вдвое. Несколько раз поцарапав лицо и разок больно прищемив палец, он наломал достаточную охапку с нескольких огромных кустов и, торжествуя, словно неандерталец, добывший мамонта, буксиром попер их к двери. Теперь территория казалась ему не такой страшной, а предстоящая мысль о костре и тепле торопила к действию. Прикинул, где лучше жечь костер, выбрал левую от входа в бункер боковину шахты и пришвартовал хвост. Затем оторвал сначала несколько лент коры, распушил ее, перетерев между ладонями, наломал мелких веточек и

достал колоду карт. Расслоив даму червей, он, встав на четвереньки и установив поудобнее фонарик, старательно укладывал конструкцию будущего источника тепла и света. С самых ранних своих лет, еще на даче, затем на рыбалках и походах, он разжигал костры практически всегда с одной спички, не исключением стал и этот костер. Чиркнув колесиком пару раз, дама червей, пустив кислотоватый запах паленой типографской краски, ярко подхватила язычок пламени от зажигалки и несколько секунд питала им распушенную кору, которая, немного поколебавшись, загорелась хоть уже не так ярко, зато надежно. Через пару минут костер уже с треском облизывал и пожирал ветки, вырисовывая танцующего туриста, исполняющего перед ним танец дикаря, свершившего чудо.

Глава 8. День 14. В поисках выхода

Низкое, бьющее из-под мрачных туч солнце и негромкий скрип песка под ботинками монолитовцев не смогли разбудить туриста, уснувшего возле костра только под утро. За время вынужденного, по причине внутренних переживаний, ночного бдения парень успел вспомнить всех друзей и знакомых. Больше всего он волновался за мать, у которой нет никого кроме него. Она ожидает его завтра-послезавтра из поездки, понимает, что он уже взрослый, но ведь она будет волноваться. Она переживала, даже когда он задерживался из института. «Ну максимум еще три дня она потерпит отсутствие связи по телефону, – грустно рассуждал турист, глядя в огонь, – но ведь я был не один, а с друзьями. Они наверняка уже хватились пропажи и ищут меня с фонарями примерно в этих местах. В этих местах другого мира... невероятно. Кто бы мог подумать, что выдуманные книжки берутся не из ниоткуда? Кто бы мог догадываться, что то, что так здорово описывается в каких-то литературных и не очень произведениях, может существовать? Как?! Откуда?! Что породило этот мир, книги? Или мир породил книги? Это ведь так нереально, невозможно? А что, если придумать страшную сказку о лешем? Она тоже где-то сбудется? А если придумать веселую, радостную историю, она тоже случится?» Несколько раз парень поднимал голову, осматривая не видящими после яр-

кого огня глазами окружающую его темноту, чтобы убедиться в действительности происходящего. Неоднократно мимо него проходили монолитовцы, нисколько не обращая на него внимания, но он уже не рвался к ним и не ожидал ничего. Странное равнодушие овладело им к этим людям, которые не здороваются и не разговаривают друг с другом. Но под утро, когда небо на востоке приобрело нежно-зеленый цвет, сон сморил его, заставив на время уйти из этого неприветливого мира.

На утро бойцы, выходя на поверхность, не оглядываясь на спящего на земле человека, уходили на посты, задания, так же как и возвращались. Отряды не задерживали свой взгляд на новом элементе ландшафта. Проспав четыре часа, турист проснулся, ощущая боль в коленях, холод, проникший в него из-под земли, и страшное желание поесть. Проснувшись, он уперся спиной в стену выхода из бункера и несколько секунд соображал, где он.

– Значит не приснилось, – вполголоса сказал он сам себе и, не помогая себе руками, встал, держа скрещенные руки на груди, чтобы удерживать остатки тепла.

Костер практически потух, покрывшись белым пеплом, из-под которого, только если очень близко поднести руки, можно было уловить жар скрытого угля. Скривившись от горьких чувств жалости к самому себе, парень начал вновь разжигать костер, соображая, что ему делать. Разгоревшийся костер и пара глотков воды из фляжки приободрили его,

прояснив общую картину в голове. Ничто так не удручало туриста, как ожидание неизвестно чего и вообще потеря времени, когда нужно действовать и вытаскивать себя из этой передраги, куда он залез по собственной глупости. «Нужно брать языка, – решил он, то есть зацепиться с монолитовцем и поговорить. – Не все же они тут звери, есть и нормальные, вон как тот вчерашний здоровяк с пулеметом». Турист, более или менее согрелся, хотя набранный за ночь озноб не покинул его окончательно, а продолжал сидеть где-то глубоко внутри, подбросил несколько длинных веток потолще, которых он не сумел сломать, в костер, чтобы он не затух к его неопределенному по времени возвращению, и двинул в путь. На земле были четко видны отпечатки и даже целые тропинки, ведущие в разные стороны от этого входа. Выбрав одну из тропинок, которая казалась ему пусть и не толще остальных, но более прорисованной, и к тому же не вела вдоль разрушенных двухэтажек и густых кустов, он, уткнувшись взглядом в землю, тронулся в путь. Глазеть по сторонам ему совершенно не хотелось, по-прежнему пляшущие в глазах золотистые мошки становились привычнее, они даже как-то реагировали на то, как он себя вел, пусть пока непонятно, но в целом они словно прислушивались к его настроению, что отражалось на скорости их движения и яркости.

Распихав по карманам нехитрый скарб и снова засунув руки в подмышки, чтобы не тратить тепло, он двинул в путь. Тропинка вначале проходила по «культурной» территории,

где было минимум мусора и даже какое-то подобие бордюра, выложенного из валявшихся на пути камней и кусков бетона. Но постепенно она утоньшалась, по мере того как от нее пару раз отделились более мелкие, едва заметные тропки. Турист держался самой «людной» тропы, которая спустя, наверное, километр хода пересекла нечто напоминающее ряд снесенных или разобранных до основания гаражей. Повсюду виднелись ровные, квадратные фундаменты из бетона или белого кирпича, просто ямы с водой, остовы машин и разорванные временем и коррозией куски листового железа, вызывавшие тягостные переживания. Но самое неприятное ощущение было от открытых погребов, с прогнившими и провалившимися внутрь деревянным люками, из которых почему-то даже с расстояния веяло холодом и пустотой. Едва ему стоило посмотреть на зияющие чернотой, словно открытые глотки чудовищ, погреба, как мошки, пляшущие на границе зрения, размножились и частично потянулись с краю к центру обзора, что здорово испугало. Турист постарался быстрее пересечь это место, взяв на заметку больше не ходить этой тропой. Ускорив шаги, он за несколько минут пересек неприятное место, которое с каждым шагом становилось неприятнее и жутче. Уставившись себе под ноги, он нервно и быстро шагал по дорожке. Тропинка вела через небольшой холм, который и разделял территорию бывших гаражей от поля, и, остановившись на вершине, парень с опаской посмотрел на темнеющую полосу.

Он уже разок был в местном лесу... Это совсем не то, что бы он хотел увидеть еще раз, но возвращаться назад, через эти погребя, больше похожие на могилы... Нет, он и так с трудом сдерживал себя, чтобы не побежать в панике, когда они уже заканчивались, а развернуться и пойти обратно той же дорогой тоже не вариант. К тому же куда возвращаться? К двери? «О дверь, ты велика, толста и могуча, защити меня от напастей Зоны» – парень усмехнулся собственной животной жилке убежать в знакомое и безопасное место и сделал шаг вперед с холма. Теперь вперед и только вперед.

Несколько сот метров по полю, поросшему мелкой серой степной травой, которую на этих почвах не могли взрастить ни дожди, ни круглогодичный бесснежный климат, и темная полоса леса возникла перед носом. К слову, лес оказался совсем обычным, с зелеными елками и березками вперемешку с какими-то другими деревьями с мелкой, не больше маленькой монетки, листвой. Деревья без названия и березки стояли ближе к краю и выглядели вполне себе соответственно нормальным деревьям. Вдохнув местный, питанный хвойным запахом воздух, турист шагнул на лесную подстилку. Здесь тропа была практически невидима, но все же перевернутые листочки и в целом другой цвет устилающей землю листвы определял направление. Турист двинулся по следу. Чуть дальше за деревьями оказалось несколько полуразрушенных строений, примерно как те, что остались на базе. Несколько двухэтажек, небольшая, ранее асфальтированная

площадка, видимо парковка, и совсем уже невнятные, развалившиеся на части деревянные то ли беседки, то ли сараи. Что-то было неправильное в этих строениях, стоявших в лесу, особенно площадка со взломанным корнями и деревцами асфальтом отдавала странностью. Наконец до него дошло, что деревья буквально росли в теоретически располагавшихся двориках и палисадниках, насквозь пробили асфальт, где он имелся, обступили и заняли все свободное место, устелив землю равномерным слоем павшей листвы и хвои. Только бугрящаяся квадратная асфальтовая площадка выделялась сама по себе, как будто ее кто-то время от времени обметал. Складывалось такое впечатление, что не лес вырос вокруг домов, а эти несколько домов были воткнуты уже такими разрушенными прямо посередине зеленой чащи. Эта странность привела парня в замешательство, но за неимением выбора ему пришлось смириться с действительностью.

Оглядев все это запустение, ему пришла мысль, что здесь в случае чего можно будет и подзадержаться. Топлива достаточно, крыша над головой найдется, лес вроде нормальный, может, и ягода какая-нибудь отыщется или еще что-нибудь, поскольку сутки без еды уже вызывали болезненное вращение в желудке. Но нужно пройти дальше, ведь тропа должна вывести куда-нибудь, в конце концов не зря же она тут проложена. Турист продвинулся еще дальше на полсотни метров, обнаружив также еще несколько двухэтажных строений, «воткнутых» в лес на самой его окраине. Лес кончился, и пе-

ред ним предстала трехсотметровая относительно чистая полоса, не доходя до которой несколько метров, собственно, и прерывалась тропа, которую он своим неопытным глазом отследил только до двухэтажек. Ближе к нему в десятке метров клубами вилось по земле какое-то зеленое растение с приятным зеленым цветом, еще дальше довольно пестрая желтоватая поверхность, а в конце трехсотметровой полосы черный, зловещий черный лес, за которым под пеленою сплошных облаков просвечивало солнце. Лес был как раз такой, который они проходили с отрядом монолитовцев, именно в этом лесу он видел псевдогиганта, жующего раздетого человека, и смазанные контуры прозрачных кровососов – жуть. Он ни за что не пойдет туда. Турист снова перевел взгляд с мрачного леса на пространство перед ним и остолбенел: в одном из зеленых растений, которое порадовало его приятным цветом, торчала человеческая нога! Нога, чуть выше колена, а хозяина ноги не было видно, ни лежащего рядом, ни поодаль. Испугавшись, а может, и почувствовав, что за ним наблюдают, турист присел на корточки, ругнув себя за то, что не позаботился встать хотя бы за дерево. «Нет, так никуда не годится! – лихорадочно думал он, чувствуя, как от волнения у него пульсирует кровь в висках. – Надо найти монолитовца. Не один, так другой поговорит да скажет что-нибудь путное».

Развернувшись, турист пошел обратно, буквально уткнувшись носом в землю, чтобы найти то место, куда заворачи-

вает исчезнувшая вдруг тропинка. Но тропа никуда не сворачивала. Она словно доходила до этой трехсотметровой полосы и обрывалась. Парень несколько раз ходил по ней туда и обратно, пока наконец не понял, что люди, идущие по тропе, заходили в здания! Это было так просто и откровенно, что он рассмеялся, хлопнув себя ладонью по лбу. Выбрав ближе к полосе здание, он, почему-то не желая заходить через один из трех подъездов, обращенных в сторону «нормального» леса, решил залезть через выбитое окно. Стекол на нем давно уже не было, а деревянная рама и общая просадка дома легко позволяла подпрыгнуть и, зацепившись, вскарабкаться на первый этаж. Проникнув внутрь помещения, скрипнув запыленными осколками стекол под ногами, он попал на кухню брошенной квартиры. В помещении стоял подоржавевший холодильник, ранее белого цвета, с выцветшими пластиковыми наклейками машин, газовая плита, развалившийся деревянный стол и пара окривевших и облупляющихся от времени голубой краской табуретов. Растрескавшийся выцветший линолеум, теперь уже желтовато-серого цвета, был ранее постелен прямо на бетонный пол, и теперь через трещины в материале проглядывал серый бетон здания. Сориентировавшись, турист вышел в коридор и через открытую настежь дверь на лестничную площадку. Дверь соседней квартиры была приоткрыта, и через широкую щель пробивался приглушенный дневной свет, а на полу виднелись раздавленные куски штукатурки. Турист нере-

шитительно взялся за дверную ручку, принадлежащую старому замку под ключ «бабочка», пытаясь понять, то ли он делает или стоит другим способом попытаться выяснить, кто раздавил штукатурку, это же все-таки Зона... так ее за ногу. В конце концов, понимая, что промедление заставляет его переменить решение, сделал то, за что любой сталкер назвал бы его идиотом и прирожденной отмычкой. Он открыл дверь и, просунув голову, сказал:

– Эй!

Стоит ли говорить, что большая половина мутантов Зоны с удовольствием отозвалась бы на такой заманчивый призыв пообедать, а другая, правда, меньшая половина мутантов оттяпала бы эту просунувшуюся голову, не дав ей даже сказать «Эй!» Но это была внутренняя территория группировки Монолит, поэтому турист сохранил свой внешний вид без изменений. За открывшейся дверью была прихожая с кучей рухнувшей со своих крючков одеждой. Далее проглядывался вход в комнату с двумя окнами, возле дальнего окна стоял мрачный, в свете разреженного дневного света, боец в комбинезоне матового сизого цвета и придерживал СВД на уровне живота, тем не менее направленного на туриста.

– Человек! – обрадованно выдохнул парень, улыбаясь во весь рот.

Ему и в голову не приходило, что его мог встретить кто угодно, и времени на срочное придумывание, как бы технично свалить, у него бы попросту не было. Монолитовец мол-

ча разглядывал вошедшего, лицо было закрыто дыхательной маской, но что-то показалось парню знакомым.

– Командир? Командир, это ты? – неуверенно спросил он.

Монолитовец отвернулся на сто восемьдесят, вперившись взглядом в контрольную полосу перед ним.

– Командир, это же ты?! – уже увереннее спросил турист, понимая, что не ошибается.

Возникла тяжелая пауза. Парень растерялся. Недружелюбное, даже хамское поведение монолитовца, к тому же в его плачевной ситуации, могло быть и повежливее, это как минимум. Турист подошел к нему вплотную, встав слева от него, и заглянул в лицо, пытаясь разглядеть хоть какую-то эмоцию в голубых и холодных как лед глазах.

– Караулим чего? – как можно проще спросил он, надеясь завязать разговор. – Да мне-то можно сказать, я ж все равно не местный, секреты ваши не собираю. Не хочешь, не говори, – легко сказал он. – Кстати, как из Зоны выбраться? – в глазах монолитовца мелькнула какая-то мимолетная тень, но он не издал ни звука. – Хотя мне из Зоны выбираться ни к чему, мне домой надо... в мой мир. Меня мать ждет, – внимательно глядя монолитовцу в глаза, сказал парень. – Понимаешь? Мама.

Дым продолжал стоять ледяным безмолвным изваянием. Турист, прищурившись, разглядывал монолитовца. Теперь в его глазах боец больше не был крутым или страшным. Он был просто куском завернутой в броню бесчувственной

сволочи. Здоровым таким, отмороженным имбецилом. Пауза продолжалась. Чувствуя, как внутри у него шевельнулась волна обиды и даже гнева, парень продолжил:

– Слышь, командир, ты чего такой неразговорчивый? Обидел кто? Ты слышь, ты мне подскажи, родной, – сдерживая вдруг вспыхнувший гнев, продолжал турист, – как мне выбраться отсюда? Слышишь меня? Ты хоть, сука, моргни для ориентиру, – почти нежно пропел ему турист. Между тем мошки в глазах пропали, и он, наверное, впервые за все время смотрел на все нормальным, кристально чистым взглядом.

Монолитовец по-прежнему молчал, но его лицо потемнело. Убедившись, что боец его слышит, парень продолжал:

– Ты пойми, герой, меня дома ждут. Не кто-нибудь, а мать, мама. Понимаешь? Я у нее один, больше никого. Если со мной что случится... у нее сердце слабое, мне по-любому к ней надо. А?! Помоги, а? Слышишь, командир?! Будь другом... выручи. Я же тебя не пожрать дать прошу, хотя сутки не жрал уже, не обувь справить, мои кроссы от вашего жгучего пуха наполовину съедены, я ж совета прошу, как родного... пожалуйста...

Дым стоял, молча глядя перед собой. Турист не мог догадываться, что сейчас Дым транслирует его первым номерам их организации. Ситуация была беспрецедентная. Еще никто из людей не проникал сюда с другого мира и не пытался вернуться назад, более того, это было практически невоз-

можно. Хозяева точно не воспримут требования какого-то постороннего и точно не станут тратить кучу энергии и времени для повторного открытия прохода в его мир, да еще и именно в том месте, откуда он покинул его. Миллион процентов. Значит здесь парня рано или поздно ждала смерть, по сути, она уже стояла за его плечами, еще день или два, или того меньше, если только... если только первая десятка не решит иначе.

– А знаешь что? – неожиданно перестав притворяться вежливым, совсем другим тоном сказал турист. – Ну тебя на хрен! Козлы вы, – уставшим голосом сказал он. – Чтоб вы двести лет прожили, а сто на корячках ползали, понял?! – неожиданно резко выкрикнул ему в ухо последнее слово турист. – Сам найду... – чувствуя безмерную усталость и отчаяние, упавшим голосом сказал парень. Мошки в глазах снова весело заплясали, на глаза навернулась слеза. – Пошли вы... – его голос дрогнул.

Шмыгнув носом и высморкавшись, парень развернулся и выбрался из дома тем же путем, каким пришел. Опершись рукой в ствол сосны, он опустил голову вниз. Стекая по носу, капля за каплей на лесную подстилку капали слезы, но он не позволял ни единому звуку вырваться наружу. Монолитовец ни за что не услышит его. Переждав так пару минут и успокоившись, парень несколько раз глубоко вздохнул и задумался. Оставался еще один путь. Пока светло, он может аккуратно перейти эту полосу и глянуть в темный лес впер-

ди, мало ли что, потом вернуться и поселиться в этом леске, а сейчас главное раздобыть еды. Подняв с земли вроде бы крепкую палку, он решил проверить ту ногу, что торчала из зеленой травы. Если есть нога, то должен быть и труп, а у трупа должно быть оружие, ПДА, рюкзак... Что делать, нужно выживать и снова найти воды, потому что фляжка опустела. Не время предаваться отчаянию, если нужно, он вернется к проклятой двери и будет искать контролера, чтобы тот снова дал ему воды или показал, где она находится. Похоже, что контролер не такой уж и плохой парень... не то что некоторые. Развернувшись и выставив вперед палку, турист двинул к торчащей из травы ноге.

Глава 9. Пригласительный

Выставив вперед посох, турист, ощупывая землю, словно слепой, двинулся к клубкам зеленой травы, росшей на разделительной полосе между двумя таким разными лесами. Справа и чуть позади за каждым его шагом наблюдал монолитовец, прекрасно понимая, что с беззащитным новичком может сделать через несколько секунд горох. А турист тем временем, ощупывая тростью каждый шаг, двигался к торчащей из травы ноге.

«Давай, десятка, решай», – запросил он уже во второй раз инструкции относительно парня, идущего к жуткой зеленой смерти.

Турист приблизился еще на несколько шагов к «гороху». Сердце монолитовца не было ни черствым, ни каменным, оно было вполне живым и человеческим, и наблюдать сейчас то, что может сделать с человеком аномальное растение, совершенно не хотелось, но он не мог взять на себя ответственность за жизнь паренька. На самом деле спасение его жизни было лишь иллюзией, он застрял здесь всерьез и надолго, и никто не знает, есть ли у него отсюда выход, сможет ли он продержаться в Зоне, даже поддерживаемый лично Дымом, больше месяца? Не станет ли он для него злейшим врагом за то, что неосторожно сохранил ему жизнь? Парень сделал еще несколько шагов к «гороху». Вот он остановил-

ся в полуметре от него, отложив посох в сторону и приоткрыв рот, разглядывает оставленный стариком протез. Стоит ему только шевельнуть протез или затронуть усики... Дым поднял СВД, выцеливая парню висок, палец лег на спусковой курок, вытравливая слабицу. Тонкое пружинящее ощущение под указательным пальцем правой руки. Там перчатки специально делались из особого материала, потоньше, почувствительнее. Холодное железо бесстрастно смотрело на теплеющую жизнь, чтобы сделать безразличный свинцовый плевок и отвернуться. По крайней мере это будет гуманно, гораздо гуманнее, чем отдать его «гороху».

«Отставить, тридцать третий, – пришел ему приказ по пси-связи. – Так не годится, возвращай его на базу. Надо дать ему шанс. К полосе он всегда успеет».

А турист уже наклонился и протягивал руку к протезу...

– Стой!!! – заорал ему не своим голосом Дым. Парень вздрогнул, выпрямился и с удивлением посмотрел на убирающего винтовку монолитовца. – Два шага назад, – крикнул ему Дым. – Замри, не двигайся!

Турист осторожно отступил и замер, неудобно растопырив руки. Дым молнией метнулся к нему через то же самое окно, которое использовал новичок. Через мгновение оказавшись рядом с ним, он не без волнения выдохнул.

– Стой, турист, тут не пройдешь. Здесь вообще не пройти.

С этими словами он поднял посох и толкнул им протез. Протез качнулся, тут же отпустившие его много дней назад

усики стянулись вновь, а с разных направлений на него накинулось сразу несколько таких тонких и прочных зеленых лесок. Еще пара усиков успела схватить посох, Дым медленно положил его на растение, которое тут же спеленало его. Протез под действием гороха упал, спровоцировав стремительную атаку еще десятка уже более мощных побегов. Теперь такой приятный на цвет горошек охватил полностью стариковский протез и медленно, но беспощадно усиливал давление. Наконец пластиковая конструкция протеза жалобно запищала и с хрустом сломалась, спровоцировав еще большее нагромождение травы на неодошевленную жертву. Турист, побледнев, внимательно глядел на происходящее, затем едва заметно кивнул сам себе и перевел взгляд на монолитовца.

– Ты чего это, командир, расколдовался? – с недоверием спросил он.

– Считай, что да. Пойдем отсюда, – стараясь не смотреть в глаза парню, ответил боец.

– Куда? – не двигаясь с места, спросил парень.

– Пока на пост, там безопаснее. Здесь подстрелить могут. Дождемся смены, сейчас подойдет, у меня день короткий, потом на кухню. Ты ведь не ел ничего?

– А, да, не ел! – обрадовался турист. – Слушай, а чего ты не отвечал? Ты прям сам не свой был, стоял пялился... я там наговорил всякого... – как бы извиняясь, сказал турист.

– А, это ты про козлов? Ничего, бывает, – просто ответил монолитовец. – Зови меня Дым. Хорошо что хоть кирпичом

не заехал.

– Да, не догадался, – признался новичок.

Монолитовец облегченно хохотнул.

– Успеешь еще.

– Меня Володя зовут, – вспомнил, что не представился, парень.

– Тебя пока только Турист зовут, – негромко поправил его Дым.

В дом заходить не стали, Дым остался стоять, придерживая СВД на сгибе локтя, а Турист присел на корточки, облокотившись спиной к дереву, и блаженно закрыл глаза. Напряжение всего утра отпустило его, оставив ощущение, что сейчас все исправится, надо только проявить терпение и подождать, а большие дяди отправят его туда, откуда он пришел. И пусть немного с опозданием, но ведь это такое приключение, в которое никто не поверит, даже он сам со временем. Один контролер чего стоит. «Кстати, фляжка. Надо будет не забыть забрать, на память». Турист проверил засунутую с натугой в карман куртки фляжку контролера.

– Слышь, Дым, а что это за беда такая была? Ну, трава эта...

– Мы его «горохом» называем, живая колючая проволока.

– Удобно. Не ржавеет, вида не портит, и пока не наступишь – не поймешь. Здорово придумали. Свой-чужой распознает?

– Нет. Хватает все, что движется. Только на дождь не ре-

агирует почти, чувствует.

– Ну и хорошо... – ни о чем и обо всем сделал вывод Турист, чувствуя острый голод, который легкой слабостью в ногах и руках уже давал о себе знать.

Минут через двадцать подошел другой такой же боец Монолита с СВД, и на этот раз бойцы молча, едва глянув друг на друга, разошлись. Турист двинул за Дымом, без предисловий зашагавшим на выход из леса. Чувство иррациональности и неестественности поведения монолитовцев на этот раз вызвало тревогу.

– Слушай, а чего вы не разговариваете? – спросил он.

– Разговариваем, – спустя некоторое время, словно отвлекшись от размышлений, ответил боец.

Через некоторое время они той же дорогой вернулись к двери. Костер, оставленный Туристом на земле, еще не прогорел, и посреди небольшой белой тарелки пепла гнездились черные угли. Непрогоревшие ветки торчали хвостами из кострища, незначительные остатки поломанных ветвей нетронутыми лежали ровно в таком же положении, в котором он их оставил. На этот раз толстенная металлическая дверь, открывшаяся перед Дымом, вежливо продержалась, пока немного оробевший новичок полностью не вошел внутрь. За секунды до полного закрытия двери далеко внизу, у основания бетонной лестницы с узким парапетом, зажглись две лампы накаливания, от них гирляндой зашлись лампы поменьше, до самого выхода, у которого они сейчас

стояли. С непривычки от такой неестественной длины лестницы – метров пятьдесят, не меньше – слегка закружилась голова, кроме того, ступени были сделаны более широкими, что было непривычно. Видимо, такая форма ступеней была удобна для шагающих в экзоскелетах бойцов, чей металлический башмак не уместился бы на обычной ступеньке и мог привести к падению. Вдоль парапета тянулся поручень из сплошной толстой трубы, гораздо более толстой, чем можно было бы ухватить рукой. Стены, грубо оштукатуренные и неокрашенные, еще хранили следы мастерков, царапины и другие отпечатки, сделанные когда-то во влажном растворе. Видно было, что проходом начали пользоваться, не дождавшись его полной готовности, и вообще не акцентировали внимание на оформлении. Глядя на размеренно покачивающуюся спину Дыма, они наконец подошли ко второй двери, выглядевшей так же, как и первая. Уши заложило, как в метро. Вторая дверь открылась с едва слышным вздохом разгерметизации. Воздух внутри был суше и теплее, начинавшего было трястись от холода Туриста тряхнуло сильнее, но уже от перепада с плюс десяти-пятнадцати до плюс двадцати с лишним комнатной температуры. Первое, что услышал Турист, войдя внутрь, это приглушенная расстоянием человеческая речь. Оглядевшись, он увидел открывшееся ему огромное широкое помещение, практически со средних размеров спортзал, со множеством скамеек и столов, за которыми сидели монолитовцы. Пол, сделанный из чего-то, на-

поминающего белый кафель, глушил шаги, а потолок, до которого было метров пять, напоминал натяжной. Помещение хорошо освещалось лампами, скрытыми за полупрозрачными пластинами навесного потолка. Вдоль стен располагалось множество металлических огромных конструкций. В основном это были пустые металлические полки, на которых лежали с десятков разных шлемов и оружие.

– Это столовая, – сказал Дым, – вон там подносы, – он указал пальцем правее, – а дальше окошко. Подойдешь, там тебе все дадут.

– Ага, хорошо, – вперившись в стопку блестящих металлических подносов, сказал парень. – А где у вас тут руки помыть можно?

– Туалет здесь, – взмах руки влево, – и куртку сними.

Кивнув, парень двинулся в сторону уборной, изумленно разглядывая все, на чем мог задержаться взгляд. На широких металлических полках блестели забралами или защитными масками боевые и тактические шлемы, потертое оружие блестело ни с чем не сравнимым натруженным металлическим блеском. Несколько человек в гражданской одежде, негромко и редко переговариваясь, не спеша ковырялись ложками в тарелках, почти не обращая внимания на неизвестного. Желудок требовательно вострубил, еще раз крутнувшись, чтобы хозяин не забывал, что от него сейчас требуется. Добравшись до туалета, турист старательно вымыл лицо и руки квадратным серым мылом без запаха, пригладил

пятерней волосы и, посмотревшись в зеркало, только сейчас заметил, что мошки по периметру зрения практически исчезли, редко напоминая о себе единичными всполохами. Поскорее вернувшись в столовую, он кинулся к подносу, а с ним уже к раздаточному окну. Неуверенно заглянув в окошко и поставив поднос, он увидел невысокого краснощекого полного парня, приподнявшего брови при его появлении.

– Чего тебе?

– Мне поесть, – смутившись и неловко чувствуя себя, ответил парень.

– Это понятно, что поесть. Рацион или стандарт? – спокойно спросил выдающий.

Турист обернулся, ища Дыма в надежде, что тот подскажет что-нибудь. Дыма с большим трудом он нашел, тот сидел без шлема и верхней части бронекостюма в одной серой водолазке, но к нему спиной и достаточно далеко, а кричать и привлекать внимание всех присутствующих новичков не хотел.

– Стандарт, – ответил он, пожав плечами.

Поднос исчез и через несколько секунд вернулся с тарелкой супа, тарелкой пюре с двумя огромными дымящимися котлетами, маленькой миской салата, накрытой несколькими ломтями серого хлеба, и двумя стаканами розоватой жидкости, похожей на компот и кисель одновременно. Стараясь не выдавать своего волнения, Турист кивнул и, крепко перехватив поднос, пошел к Дыму. Усевшись рядом и скинув куртку,

он решил кушать культурно и аккуратно и, вооружившись ложкой и вилкой, принялся за еду. Суп он почувствовать не успел, только ощутил, что он был горячий. Необычное чувство голода и аппетита заставило забыть его о всех правилах приличия. Нещадно молотя ложкой по тарелке, чередуя две ложки супа с укусом куска хлеба, парень в мгновение ока уничтожил первое. Еще пару минут он давился сочной котлетой, хлебом, салатом и пюре, пытаясь засунуть все это одновременно в рот. Наконец прожевав половину второго блюда, он догадался запить это киселем и только после этого обнаружил внимательный взгляд Дыма.

– Мда... – сказал он, глядя на в очередной раз смутившегося молодого человека. – Зона, Зона... В следующий раз рацион бери. Специально для таких, как ты.

– А... шпашибо, – кивнул Турист, говоря с набитым ртом. – Приятного аппетита, – с опозданием пожелал он.

Дым кивнул.

– Поешь и ляг поспи. Можешь там, в углу, – он указал на дальний, левый от входа, угол. – Там меньше мешать будут. Как проспишься – подожди, я приду, поговорим.

– Хорошо, – согласился парень и, выдержав для приличия паузу, вновь вернулся к еде. Впрочем, несмотря на старание есть культурно, скорость, с которой он продолжил уничтожение второго блюда, не уступала скорости уничтожения первого, и еще через пару минут он уже пил второй стакан розовой, кисло-сладкой, ароматной, прохладной, осве-

жающей, приятно тягучей на вкус жидкости. Допив стакан, он явственно почувствовал, как наполнился его желудок, но чувство легко голода почему-то осталось. Сидящий напротив него Дым тем временем только доел первое и не спеша принялся за второе. Турист первый раз за все время видел его без шлема. Моложавый, лет сорок, сорок пять, с серо-голубыми глазами, смугловатым лицом и поседевшими висками. Правое ухо частично отсутствует, волосы, некогда русые, сейчас практически полностью седые, коротко стрижены. Руки с крупными, отчетливо прорисованными венами и узловатыми суставами пальцев. На левой руке на пальцах, видимо, раньше было наколото имя бойца из четырех букв: Коля, Саша, Витя... да мало ли, но сейчас вместо букв бледными слепыми пятнами остались шрамы.

– Дым, – прокашлявшись, обратился парень, – а откуда у тебя это? – он указал пальцем на собственное ухо, имея в виду отсутствующую часть уха бойца.

– Товарищ откусил, – равнодушно ответил он.

– Как?!

– Хочешь знать? Ну слушай, – Дым отодвинул от себя тарелку с едой и отпил немного из стакана. – Я раньше сталкером был, ходили на пару с другом. Артефакты, оружие, лекарства, в общем хабар разный собирали, где попроще. И разминулись мы с ним возле тоннелей на Свалке, – монолитовец внимательно посмотрел на Туриста. – Свалку знаешь?

– Ну... так это кучи мусора большие, там еще депо желез-

нодорожное тупиковое есть. Некоторые сталкеры там артефакты собирают, – боясь признаться, что вся эта информация из компьютерной игры, сказал парень, веря и не веря самому себе и собеседнику.

– Да, примерно так, – подтвердил Дым. – Он как-то от меня отстал, или я куда провалился, в общем остался я один, в тоннеле. Из света только налобник, ПДА не берет, детекторы радиацию собирают, но аномалий нет. Несколько часов я ходил, пока наконец выход нашел, уже ближе к Свалке. Вижу, он лежит возле воронки, на спине. Я в ПДА, ПДА мне его желтым рисует, не узнает значит, мутантов нет, а несколько аномалий четко видит. Я к нему, зову его по имени, а он стонет, ну я четко вижу, что он – это он, бросаюсь к нему ощупать да поднять, только слышу, мычит он что-то. Я и склонился над ним, а он меня хват за ухо и сильнее мычать. Еле вырвался, гляжу на него, а это друг мой, только уже зомбированный, ни говорить, ни встать, ни сесть не может, вроде как узнает меня, напрягается сказать что-то, а не может, – Дым отхлебнул еще немного, – жуть.

– И что? – перестав дышать от напряжения, спросил Турист.

– И что... пришлось застрелить. Куда мне его девать, не оставлять же.... таким.

– Жаль, – выдохнул парень. – А почему... в смысле, что с ним случилось?

– Контролер. Они такие места любят, где темно и кры-

ша над головой. Обычно, когда их замечают по сети, сразу разбрасывают, а тут, видимо, мы первые встретили... точнее друг мой.

– Но здесь же есть контролер, я видел, – вспомнив о фляжке и сделав внутри пометку наполнить ее на всякий случай водой, сказал Турист.

– Здесь другие. Если хочешь, здесь умные, в сознании, а там, в Зоне, дикие, кто откуда выберется, кто-то мутирует, потом, аномалии есть, этому делу способствующие.

– В смысле?

– Что в смысле? – переспросил Дым.

– Как способствующие аномалии?

– «Вытрезвитель», «капельница», «сквозняк». Эти пси-аномалии. Сталкеры – народ с юмором, подмечает, где, что и как с человеком делается.

– Так это эти аномалии контролеров делают? – зябко пожившись, спросил парень.

– Нет, эти просто дурашками или бесноватыми оставляют, иногда и похуже, конечно. А контролер по-другому создается, и процесс долгий и не всякий человек смирится, но аномалии могут способствовать. В общем, тебе незачем это знать, пока незачем, – Дым снова принялся за еду.

– Дым, а шрамы на руке, это ты имя выводил? – осторожно спросил Турист.

Монолитовец посмотрел на собственную руку, словно первый раз ее видел.

– Да, – коротко ответил он.

– А зачем? – чувствуя, что спрашивает, возможно, что-то лишнее, задал вопрос новичок.

– Затем, – сурово обрубил Дым, потом, видимо смягчившись, сказал: – Имя в Зоне не произносится, документы не показываются, близкие не вспоминаются, такое правило. Ты же сюда как-то попал? Думаешь, слепой случай? – спросил Дым.

– Ну... по глупости, но я же не знал.

Дым вздохнул, глядя в глаза сидящему напротив.

– Зона не плохая и не хорошая, но людям рано еще сюда. Зона дает все, но мы этого почти не видим. Только Хозяева живут с ней в мире. Если ты попал сюда, то ты изменишься, неважно в какую сторону, в любую, в какую выберешь. Это ни плохо и ни хорошо, так есть. Другое дело, что все те, кого ты знаешь, почувствуют твое изменение и тоже могут захотеть сюда, это сложно объяснить, но просто понять, – Дым потер кончики пальцев друг о друга, словно щупал листок бумаги. – Ни трудности, ни опасности, ни неизвестность не сможет остановить человека. Поэтому чем меньше ты вспоминаешь, тем меньше ты в ответе за тех, кто придет вслед за тобой. А чтобы реже вспоминать о тех, кто тебя окружал, лучше забыть о себе, кем ты был тогда. Поэтому я срезал имя, теперь я Дым.

Во все глаза смотревший на монолитовца парень промолчал. Что-то было в этих простых словах неуловимо точное

и неотвратимое, как само будущее. Дым отставил еду, допивая второй стакан напитка. Турист молчал, опустив голову и уставившись в стол. Несколько человек подошли к раздаточному окну с подносами и, получив порцию, уселись на один из множества свободных столов. Монолитовец, наконец закончив с трапезой, распорядился:

– Тарелки на поднос, приемное окно там.

Затем они оба встали и, сложив пустую посуду на подносы, понесли их к приемному окну. Плотный обед и тепло после долгого холода разморили Туриста, и идя вслед за Дымом, он с силой открывал и закрывал глаза, пытаясь прогнать сонливость. Поставив подносы на полку окна и поблагодарив за еду, он с трудом сориентировался в помещении и поспешил в тот угол, куда ему указал ранее Дым. Не обнаружив ни матраса, ни подстилки, но уже катастрофически проигрывая песочному человечку, Турист оттащил одну из скамей в сторону и, вывернув куртку наизнанку, чистой стороной наружу, и подсунув ее под голову вместо подушки, провалился в сон.

Глава 10. День 15. Пост «Красный камень»

Никто не беспокоил никому не известного молодого человека, спящего на скамейке. В самой столовой было тихо, а негромкая речь, легкое постукивание ложек и тарелок и равномерный шум каких-то далеких кухонных механизмов успокаивал и усыплял. Несколько раз проснувшийся было гость лишь переворачивался с боку на бок или поднимал упавшую и онемевшую руку и снова погружался в сон. Наконец он проснулся и, с трудом разлепив глаза, с грустью осмотрел свое местонахождение. Дыма нигде не было, того огромного монолитовца тоже, остальных сидящих за столами бойцов он просто не знал. Облизнув пересохшие губы, он встал и направился в уборную, где собирался умыться, оправиться и по возможности привести себя в порядок, ведь предстояла встреча и важные переговоры, от которых зависела если не напрямую его жизнь, то состояние и место, где она будет продолжаться. Беспокойство за мать, которая наверняка подняла тревогу, заставляло его все чаще и чаще обращаться мыслями к ней. Вспомнив совет никого не вспоминать, парень было усмехнулся, но, обернувшись на достояющих из металлических шкафов экзоскелеты бойцов, на тяжелое оружие, разложенное на полках, передумал недооце-

нивать слова Дыма.

Умывшись, сполоснув и набрав заодно полную флягу воды, он вернулся на место. Стараясь не выдавать своего любопытства, он украдкой разглядывал амуницию бойцов, проходящих снаружи и раздевающихся здесь или проходящих дальше в металлические широкие двери, ведущие из столовой куда-то еще, вглубь комплекса. Примерно столько людей, сколько приходило сверху и уходило внутрь подземного комплекса, столько же и выходило из подземных коммуникаций и выходило наружу. Исходя из этого можно было сделать вывод, что то место, где он сейчас находился, являлось началом жилых помещений группировки Монолит. Поскольку он сидел достаточно долго, изредка прихлебывая из фляжки, он выявил пять видов комбинезонов. Самый внушительный – экзоскелет. Их было два вида: один с открытыми штоками силовых цилиндров, просто дыхательной маской и коротким забралом, закрывающим только глаза, второй с закрытыми штоками и полностью герметично закрываемым лицом. Штоки силовых цилиндров закрывались дополнительным, скорее всего композитным материалом, а сам экзоскелет был темно-зеленого цвета, визуально больше по размерам и, видимо, значительно тяжелее. Боец, залезший в такой короб, двигался особым, чуть-чуть замедленным способом, руки и ноги двигались как будто всего в нескольких направлениях. Видимо, это был самый тяжелый экзоскелет группировки, по крайней мере за то время, пока он сидел

в столовой, он видел всего двух таких монстров. По сравнению с ним «открытый» экзоскелет казался балериной против штангиста.

Другой вид – бронекостюм, или как его назвал для себя парень, «бронедвойка», видимо, самый распространенный в группировке. Тяжелая бронированная куртка и бронированные штаны. Куртка пристегивалась матовыми металлическими застежками к штанам, таким образом фиксируясь там в пазах и, возможно, герметизируясь. К самим штанам без всяких видимых соединений прирастали «ботинки», но, вероятно, они могли сниматься, только плотность усадки была неспроста. К такой «бронедвойке» присоединялся шлем, также усаживаясь в пазы. Только присмотревшись внимательнее к проходящему рядом бойцу он увидел, что это своего рода тоже экзоскелет. С внутренней стороны рук и ног, неотличимые по цвету от общего цвета бронекостюма, были установлены тонкие, слегка гофрированные эластичные трубки, помогавшие сгибать и выпрямлять суставы, да и характерный небольшой плоский баллон между лопаток давал понять о существовании какого-то механизма. Следующий, уже более легкий костюм был похож на «бронедвойку», и если бы он был знаком с последними костюмами армейских специальных подразделений, он бы нашел больше сходств, чем различий. И, вероятно, самый легкий из всех – «комбинезон сантехника», как в шутку назвал его про себя Турист. На вид он был сделан из тканевого материала, по крайней

мере, очень легко гнулся при каждом движении и смазывал контуры идущего. Конкретных замочков, креплений, карманов разглядеть не получилось, поскольку и костюм, судя по всему, был против, да и компания из шести человек села в дальнем от него углу зала, сняв шлемы и разложив стрелковое оружие по полкам.

Но вот насчет шести человек он, видимо, поторопился. Стараясь не светиться излишним любопытством в изучении инвентаря, он в какой-то момент с ужасом заметил, что один из шести людей сильно отличается от других. И только по форме головы он понял, что вместе с отрядом в столовую вошел контролер. Резко отвернувшись и нутром почувствовав, что существо отреагировало на его взгляд, он заставил себя успокоиться, что ему в целом, как человеку, не знакомому лично с мутантами Зоны, получилось сделать достаточно быстро. Отпив из фляжки и вспомнив, чей инвентарь он использует, Турист, чтобы существо не подумало про него что-нибудь не то, показательно положил фляжку на угол стола, подальше от себя, так, чтобы контролер смог увидеть ее, но мутант не обратил никакого внимания на оставленный предмет. А может, это просто другой контролер?

***

Тем временем Дым находился на посту, выйдя в ночную смену, поскольку его дневную смену пришлось отменить. Пост назывался «Красный камень», самое оживленное место, если смотреть относительно местной фауны. Здесь кон-

трольная полоса была очень узкой, всего метров под сто пятьдесят, за которой стоял Мертвый Лес. В направлении на северо-запад, в полукилометре, – одно небольшое, поросшее тростником и покрытое мутировавшей, теперь уже не поддающейся идентификации водной растительностью, озеро. Дыму не очень нравился этот пост: постоянное движение возле водоема, ревы и кинетические удары псевдогигантов, рыки кровососов, иногда свербящий визг кабанов, реже уханье снарков, если подползут поближе, – все это по большому счету не представляло особой опасности для него, но здорово отвлекало. Местное зверье, пережившее здесь хотя бы два-три Выброса, узнавало характерный сизоватый цвет брони монолитовцев и не особо задиралось. Кроме того, в полусотне метров позади пары дежуривших бойцов нес свою вахту один из пяти контролеров, специально сдерживая при необходимости мутантов. Активность и наличие мутантов в данном секторе объяснялось рядом причин. Первая – это наличие излучателей, косвенно накрывающих территорию озера, слабое присутствие аномалий и значительный радиационный фон. Вторая – это наличие самого водоема с его не иссякающими и фантастически быстро восстанавливающимися запасами зеленого камыша, тростника и другой болотной травы, что привлекало в грязь на кормежку кабанов, а за кабанам шли кровососы. Кроме того, не брезговали посещением этих мест матерые псевдогиганты, забредавшие сюда по линии волн излучателей аж из самих черных клеток

Рыжего Леса. Третья причина породилась наличием самих псевдогигантов, которые в раздраженном состоянии иногда использовали кинетический удар и подранивали с десятков или больше мутантов поменьше, что привлекало сюда любителей пожрать на халяву, то есть снорков и гигантских, обитающих в Пустошах плотей. Четвертая причина – пост «Красный камень» был самым западным постом внутренней территории группировки, и те сталкеры, которые продвигались в поисках лазейки на ЧАЭС к Исполнителю, нередко начинали с этого направления, как правило там же и заканчивая свой путь, что также активировало район и приводило дополнительно иногда до десятка мутантов, идущих по следу. Тут снова начиналась грызня за водоем, трупы и другие соблазнительные ресурсы. В общем, мутировавшая жизнь в районе озера была ключом. Самые крупные доминирующие экземпляры, достигшие максимального генетически позволенного размера, устранялись сами собой после каждого Выброса, освобождая сырьевую базу для мутантов поменьше. Мутанты альфа-уровня, пятитонные чернеющие псевдогиганты или почти трехметровые кровососы, возглавляли атаку на периметр, где становились кошмаром из глубокой Зоны для линии оцепления, либо возвращались в черные клетки Рыжего Леса, где давали потомство еще более крупное и агрессивное, чем они сами. Эволюция.

Итак, «Красный камень», по сравнению с другими постами, был шумным и беспокойным местом. Нередко мутан-

ты, одурев от действия излучателей и одержимые жадной крови, выдвигались десятками на пост. С учетом того, что контрольная полоса была всего в сто пятьдесят метров, дежурившие на посту, возле действительно красных камней, монолитовцы казались доступной добычей. Но горох, густо поросший в этих местах, хорошо делал свое дело. Опутанные зеленым душителем мутанты кормили органикой мощнейшие стебли аномального растения. Монолитовцам оставалось лишь добывать особо везучих и ретивых представителей местной фауны, коими обычно являлись ловкие снорки либо прущие, как бульдозеры, несмотря на пеленающий их горох, многотонные псевдогиганты.

Озеро в полукилометре от поста издавало свои кошмарные для обычного человека звуки, но Дыма, стоящего в паре со своим сегодняшним вторым номером Изгоем, это не смущало. Несколько красных мраморных выступающих из-под земли глыб, словно зубы чудовища, и раскинувшаяся над ними группа огромных сосен и представляла собой пост. Первый и второй номер в бронедвойках с учетом псевдогигантов вооружались гауссами. Как и было заведено, первый номер был перекрыт от прямого огня гравитационной аномалией, а второй номер был вне поля зрения. Дым, удобно опершись на камень, через интегрированный в тактический пси-шлем прибор ночного видения следил за контрольной полосой. Здесь на свое чутье он не полагался. Пси-фон постоянно менялся, наличие мутантов, которые, возможно,

двигались прямо перед ним в Мертвом Лесу, изменяли его с каждым появлением нового или уходом старого носителя фона. Гаусс, словно домашний кот, спал на руке, показывая недремлющий зеленый глазок индикатора заряда. Долго смотреть в одну точку не сможет ни один нормальный человек, поэтому Дым раз в двадцать минут покачивал корпусом, чуть-чуть приседал или крутил головой. Изгой, сидевший в нескольких метрах позади слева, был не особо разговорчивым человеком, точнее неинтересным собеседником, но снайпером был непревзойденным. На выбор отстреливал снарку правую или левую ногу еще в полете либо вбивал в коленный сустав псевдогиганту стальной цилиндр гаусса в такое место, после которого нога мутанта отказывалась сгибаться. Как раз Изгою этот пост очень нравился. И вот на секунду подняв голову вверх, чтобы размять шею, Дым получил чудовищный удар в плечо. От удара его дико крутануло вокруг оси, так что ноги оторвались от земли, оружие вылетело из рук, а взорвавшееся болью левое плечо тут же заблокировал контролер.

«Изгой, гаусс!» – не вставая с земли, мысленно крикнул Дым, давая понять, что противник пробил «трамплин» и только аномалия спасла его от верного попадания стального цилиндра в незащищенное горло, когда он на секунду поднял голову. Вся связь происходила посредством пси-шлема, на самом деле Дым не издал ни звука, и со стороны, особенно в ночи, можно было решить, что выстрел достиг началь-

ной цели.

Второй номер уже перекатился в лежачую позицию, высматривая снайпера противника. И хорошего, надо сказать, снайпера, выдержавшего и выбравшего момент, когда цель, даже если останется в живых, не сможет определить, откуда велся огонь. Вглядываясь через забрало шлема, Изгой тут же переключился на инфракрасный режим, отыскивая тепловой след пули, или если снайпер совсем баран, то и самого снайпера. Стрелка, как и ожидалось, не было видно, электронный мозг логической системы исключил тепловое пятно Дыма, несколько явных аномалий и настроил систему на максимальную чувствительность, проявляя быстро растворяющийся в недвижимом воздухе красноватый след выстрела.

«Есть след, Дым, ты как раз в зоне поражения, лежи не двигайся, ты мертв. Если он сделает контрольный, он мой», – доложил Изгой.

«Принято», – ответил Дым, видя, как из разорванного левого плеча, на котором он лежал затылком к снайперу противника, растекается кровь.

Тем временем по запросу Дыма с базы через другой пост двинулась пятерка бронированных бойцов, а все посты получили сообщение о работе снайпера. Сами дежурившие на постах бойцы с дежурства не снимались: если работает группа сталкеров, то это вполне может быть провокация, и стоит ближайшему посту снять бойцов, их вполне может расстре-

лять в спину ждущий этого противник и проникнуть на территорию группировки.

Между тем снайпер не делал контрольный выстрел по лежащему на земле монолитовцу, а Дым хладнокровно прикидывал возможный ход событий. Стрелять в этом месте сталкеру было себе дороже, мутанты легко могут отыскать стрелка, кроме того, ночь – это совсем не то время, когда человек чувствует себя способным к какой-либо деятельности в Зоне. Снайпер не показывается, а прошло уже пять минут, стало быть либо ушел, либо ждет, когда к Дыму подойдет второй номер, что более вероятно, стало быть снайпер знает, что на посту должен быть кто-то еще. Да и еще пару дней назад уже кто-то стрелял по посту «Фонарь» из гаусса и не был замечен. Похоже на того самого Ходока, медленно, но верно прощупывающего оборону группировки. Дым скрипнул зубами от досады.

«Изгой, это Ходок», – сообщил он, тут же передавая известные ему данные и манеру поведения сталкера.

«Понял», – отозвался второй номер, переключая режим обнаружения снайпера на динамический режим. Теперь логическая система шлема включила автоматический целеуказатель при любом движении в указанном районе, и теперь она заметит и передаст даже падение листочка при сумеречном освещении, не очищая информацию логическими фильтрами, вот только ночь заметно повышает шансы Ходока остаться невидимым.

Пятерка монолитовцев в экзоскелетах спешила к месту нападения, но при всем их ходе они успеют сюда минут через сорок, это большой срок. Ходок может запросто сбежать, но вряд ли он выбрал это место, чтобы, сделав всего один выстрел, снова уйти от монолитовцев.

«Он побежит от вас в сторону озера, Палыч, – обратился Дым к командиру пятерки. Палыч – пятидесятый номер. В данной операции попал в непосредственное подчинение Дыма. – Будет вести вас на мутантов. Остановитесь вот здесь, – Дым указал место, где отряд должен был остановиться. – Потом мы выйдем с Кешей».

Кеша – кличка контролера, который сейчас дистанционно, действуя на нервную систему, останавливал кровотечение раненого бойца и обезболивал ранение. Но теперь интуиция подсказывала, что и сейчас Ходок их обхитрил, он наверняка отошел на заранее подготовленную позицию и попытается встретить и снять одного-двух преследователей, чтобы затем, закрывшись мутантами, раствориться в ночи. Его маскировка позволяла ему оставаться незамеченным в десятках метров от слепых псов, а улизнуть от кабанов, псевдогигантов ему будет намного проще. Сделав вывод, Дым дал сигнал Изгою и медленно встал. Если он прав и верно оценил сталкера, то останется жив, если нет, то у Ходока будет вторая попытка убить его, а у Изгоя право на верный выстрел. Выстрела не последовало, стало быть Ходок отступил и ждет отрезающий его от побега отряд в Мертвом Лесу.

Дым отступил ко второму номеру.

«Не целься, он в лесу, встречает Палыча. Палыч, он будет вас встречать, а если он хорошо подготовился, то и за спину зайдет», – предупредил Дым, разглядывая собственное плечо. «Заклей», – обратился он к напарнику.

Рана выглядела очень нехорошо. Пуля гаусса, отклоненная всего лишь на десяток сантиметров «трамплином», без сомнения спасла ему жизнь, но сверхзвуковая скорость боеприпаса сделала свое дело. Усиленная плечевая накладка была разорвана в клочья, сам патрон тела не задел. А разрыв мягких тканей плеча и повреждение сустава произошло элементами бронекостюма, буквально взорвавшегося в месте попадания. Рана должна была быть очень болезненная, Дым видел, как в его плече торчат черные осколки композитов и обнажена кость. Если бы не контролер, он наверняка бы получил болевой шок. Изгой быстро залил все медицинским клеем, который мгновенно вспенился, дезинфицировал и изолировал рану.

Минут через тридцать пятерка бойцов подошла к указанному месту и, выстроившись клином, двинула к месту возможного нахождения снайпера. Очень осторожно и тихо они начали прочесывать участок Мертвого Леса. Через несколько минут один из них получил два выстрела в спину. Первый приняли на себя бронепластины экзоскелета, заставив всего бойца сотрястись и упасть на четвереньки. От выстрела композитная броня потеряла часть элементов в месте по-

падания, а другая часть разрушилась, но остановила пулю гаусса. Второй выстрел, через несколько секунд вошедший под углом практически в то же место встающему монолитовцу, сумел пробить потерявшую прочность броню и забраться внутрь экзоскелета, убив бойца. Оставшаяся четверка бросилась на точку, откуда вел стрельбу снайпер, но никого не обнаружила, только спугнула пару кровососов, которые благоразумно и стремительно удалились от решительно настроенных бойцов. Еще несколько кругов спиралью вокруг того места, откуда стрелял сталкер, и еще один выстрел, на этот раз вскользь, в командира отряда. Откуда – то справа, со стороны поста. Стальной цилиндр гаусса чиркнул по броне и с треском взорвал дерево сразу за бойцом. Снова бег к тому месту, откуда должен бы стрелять Ходок, и снова пусто, лишь одна дико пульсирующая воронка, которая только что была кем-то побеспокоена.

«Вытаскивай ребят, Палыч, выходите из леса, он вас до утра по одному пересчитает».

«Есть, командир, – отозвался Палыч, хотя Дым явно чувствовал его нежелание покидать Мертвый Лес без скальпа Ходока. – Дым, сталкер замазан, учти. У моих ребят к нему счет».

«У меня тоже», – сказал Дым, передавая изображение окровавленного разодранного плеча бронекостюма, в дыре которого виднелась светло-желтая застывшая пена медицинского клея.

Глава 11. День 16.

Элемент невероятности

Турист по-прежнему сидел в дальнем левом углу столовой в ожидании Дыма. Включив телефон, он с удивлением обнаружил, что время раннего утра. Неспешное чередование монологитовцев никак не отражало времени суток. А между тем голод снова дал знать о себе. Еще раз отчаянно покрутив головой в поисках Дыма и решив не мучить себя, он взял поднос и подошел к окошку. Некоторое время к окну никто не подходил. Кашлянув и пристукнув подносом о подоконник, он добился, что на него наконец обратили внимание. Другой человек, высокий и подтянутый, уже в годах, в белом поварском халате и колпаке удивленно выглянул из окна.

– Чего тебе? – спросил он.

– Рацион, – сдержанно ответил Турист, втайне со стыдом опасаясь отказа.

Поднос исчез из виду, и через секунду на нем появились две квадратные неглубокие металлические тарелки и два стакана с водой. В одной было что-то похожее на клейстер по цвету и консистенции, а в другой горка чего-то напоминающего кокосовую стружку. Стараясь не задерживаться и сомневаясь, чем же такой рацион, рекомендованный Дымом, лучше стандарта, состоящего из первого, второго блю-

да и восхитительного киселе-компота, он вернулся на место. Черпнув ложкой сначала клейстера и покатав его на языке, он обнаружил, что тот не имеет почти никакого вкуса и запаха. Подцепив кокосовых стружек, он убедился, что, видимо, это действительно стружка, но только также практически без цвета и запаха. На всякий случай попробовал воду, действительно вода. Подумав, он вспомнил, что видел, как монолитовцы перемешивают стружку с клейстером и едят такую массу. Подумано – сделано. И вот в его тарелке с клейстером закружились белые опилки. Вначале кашка получилась жидковатой, Турист добавил еще немного опилок, каша стала больше походить на кашу, разве что опилки не разваливались и не увеличивались в размерах, вкус по-прежнему был никакой. Хмыкнув и решив не обижать поваров, он, особо не задумываясь, съел весь рацион. И вот тут-то он понял, почему Дым посоветовал ему сделать этот выбор. Минут через пять Турист захотел пить. Выпив стакан, он почувствовал тепло в руках и ногах, немного бросило в пот, одновременно ощущение крайней сытости, на грани переедания. Снова захотелось пить, еще половина второго стакана залилось в желудок, немного затошнило и потянуло в сон. Немного думая и чувствуя себя довольно странно, словно немного пьяный, Турист отнес поднос и вернулся на скамейку, где, со смутными переживаниями по поводу отсутствия Дыма, опять погрузился в сон.

Дым тем временем уже лежал в лазарете. Лазарет пред-

ставлял собой небольшое помещение, в котором свет зажигался только в присутствии человека. Три хирургические машины и три операционных стола, по интеллекту не отстающих от механических автоматов, прекрасно знали свою работу. Это был один из лазаретов для бойцов Монолита, для того чтобы быстро возвращать в строй людей. Поскольку сама палата не требовала много места, высокотехнологичный лазарет был оборудован в одном из подвалов двухэтажного здания, по виду которого никак нельзя было предположить, что внутри кроется нечто кроме пыли, мусора и крыс. В лазарете автоматика реконструировала потерянные в результате ранения мышцы и другие ткани. Процесс был безболезненный. Монолитовцы регулярно попадают сюда, Дым за два года лег на медицинский стол четвертый раз. И первый раз его штопала автоматика, зашивая сквозное пулевое ранение живота, тогда он пришел в себя в конце операции и с интересом разглядывал несколько металлических рук, подающих биопроволоку, раствор, и пару других манипуляторов, зашивающих мельчайшие сосуды лазером. Во второй раз он попал после контузии от близкого взрыва гранаты, это было очень неприятно, постоянно звенело в ушах, мутило и болело все тело, а глаза болезненно реагировали на любой источник света. Тогда его постоянно бесконтактно обрабатывали электромагнитными импульсами и слабыми электрическими разрядами, постепенно восстановили повреждения на клеточном уровне в течение суток. Третий раз его лихо за-

шили после спасательной операции по вызволению трупа хи-меры. Это было совсем просто. Теперь же четвертый раз, с практически легким ранением, которое, конечно, в других условиях могло стать последним, он снова оказался в лазарете.

На этот раз его обрабатывал модернизированный брат первого механического хирурга. Сверкающий гальваническим покрытием аппарат, внешне как будто состоящий из одних только металлических суставчатых и гибких конечностей, работал над ним одним, если можно так сказать, пальцем. Любезно выдвинутое роботом мягкое, меняющее форму зеркало позволяло следить за процессом лечения, иногда постреливая в кончики пальцев слабым электрическим током, то ли проверяя результаты своей работы, то ли помогая процессу. Блестящий цилиндрический предмет, похожий на авторучку, буквально заново создавал плоть разорванного плеча, практически касаясь раны. Рана оказалась хуже, чем он сам видел вначале. Взорвавшиеся осколки композитов брони разорвали не только плечо, но и расстреляли плоть бойца на глубину нескольких сантиметров. Это Дым понимал, когда ручка замирала в определенном месте и из невидимой раны выдавливался внутренним давлением, перехватывался и удалялся пинцетом тонкой руки помощника осколок. Что поделать, гаусс есть гаусс. Сверхзвуковые стальные цилиндры способны разрушить с одного выстрела даже бетонные столбы и сделать дыру в несущей плите,

оставляя только развороченную арматуру, превратить укрытие в осколочную гранату. И несмотря на то что композитная броня, разработанная Хозяевами, легко держит пули любого калибра и не дает осколков, скорость расхождения разрушенных материалов при поражении гауссом слишком высока, и мягкие сами по себе, в распрессованном состоянии слои композита легко проникли в человеческую плоть.

Но это все дело отработанное и проверенное. Больше половины бойцов попадают в лазарет по десять и больше раз, где их штопают, ремонтируют, а если тело бойца уже не способно к полноценной службе, то он работает на хозяйстве, как строительство, ремонт, кухня и прочее, требующее человеческого контроля и внимания.

Наконец механический хирург закончил свою работу и отстранился от человека, давая понять, что лежать тут ему больше незачем. Его бронекостюм уже забрали на ремонт, а у выхода на деревянной, еще советской тумбе лежали сложенные штаны, футболка, куртка камуфляжного цвета и псишлем. Возле тумбы лежали его берцы, в которых он сюда и пришел. Вдохнув чему-то своему, Дым оделся и, зажав шлем под мышкой, поднялся по короткой бетонной лестнице к автоматически открывшейся двери, за которой серым светом подкрадывалось утро. В лицо ударил свежий предутренний воздух, с легким запахом сырости и зеленой, смоченной влагой листвы. Слобно дождавшись его выхода, шумно вздохнувший зеленой листвой кустарника ветер шевельнул

ежик волос на его голове. Свободно вздохнув и решив не надевать шлем, Дым решительно шагнул с порога и двинул в сторону входа в бункер, до которого было совсем недалеко. После ранения бойцам дается день или два на восстановление, и Дым знал, что торопиться решительно некуда. О Ходоке он решил не думать в ближайшие несколько часов, а про Туриста забыл начисто. Поскрипывая мелкими камушками под ногами, он уверенно двигался по известной ему дорожке, отмечая, как новая плоть плеча постепенно начинает ощущаться все лучше и лучше, через несколько часов она полностью станет чувствительной и неотличимой от другого плеча. Так, налегке, он спустился в столовую, оставил шлем на полке, как это было заведено, и, взяв рацион, сел за один из столов, рядом с кстати оказавшимся и, видимо, только что севшим за стол Соломоном. Соломон немного походил на Дыма, чуть пониже ростом, чуть пошире в кости и покрепче, с такими же голубыми льдистыми глазами и почти такого же возраста. Кто-то мог подумать, что они родственники, но нет, так получилось. Поздоровавшись, Дым принялся за еду, неторопливо и задумчиво смешивая ингредиенты.

– Что, крепко солит? – спросил Соломон, видя задумчивого Дыма, имея в виду подстрелившего его Ходока.

Дым кивнул, слегка улыбнувшись.

– Да. Соображает...

Соломон поджал губы, прищурившись, размышлял над ситуацией. Он владел всей оперативной информацией по

происшествиям на постах и сейчас, сидя без шлема, занимался только своими соображениями. Поскольку ситуация была не разрешена, ему, как одному из старших по рангу бойцов, было поручено разработать и реализовать план по нейтрализации Ходока.

– Ему дается двадцать процентов на вероятность прохода до Исполнителя, – сообщил Соломон.

– Нехило... – отозвался на мгновение замерший от удивления Дым, задержав ложку с кашницей возле рта.

– Да. Аналитики говорят, что он будет прорываться к Исполнителю дней через пятнадцать-двадцать. Выследить его за полосой практически невозможно. Использует какое-то механическое устройство для нейтрализации своего следа.

– Природа механизма? – отложив ложку, спросил Дым.

– Скорее всего, не местная. У Хозяев ничего подобного нет, в параллелях тоже не встречалось, а вещь интересная. Ты ешь давай, я никуда не уйду, пока не определимся, так что сидеть и думать тут долго будем... до характерного.

– Ну давай до характерного, – хмыкнул Дым.

Соломон ему нравился. Первый раз он вышел с ним в боевой поход на той спасательной операции, когда он впервые вышел на ту сторону среза. В этом бойце было столько силы духа, сколько он никогда не чувствовал в других бойцах. Сила Соломона чувствовалась как мощнейший эмоциональный подъем, под воздействием которого трудно было остаться безучастным и не поддаться тому мощному порыву радо-

сти боя и решимости сражаться. Находясь с ним в контакте и сражаясь плечом к плечу, невозможно поверить, что что-либо способно сломить или остановить бойца. Тогда находясь в пси-связи с ним, Дым верил, что они непобедимы, что противники уже мертвы или бегут вспять, прижимая головы от ужаса перед ними. Но не только в этом была сила Соломона, который всегда возвращался без ранений из походов с той стороны. Соломон всегда был мягок и конкретен в общении, говорил именно так, как думал, а думал так, как чувствовал, а то, что он чувствовал и определял своим интеллектом и интуицией, опережало в некоторых случаях возможности вычислительных машин и других бойцов группировки. Одним словом, если кто и был для Дыма беспрекословным и желанным авторитетом, так только Соломон. Соломон, видя, что Дым принялся за еду, также не спеша принялся за первое, погрузившись в раздумья.

– Может, его на контрольной полосе взять? – предложил спустя несколько минут Дым. – Ждать.

– Нет. Полосу он может пройти незаметно, а здесь, на внутренней территории, поймать его будет сложнее, – ответил Соломон.

– Вывести контролеров в лес и прочесать с ними?

– Вариант, но... – Соломон поднял вверх указательный палец, – ... тот механизм, что скрывает его от взгляда и психосканирования, возможно, у него другой принцип действия. Возможно, Ходок использует «пробойник», прыгает с места

на место при первой опасности. Здесь, накоротке, в Мертвом Лесу, пространство рваное, да и дальше, в Зоне, тоже шов на шве. Только в нашем периметре оно все целое, сам знаешь, вот и не может Ходок сюда заскочить. А насчет скрыться потихому, это он запросто, и от нас уйти, и от контролера, наверное. наших же в лесу гонял, и стрелял совершенно с разных мест.

– Хуже будет, если контролера завалит, – сказал Дым.

– Гораздо хуже, – согласился Соломон.

Воцарилось молчание. Оба бойца были погружены в размышления. Дым даже отложил рацион в сторону, едва осилив половину.

– Как вариант оправить стелс-отряды в Мертвый Лес в надежде, что они на него наткнутся и уничтожат, но вероятность прямого контакта очень мала, раз он тут уже столько времени, наверняка каждый куст знает лучше наших.

– Недели две уже тут... если не больше.

– Вот-вот, а если он наших наблюдателей первый обнаружит, опять возможны потери и смена планов уже у него. В таком случае вероятность его прохода к Исполнителю увеличится процентов до двадцати пяти, – сообщил Соломон, – потому что вычислить его станет еще сложнее. Пока он в Мертвом Лесу и считает себя в безопасности, он оттуда не уйдет, – монолитовец решительно отодвинул поднос с едой. – У нас есть право первого хода, но наша разведка не самый лучший вариант. Нужно что-то, что могло бы, не вы-

зывая подозрений, привлечь его внимание и задержать до тех пор, пока мы не перекроем его и сверху, и снизу.

– Что ему, артефакт подкинуть, что ли? – предложил Дым.

– Вряд ли он на это купится, у него на поясе достаточно, да и не за этим он сюда пришел. Если он, конечно, не коллекционер, – вполне серьезно предположил Соломон.

– Может, направить ряженого под сталкера? Пусть поживет в лесу, погреемся, глядишь, Ходок на огонек выйдет?

– Уже ближе... – кивнул Соломон, – только Ходок калач тертый, сталкера от подставного наверняка отличит, здесь же такие придурки не водятся, чтобы дойти до Мертвого Леса и костры жечь. А еще хуже, вычислит нашего бойца и пришьет. Опять потери, – Соломон потер переносицу, закрыв глаза. – Нужны настоящие сталкеры вне подозрений, но с ними, само собой, никакого разговору не получится, либо настоящие придурки, такие, каких в Зоне не бывает, разве что на Кордоне, как неопознанное явление... такие чтобы...

В этот момент над столом возник заспанный Турист.

– Ну где ты был, Дым? Я тебя жду, жду... Здрости, – обратился он к удивленно выставившемуся на него Соломону.

Соломон отвел взгляд и многозначительно посмотрел на Дыма. Они оба знали теперь, что то, чего в глубокой Зоне по определению быть не может, оказывается есть, а именно совершенно чистый инструмент для выманивания Ходока, тот самый элемент невероятности, который, возможно, сработает в пользу группировки.

– Кто это? – спросил Соломон.

– Это... – напряженно, словно вспоминая давно прошедшие события, – турист, вылез из среза.

– Ага... – многозначительно произнес Соломон. – Туристом, стало быть, и остается здесь, раз так Зоне глянулся.

Турист растерянно оглянулся в поисках стула или чего-либо еще, поскольку стоять и возвышаться над бойцами, под их внимательными взглядами, особенно вон того, которого он не знал, было неуютно.

– Присаживайся, – угадал его мысли Дым, отодвигаясь на своей скамейке. – Теперь ты, парень, кличешься здесь Турист, а это Соломон. Он тут старший.

– Очень приятно, – не решаясь протянуть руку для рукопожатия, скомкано произнес Турист. – Я по вопросу моего возврата. Это к вам? – обратился он к Соломону.

Соломон обескураженно отклонился назад, с непониманием глядя на Дыма и на Туриста.

– Ты ему не говорил? – спросил он, обращаясь к Дыму.

– Нет, времени не было. Да и как-то не до этого, – безразлично ответил Дым.

Турист нервно прикусил губу, переводя взгляд с одного собеседника на другого.

– Мда, рано мы его Туристом назвали, не прописан он еще в Зоне. Ну ладно, будем говорить как есть, да, Турист? – бодро, но без радостного блеска в глазах и улыбки сказал Соломон.

– Вы поймите, мне домой надо, меня мать дома ждет, сердечница, а я тут у вас шляюсь, – заторопился Турист, заглядывая в глаза монолитовцу.

– Значит так, пацан, – хлопнув ладонью по столу, начал Соломон. – Попал ты сюда к нам добровольно. Тебе давали шанс выбраться, мало того – убеждали вернуться, но ты не захотел. После этого пару раз не дали умереть, но это все мелочи. Выхода в твой мир тебе не дадут, во-первых, это очень сложно, а во-вторых, Хозяевам это, уж извини за прямоту, на фиг не надо. Мать твою мне жаль, но раньше надо было думать, когда броню и оружие разглядел. Пока все понятно?

– Нет, нет... постойте, вы должны меня вернуть... я же... я же посторонний, вы должны меня вернуть...

– Ничего мы тебе не должны, – железным тоном отрезал Соломон, не давая пареньку открыть рот для возражений, и продолжил: – Сейчас я тебе скажу все как есть, после этого даю тебе двенадцать часов на размышления, можешь делать что хочешь, можешь спать, можешь есть, можешь уходить отсюда на Большую Землю. Вмешиваться, помогать или препятствовать не станем, обещаю.

– Спасибо, – неизвестно почему ответил Турист.

Соломон после этого «спасибо» глянул на него так, словно вдруг засомневался в умственных способностях паренька, но продолжил.

– Шанса на то, чтобы твою просьбу Хозяева рассмотрели хоть с какой-то долей интереса к твоей персоне, у тебя нет,

пока ты не сделаешь что-нибудь значительное для нас и для них.

– Но что я могу сделать? Я могу поговорить с ними? Они должны меня выслушать и помочь... – встревоженно сказал Турист.

– Повторяю, они тебе ничего не должны. И если ты думаешь, что они вообще захотят тебя слушать или видеть, то ты просто не знаешь, с кем имеешь дело. Сомневаешься? – спросил Соломон.

Турист отрицательно покачал головой.

– На твоё счастье, у нас есть для тебя работа, и она даст тебе шанс отличиться. Несколько успешно выполненных заданий, и кто знает, может быть, Хозяева развернут свои установки, потратят кучу энергии и своего драгоценного времени ради тебя одного и вскроют несколько раз пространство, чтобы найти именно твой мир.

– А что, могут и не мой? – неуверенно спросил Турист.

Соломон усмехнулся, а Дым покачал головой.

– Ты не представляешь себе, сколько других Зон и не Зон существует на острие швейной иглы. Но если хочешь быть уверен, что тебе откроют именно твой мир, а не любой другой, где твоё место уже занято, а ты хочешь быть в этом уверен, сообщу тебе, что все параллели мы идентифицируем специальными маркерами. Так что, разумеется, если ты это заслужишь и поможешь нам, Хозяева, возможно, помогут тебе, но до сих пор ты и для них, и для нас лишь помеха на

радаре. Вопросы?

Парень обреченно и обессилено молчал, глядя в матово поблескивающий стол из неизвестного, как будто пластикового материала. Все было просто и логично, даже не верилось, насколько просто ему объяснили, что он лишь... как это... «помеха на радаре». И они предлагают ему подумать двенадцать часов, чтобы сделать выбор. Какой выбор? Между чем и чем? Между тем, чтобы уйти в Зону, наверняка без оружия, да и если бы даже с оружием... что толку, он видел, что водится в лесу, или согласиться на задание. «Ну что ж, я работы не боюсь. Хватило ума влезть в эту Зону, надо чтобы хватило ума и вылезти», – думал Турист.

– Что за работа? – сдавленно спросил он, с трудом сдерживаясь от нахлынувших вдруг эмоций, отчаяния и обиды.

– Работа простая, Турист. Нужно пойти в Мертвый Лес. Побывать там немного, если надо, жечь костер, побродить, в общем заняться туризмом, как раз по профилю, а если встретишь кого, нажать на кнопку, – ответил Соломон.

– Какую кнопку? – обыченно спросил Турист.

– Дадим тебе кнопку, еды, питья, водки, если хочешь. Мутантов устраним, от аномалии убережем, в общем безопасность твоя будет, как у Периметра, – легко ответил Соломон.

– А когда нажму, что будет?

– Ничего особенного. Придем мы и поговорим с тем человеком, которого ты встретишь. Вопросы?

В принципе для Туриста было все ясно, одно не давало

покоя: как же быстро он согласился с тем, что отсюда нет выхода, но ведь он сам видел и трупы, и мутантов, и аномалию, и еще какую-то чертовщину, от которой мурашки по коже да и мошки в глазах.

– Есть вопрос, только он немного не по теме, – сказал Турист.

– Давай.

– Что за мошки у меня в глазах? Может, болею чем или к доктору сходить?

Дым с Соломоном переглянулись. Соломон на секунду задумался, собираясь с ответом.

– Это у тебя к Зоне привыкание. Не местный ты. Когда пропадут, скажешь, договорились? – впервые улыбнулся Соломон и протянул руку.

Турист кивнул и пожал крепкую ладонь бойца, чувствуя невысказанность в ответе Соломона.

– Вот и хорошо, – закончил монолитовец. – На сегодня твой непосредственный наставник – Дым. Он тебе расскажет что нужно, а тебе, Турист, рекомендую слушать его как... – он хотел сказать, «как мать родную», но вовремя передумал, – как человека, который дважды сохранил тебе жизнь, хоть ты этого, возможно, и не заметил. Все, пока! – монолитовец взял поднос с остатками еды и, не оборачиваясь на оставшихся за столом Дыма и Туриста, ушел твердым, уверенным шагом сделавшего свое дело человека.

Глава 12. На выход

Турист и Дым остались вдвоем на одной скамье за столом для четырех человек. Вокруг ходили люди, стучали приборы, слышалась человеческая речь, иногда с характерным звуком щелкали застежки бронедвоек и экзоскелетов, уже привычно пахло едой, но Турист не слышал ничего этого. Он сидел, ошарашенно глядя сквозь стол куда-то вниз, пытаясь понять, происходит это все на самом деле или нужно проснуться. Все, что делалось вокруг, особенно в свете последнего разговора, напоминало дурной сон, из которого до сих пор нет исхода, и несмотря на кратковременные улучшения, ситуация становилась все хуже и хуже. Зона засасывала его, поглощая шаг за шагом его мысли, его чувства и стараясь добраться до его памяти, чтобы навеки поселиться там и заставить забыть его о том, что его место не здесь, а совершенно в другом... в другом мире. Турист чувствовал себя обманутым, он же не собирался пропадать здесь, когда потихоньку отделился от группы, он хотел всего лишь осмотреться, сделать несколько снимков на свой телефон и обратиться подобру-поздорову, чтобы потом показывать диковинные снимки солдат в действующих экзоскелетах своим друзьям и подругам. «Но я же все еще могу сделать несколько снимков, пока в моем выключенном телефоне не села батарейка», – вдруг подумал он. Эта нелепая и в то же время про-

стая мысль придала ему сил и какую-то осмысленность его удручающего положения. Она дала ему какое-то понимание, что согласиться делать то, что ему говорят, – не только воля монолитовцев, но и его собственное желание.

– У вас подзарядка для «Нокиа» есть? – внезапно спросил он.

Несколько секунд Дым непонимающе глядел на него. Турист буквально видел, как в его голубых глазах идет медленный процесс осознания такого простого, но совершенно дикого для этих мест вопроса.

– Модифицируем аккумулятор, не сядет, пока в ты в Зоне. Хочешь?

– Да, – улыбнулся парень. – Ну давай, Дым, рассказывай. Что делать будем? – чувствуя облегчение от хоть какого-то определенного будущего и пересаживаясь на скамью напротив, спросил Турист.

Дым впервые внимательно оглядел его с ног до головы. Тощий, весом килограммов в шестьдесят, рост метр семьдесят с небольшим – сразу видно, что городской. Здесь в Зоне такие, если выживают, быстро набирают вес за счет изменяющегося метаболизма под действием аномальных излучений да и ростом обычно добавляются, как и было заложено изначально на генном уровне у лучших предков. Кожа светлая, не местная, у всех, кто больше полугода в Зоне, несмотря на частое отсутствие солнца и нахождение большую часть времени под броней, кожа смуглее и имеет свой характер-

ный для Зоны оттенков, опять же из-за пронизывающего все и вся волн аномального излучения, не считающихся никакими сенсорами, кроме той части человеческого мозга, которая отвечает за несознательное. «Это хорошо, что светлая, – подумал Дым, – чище будет игра, по-другому Ходока не проведешь». Ладони узковатые, к нагрузке непривычные, пальцы тонкие, с нежной кожей. Глаза карие, близко посаженные, умные, нос чуть большеватый, губы узкие, волосы чуть длиннее чем надо, ничем не примечательная личность.

– Ты чем раньше занимался, Турист? – спросил Дым.

– Я и сейчас занимаюсь. Работаю в конструкторском отделе, черчу.

– Кульман, ватман, карандаш?

– Да нет, у нас сейчас все в программах, в компьютере, но ватманы тоже юзаем, – с готовностью ответил он.

– Понятно. Не пригодится. А теперь по заданию. Кратко, как есть. Здесь у нас сталкер объявился, для нас его имя Ходок, рвется к Исполнителю. Ты нам поможешь его остановить, – парень удивленно поднял брови. – Дело несложное, – продолжил монолитовец. – Пройдешь за контрольную полосу и походишь там пару часов, и так несколько раз, пока он тобой не заинтересуется.

– А сами почему не поймаете? – без особого энтузиазма спросил Турист.

– Бегает быстро и прячется хорошо. Надо чтобы сам на тебя вышел, – ответил Дым. – В тебя он стрелять не будет,

если все правильно сделаешь.

– А чего вы его к Исполнителю не пускаете? Пусть идет. Если этот ваш Исполнитель такой важный, с него не убудет. А может, и мне к Исполнителю пойти? – оживился Турист. – Он меня домой отправит, а?

– Про Исполнитель забудь. Тебе к нему не пройти. Там первую половину пути аномалии и радиация, без защиты придешь мертвым.

– Ну так вы дайте мне защиту, – легкомысленно сказал парень.

– Не положено, – отрезал монолитовец. – А впрочем, – он на секунду сделал паузу, разглядывая Туриста, – поймал Ходока, все, что его – твое. У него больше чем достаточно, я сам видел. Лады? – предложил Дым, внимательно глядя на парня.

– Договорились, – радостно ответил Турист, – так-то оно и побыстрее будет, чем через ваших Хозяев. А вторую половину пути, ну после аномалий и радиации, что занимает? – безмятежно спросил парень.

Дым замолчал, на мгновенье неуловимо меняясь в лице, словно из него вдруг выпили жизнь, оставив пустую оболочку восседать напротив собеседника. От этой разительной перемены парень растерялся, впервые видя нечто подобное в человеческой природе.

– А дальше... дальше. Самое страшное место для тех, кто хочет дойти, – тихо и медленно сказал Дым. Сказал так, что

у Туриста похолодело в животе, а между лопаток словно положили кусок льда.

– А что там? – так же тихо и впившись глазами в лицо монолитовцу, а руками, сам того не замечая, судорожно сжимая стол, спросил Турист.

– Там ты остаешься сам с собой. Там Монолит действует на тебя напрямую, там душа выворачивается наизнанку и просвечивается насквозь, и ты... и так не просто...

– Ты был там... – зачарованно прошептал Турист, во все глаза глядя на монолитовца. – Ты был там, Дым...

Дым едва заметно кивнул головой, сдерживая вдруг поднявшиеся чувства.

– И что, и что было дальше, Дым, расскажи.

Дым вздохнул и поднял глаза, по-особому глядя на паренька. В глазах от воспоминаний о пережитом возник особый свет одухотворенности и переживания красоты того, что можно только почувствовать, но не подобрать слова.

– Мы никому это не говорим, но тебе, наверное, можно. Ты другой, нездешний. Я не смог дойти до Монолита, больше половины из нас так и не дошли, хотя мы свято верили, что мир нам должен нечто, что мы должны получить, – он усмехнулся. – Мне оказалось не с чем продолжать свой путь. Всю свою жизнь я думал, что у меня есть мечта, но она оказалась такой мелкой и... нечестной, что я не смог. Я побоялся, – Дым вздохнул, словно вспомнил что-то, что не хотел вспоминать. – Наверное, это странно звучит, но я по-

нял, что ничего не сделал в этой жизни, хотя мог очень многое, и тогда бы я сам получил то, что хотел, без Монолита, но я был не готов. Я даже не предполагал, что во мне столько силы, чтобы воплотить в жизнь то, что, мне казалось, можно сделать только при помощи Исполнителя. Знаешь, хоть Монолит и машина, но она вытаскивает из тебя то самое ценное, что у тебя есть, очищает его и показывает тебе же, и тогда ты видишь, кем ты сейчас стал, по сравнению с тем, кем бы ты мог стать, если бы у тебя хватало смелости на это. Не хочу показаться бабой, но от этого так горько и так... легко, что ты наконец знаешь, кто ты есть, – Дым залпом выпил стакан воды.

Турист затаив дыхание следил за каждым его движением и только облизнул губы, моментально почувствовав жажду.

– Так вы все там были? – ошарашенно спросил он.

– Да. Все мы ходили к Монолиту. Но больше половины вернулись, когда оставались десятки метров до него, и больше не было препятствий. Те, кто дошел, получили свое, но как тебе сказать... большинство из прошедших последнюю сотню метров прошли только потому, что они просили не для себя. Наверное, я только недавно понял, какие это люди. Это редкие люди, они всю жизнь прожили так... как, знаешь, у классика: «Я славно пожил!.. Я знаю счастье!.. Я храбро бился!.. Я видел небо...» («Песня о соколе», М. Горький. – *Прим. автора.*). Лучше не скажешь, – Дым нахмурился и замолчал.

Турист, с трудом совладав с нахлынувшими вдруг на него эмоциями, схватил второй стакан Дыма с водой и судорожными глотками осушил его. Слов у него не было, внезапно он понял, с кем и с чем имеет дело. Монолитовец, наверное, впервые за все время поделился тем, с чем не мог поделиться с другими. У всех бойцов был свой Исполнитель, который занимал место в душе и сердце, и никто из них не хотел показывать себя. Но Турист был чужой, посторонний, нездешний, как случайный попутчик в поезде, которому вдруг была рассказана самая страшная тайна, только потому, что его, скорее всего, больше никогда не увидит открывший тайну.

– Так вы все остались, чтобы служить и охранять его? – спросил он через время, остывая и приходя в себя.

– Да, все кто хотел. Тех, кто решил уйти на Большую Землю, чтобы завершить дела, мы не останавливаем. Это их решение, их личное дело. Но обычно они возвращаются, – ответил Дым. – Второй раз прийти к Монолиту проще. Намного проще.

– Но зачем вы охраняете? Если Исполнитель такой мощный, пусть тот самый Ходок идет к нему. Зачем же сразу его ловить? Тебя-то кто-нибудь ловил?

Монолитовец усмехнулся.

– Меня всю мою жизнь пытались поймать. К Исполнителю мы шли группой. Выбрали момент и прорвались через посты тогда еще моих врагов. Товарищей моих положили, а я успел попасть в нужный тоннель. Там охрана отстала.

– Почему? Почему отстали? – с жадностью спросил парень.

– Если хочешь, такие правила. Аномалии в тоннеле пройти можно, и если ты их прошел, то, скорее всего, ты в хорошей форме и физически сможешь дойти. А убивать или тяжело ранить сталкера на последнем пути к Исполнителю опасно. Опасно для всех. Никто не может предсказать, что именно сгенерирует мозг умирающего человека, а Монолит рядом. Машина... она примет любой бред с нужной частотой волны за директиву и выполнит. Думаю, человечество не устроит синхронно увидеть белый свет в конце тоннеля из-за одного умирающего.

– Да... страшная вещь этот ваш... Исполнитель. Прямо как-то не по себе, – сказал Турист.

– Вот поэтому сталкеров-ходовков и останавливаем. Но суть не в том, чтобы их убить, а в том, чтобы спровоцировать на проявление. Изначально это должны делать контролеры, на то они и контролеры, но нынешние ходоки вполне могут убить контролера, а это нехорошо, – продолжал рассказывать Дым.

– Это как... в смысле спровоцировать? – не унимался Турист.

– Видно, что в Зоне ты ни дня не был, – заметил Дым. – Здесь не только Зона убивает сталкера, но и сталкер сталкера, и сталкер сам себя, только ему это безразлично. Короче, – вздохнул он, – если разрушительного в сталкера боль-

ше, он не живет долго в Зоне, если меньше, то вероятность его выживания увеличивается, как и шанс прохождения до Монолита возрастает, это в целом решает Зона. Но Ходоки это другое. Ходок может быть профессиональным убийцей, без черта и Бога в голове, полный отморозок, разрушающий, без понимания, что он делает, и без желания создать что-то новое взамен разрушенного. Такие люди очень опасны, и наше дело не допустить их к Исполнителю, иначе быть беде.

– Так вы же и нормальных сталкеров под этим делом убиваете, – оторопело сказал Турист.

– Цена нашей ошибки высока, поэтому мы стараемся вообще никого не пропускать. Но повторю, настоящего сталкера чувствует даже слепой. Здесь вообще иной слепой позрячей зрячего, – отвлекшись усмехнулся Дым. – Короче, Ходока, стреляющего по монолитовцам, уничтожаем без права на переговоры. Ясно? – оборвал он.

– Куда уж ясней.

– Вот и ладно. Разболтался я с тобой, – как будто рассердился Дым то ли на себя, то ли на такого впитывающего все слушателя, как Турист. Боец, нахмурившись, нервно постукал пальцем по столу. – Ты вроде как сыт? – спросил он и, дождавшись утвердительного кивка, скомандовал: – Давай сюда свой телефон и пойдешь со мной.

Парень достал телефон, включил. Батарейка «Нокиа» мужественно показывала последнюю полоску заряда на сенсорном экране. Дым подошел к полке, на которой покоился его

шлем, надел и с десяток секунд стоял молча, покручивая телефон в руке. Туристу показалось, что боец задумался или попросту завис, как только надел свой шлем, но только шутить или язвить по поводу ушедшего в себя монолитовца ему как-то не хотелось.

– Телефон заберешь через... как вернешься, пока за мной, для получения инструкций на местности, – глухо сказал Дым из-за забрала и, потрогав левое плечо рукой, наконец снял неуместный здесь шлем, – налегке пойдём до ближайшего поста. Ты там был.

У Туриста засосало под ложечкой от болезненного волнения. Странно, такое ощущение, будто перебрал кофе в придорожном кафе: и потряхивает, и тревожно, и вроде как пот холодный шибает, словно натворил чего, что самому не по душе, да еще и мошки в глазах усилились. Парень нервно отпил из фляжки. Дым внимательно посмотрел на него, затем слегка кивнул каким-то своим мыслям и без предисловий двинулся к выходу, мгновенно превратившись из общительного и культурного человека, каким он был пару минут назад, снова в безликого бойца группировки, разве что его спину закрывал не экзоскелет или бронекостюм, а легкая камуфляжная куртка.

Поднявшись на поверхность, Дым сразу выбрал направление на пост «Тропа». Раннее утро из серых сумерек, глушивших все тона и краски, вдруг превратилось в тонкое, чувствительное покрывало, звонким, влажным и холодным воз-

духом проникшее и в разрушенные постройки и в кустарники. Даже та самая рукотворная тренировочная полоса препятствий, затуманенная едва заметной дымкой, чутко слушала тишину. Турист, вдохнувший свежий, влажный воздух, замедлил шаг.

– Погоди, Дым, – тихо попросил он, – у вас всегда тут так? – спросил он, замороженно оглядываясь, разглядывая страшные прошлой ночью, а сейчас ставшие вдруг пушистыми и задумчивыми кусты сирени.

– Не всегда, но часто, – негромко ответил Дым. – В Зоне всегда красиво, где нет человека.

– Но мы-то здесь, – возразил Турист.

Дым промолчал, но затем, вздохнув, махнул рукой и надел шлем.

– Долго объяснять, – приглушенно сказал он, – пошли.

Турист замолк и, поскрипывая песком под ногами, двинул вслед за монолитовцем, разглядывая тонкие ветви отдельно стоящих деревьев, просвечивающих на фоне светлеющего неба. Все здесь ему казалось свежо и ново, несмотря на общее запустение, царившее вокруг. Казалось, что каждый элемент, будь то проржавевший кусок железа или расползшаяся куча кирпича, жили своей уютной жизнью и только прятались от его постороннего взгляда, притворяясь мусором. В этом было что-то и страшное, и любопытное. Он, словно маленький ребенок, ведомый взрослым через совершенно новую, неизвестную и захватывающую сказку, слушал и дышал

каждым словом, произнесенным рассказчиком. И так не хотелось думать и даже предполагать, что у этой сказки рано или поздно должен быть конец, который, как это ни странно, зависит не от рассказчика. Едва заметный утренний туман, поднимающийся от земли, просвечивался солнечными лучами, нет-нет проникающими и сквозь редкие прорехи облаков, и сквозь листву. Турист постоянно чувствовал, что было что-то неуловимое в этом воздухе, не потревоженном пока ничем, ни лишним звуком, ни словом. Пару раз он ловил себя на мысли, что кто-то подглядывает за ним и прячется, едва Турист почувствует этот взгляд. Это было и необычно, и волнующе, и пугающе. Дым, заметивший ерзания паренька, остановился и снял шлем.

– Турист, у тебя как воображение, хорошо работает? – спокойно, но с нажимом спросил он.

– Да, обязательно. Я ведь чертежами занимаюсь, изометрия, пространственные конструкции на бумагу, на компьютере объемное проектирование и прочее. В моей работе без этого никуда.

– Ну так вот... – монолитовец задумался. – Ты давай сейчас без этого, без фантазий, лады? Ты же в самом центре Зоны. Исполнитель всю Зону покрывает, а ты со своими фантазиями себе же веселую жизнь устроить можешь. Не советую, – решительно сказал он.

– В смысле? – не понял Турист.

– Галлюцинации. Я серьезно, ты человек для Зоны не

местный, потому и не знаешь, что здесь может происходить, чего бояться, на что и как реагировать. Это твое второе счастье, но совет запомни, – прямо глядя ему в глаза, словно внушая сказал Дым.

– Хорошо, – парень кивнул. – А что, Исполнитель на галлюцинации влияет?

Дым вздохнул. Привычка и удобство обходиться пси-связью ограждали от подыскивания слов и потери времени, чтобы довести информацию до получателя в максимально усвояемом виде, но Дым решил, что раз ему навязался полный ноль выживания в Зоне в виде Туриста, то придется потратить на него немного времени, чтобы ноль приобрел хотя бы единичку после запятой. В такие минуты раньше он предпочитал закурить, но после Монолита желание курить пропало само собой, поэтому сигарет он не носил. По всплывшей из недр памяти тела старой привычке, хлопнув себя по нагрудному карману, в котором он еще в прошлой жизни имел обыкновение носить сигареты, Дым еще раз скорбно вздохнул и, обыскав взглядом окрестности, указал на лежащий бетонный фонарный столб, серым пятном выступающий из низкой игловатой травы.

– Присядем.

Усевшись и вытянув ноги, монолитовец еще раз осмотрел парня и, протянув руку, попросил фляжку. Сделав несколько глотков, он вернул фляжку.

– Хорошая фляжка, бывалая. Костя подарил? – спросил

он.

– Не знаю, – смутился Турист, – на скамейке лежала. Контролер вроде забыл.

– Ага, забудет он, как же, – усмехнулся Дым, – Костя никогда ничего не забывает. Контролеры вообще ничего не забывают. Не тот склад ума.

– Так его Костя зовут? – более чем удивился парень.

– Ну так бывает. Человеку – прозвище, мутанту – имя. Короче, слушай сюда, – лениво и с явным нежеланием произнес он, – отвечаю на вопрос. Исполнитель, он же Монолит и галлюцинации. Сейчас ты находишься уже очень близко к Монолиту, он считывает тебя, тебя же считывает и Зона, считай ее программой по обеспечению защиты Монолита, Хозяев и вообще, этакий разумный контент всего происходящего (см. кн. 1 Страж Монолита. – Прим. автора). Понятно?

– Не очень... – виновато признался Турист.

– Ну и хрен с тобой, – беззлобно прокомментировал Дым, – слушай дальше. Ты, как человек в корне не местный, следов в Зоне не имеешь. Короче, ты почти не считаешься еще ни для Монолита, ни для Зоны. Вот ты говорил, мошки в глазах прыгают. Есть такое?

– Да, вот и сейчас, только я как будто привык, – сказал парень, покрутив глазами.

– Вот это и есть твое видение излучения Монолита. Другое дело, что если бы ты шел сюда от Периметра с Большой Земли, ты бы постепенно привык к местному излучению и

обошлось бы без мошек.

– Излучение... радиация, что ли? – встревожился парень.

– Нет, не радиация, – успокоил его монолитовец. – Кроме радиации еще полно всякого рода излучений и фонов, если хочешь, даже форм жизни, которые не фиксируются приборами.

– Да ладно? – удивился Турист.

– Интересно? – усмехнулся Дым. – Ваша наука про это что говорит?

– Да ничего такого... не знаю.

– Давай дальше. Излучение, можешь считать его аномальным, постоянно. Здесь, в центре, сильнее, там слабее. Связь у человека с Монолитом двухсторонняя, но с задержкой. Все, что ты представляешь с эмоциями, для Исполнителя сигнал к действию. Он это все материализует, но с задержкой, так сказать отставленный эффект. Но чем ты ближе, тем скорость исполнения выше, а вплотную к Монолиту желание исполняется моментально. Но тут, конечно, нужны сильные эмоции, чувства, в общем весь спектр, то, что сопровождает самое сильное желание из имеющихся в человеке.

– А как материализует? Из воздуха? – растерянно спросил парень.

– Ага, из воздуха, – хохотнул Дым, – тебя же из воздуха сюда доставили. Вот и все остальное так же. Ну или наоборот, тебя закидывает туда, там, где все условия соответствуют твоему желанию, ну или варианты с временной шкалой. В

любом случае действительность для тебя начинает соответствовать твоему самому сильному, полному и насыщенному желанию. Улавливаешь?

– Ну... как бы да...

– Так вот, про галюны, – благодушно продолжил Дым. – Тебе главное не думать про белую обезьяну, если не хочешь увидеть ее хвост. Понятно? – вставая спросил Дым.

– Блин... а вы как сами? Как?! – растерянно и немного паникуя чуть не вскрикнул Турист.

– А мы сами люди бывалые, в сказки не верим, и вообще, специально для хороших людей специальный аппарат имеется, – облегченно закончил монолитовец, плотно нахлобучивая шлем на голову и приоткрывая забрало. – Не дрейфь, Сеня! Жизнь еще и не такое показывала! За мной, не отступать! – подбодрил он и, призывно махнув рукой, словно командир, призывающий подняться в атаку бойцов, бодро зашагал по тропинке. А там вдалеке уже виднелись те самые снесенные гаражи с открытыми глотками полузатопленных погребов.

Глава 13. Тропа

Два человека, один одетый с ног до головы в камуфляж, с черным матовым шлемом на голове, другой в синем спортивном костюме и камуфляжной куртке, шли по узкой, плохо видимой тропинке через ряды разрушенных до основания строений, ранее бывших гаражами. Было уже светло и, казалось бы, ничего не могло вызывать опасений, но шедший позади человек боязливо жался к уверенно шагающему первому номеру.

– Дым, ты все-таки нехороший человек, редиска, – нервничая и потому не особо выбирая слова сказал Турист. – Это же надо было меня так успокоить, чтобы я еще сильнее боялся, – поневоле задерживая взгляд на пугающих его ямах, жаловался парень. От волнения его голос звучал тоньше, как у подростка.

– Не бойсь, герой, я с тобой! – весело ответил Дым, его вообще забавляла реакция новичка в условиях, приближенных к максимально безопасным. – Здесь место особое, ха-ха, – не сдержался он, – аномальное, – он поднял указательный палец вверх, не оборачиваясь на шагающего позади. – Но уже выдохшееся, всех барабашек отсюда повытолкали, – Дыму определенно нравилось пугать парня, хотя раньше он никогда не замечал у себя подобных наклонностей.

– Ба-арабашек?! – дрожащим голосом протянул Турист,

чуть ли не прилипая к монолитовцу. – А это... здесь? – теряя остатки мужества и поддаваясь панике, взвыл Турист.

Почувствовав перебор и борясь с каким-то садистским желанием довести-таки парнишку до состояния у-лю-лю, Дым остановился. Турист ткнулся ему в спину, как поросенок медведю из известного мультфильма.

– Турист, тебя даже в отмычки не возьмут. Смотри, будешь так себя вести, назовем Сеней или еще как.

– Как? – не очень соображая, глупо спросил Турист.

– Тебя это меньше всего должно сейчас волновать, как мы тебя назовем, – нарочито серьезно сказал Дым, подавляя желание громко сказать «БУ!!!», чтобы свалить того в обморок. Городской и совершенно не подготовленный к Зоне человек забавлял его, вызывая давно забытые эмоции.

– А что мне делать, вы-то вон, специальные аппараты имеете, – имея в виду пси-шлем, сказал парень. – А мне что делать прикажете?

«Действительно, чего это я?» – мысленно осек сам себя монолитовец. – Здесь раньше пси-аномалия была, то, что осталось, остатки фона, от мусора, – уже вполне серьезно сказал он. – Шлем тебе не положено, ты не в штате, – Дым замолчал, задумавшись, или вышел с кем-то на связь, – да и вообще, рано тебе еще. Пой песню, а еще лучше, думай песню... самое оно, когда страх за душу берет, – посоветовал Дым. – Минут через пять выйдем, а пока держись и пой, держись и пой... – напел он на известный мотив песни из

советского кинофильма, – нейтральное что-нибудь.

Турист кивнул, судорожно сглотнув несуществующую слюну. «А про что здесь петь-то?» – думал он, оглядывая жуткие развалины и торчащую из мусора, словно лапы насекомых, арматуру. Определенно, второй раз проходя здесь, он испытывал более полное чувство ужаса, чем когда самостоятельно пробирался здесь первый раз. Тем не менее вспомнить подходящую для его состояния песню получилось легко. Одна из первых песен легендарной Арии, «Тореро», вспомнились те самые простые аккорды, на которых можно было ее сыграть на гитаре, ля минор, соль мажор, фа мажор, ми мажор. Постепенно вместе со словами Кипелова в его голове возник удивительно четкий, стеклянный звук хэви-металл гитар с полной партией соло. Всю песню он не помнил, но последний куплет и пару строчек припева были самыми памятными:

«Эй, тореро, сын вдовы,
Твой красный плащ, твой траурный покров,
Эй, тореро, ты будешь убит,
Под песню мадридских часов...
Бог хранит тебя,
Смерть щадит тебя...
Пусть не знает никто,
Что творится в душе...»

Турист шел, строки песни невольно повторялись губами, и чем больше он позволял этой песне выходить из него,

тем четче он слышал музыку. Вот уже перед его глазами возникла ночная сцена, подсвеченная софитами, бессмертные музыканты первого состава, распустив хаер, изматывают струны электрогитар, вокалист, протянув руки к беснующейся толпе, чьи лица выхватывались отблесками прожекторов, пел и пел свою песню, то приближаясь лицом, то отдаляясь от зрителя. Неожиданный вид концерта, сумасшедше качественный стеклянный звук, словно он надел наушники, а не просто прокручивал песню в голове, так заворожил и ошеломил парня, что, растерявшись, он встал, почти дойдя до границы, где действие остатков пси-аномалии должно было закончиться. Расширив глаза с устремленным в никуда взглядом, он вслушивался. Музыка теперь, ему казалось, уже была не только в его голове, она была всюду. Он словно стоял в водопаде музыки, она лилась сверху, с боков, даже снизу, она была объемной, а внутренний взор так кристально ясно видел первые ряды зрителей и сцену, что трудно было удержаться, чтобы не начать потряхивать головой в такт. Туристу показалось, что можно протянуть руку и отвлечь на себя вон того парня в косухе, увешанного железными цепочками, чтобы перекинуться с ним парой знаков или чем-то еще... Плохо соображая, что делает, Турист огляделся в поисках источника музыки и, определившись с направлением, полез в открытый погреб. Он уже не видел, как Дым, поднявшись на пригорок и обернувшись, вдруг заметил, чем занимается его подопечный, и с криком рванул за ним, схватил за

многострадальную куртку, за которую, казалось, хватались все кому не лень, и поволок прочь. Турист не понимал, что влеком монолитовцем, и, барахтаясь как пьяный, он пытался вырваться и уползти к одному из многочисленных погребов, с прогнившими и провалившимся внутрь деревянными люками, которые так пугали его в начале.

И только спустя десяток минут, силой удерживаемый Дымом прижатым к земле, он начал приходить в себя. Взгляд прояснился, звуки стихли, оставив в голове опустошающую тишину и вакуум.

– Дым?! – удивленно и растерянно произнес он.

Монолитовец, видя, что Турист вернулся в адекватное состояние, отпустил его и встал.

– Я что, я чуть не пропал? – побледнев лицом, спросил он.

Дым кивнул.

– Это Зона, Турист. Для тебя даже здесь, оказывается, опасно.

– А что, а что бы со мной стало?! – не вставая, с ужасом спросил парень, приподнимая испачканную землей щеку.

– Ничего, забился бы в яму и умер, в лучшем случае от истощения, – спокойно ответил Дым. – Это пси-аномалия, хоть и остаточная. Я же предупреждал, тут с воображением поосторожнее надо. Обычный сталкер тут бы прошел и только почесался, а ты вон как... Вставай, дальше пойдём. Мошки в глазах что, не пропали?

Турист с трудом встал. Тело плохо слушалось, мешала

противная, как будто со сна, слабость.

– Вот сейчас опять появились, а когда началось... это... не было, – покрутив глазами, ответил он.

– Даю подсказку. Пока видишь мошек, считай что барьер у тебя к Зоне, защищаешь от ее воздействия. Как мошки пропадут, значит пошел по волне с ней, вошел в ее среду, и она в тебя входит.

– Но я не хочу, Дым. Я не хочу, чтобы она...

– Поздно, – отрезал монолитовец. – Теперь вопрос времени, когда ты к Зоне привыкнешь. Пока свежий, она тебя как будто и не видит, пооботрешься здесь подольше – синхронизируетесь, так сказать...

Турист отрицательно покачал головой:

– Не годится, Дым, давай вашего Ходока искать, выбираться мне надо.

Еще минут через тридцать они в молчании дошли до поста «Тропа». Действие пси-аномалии как будто прошло бесследно, разве что прыгающие в глазах мошки, к которым он начал привыкать, стали чуть-чуть бледнее.

На посту находилось два бойца, но Дым провел на Туриста мимо обоих, так что он не видел, где они, но это было необязательно. Таким образом они добрались до самого края контрольной полосы, Дым встал на начале едва заметной тропы, идущей через светлую разделительную полосу, и некоторое время молча показывал Туристу, переводя пальцем с одного предмета на другой. Секунд через десять он чертыхнулся и

поднял забрало шлема.

– Тьфу! Никак не привыкну! – сердито сказал он. – Теперь придется по новой объяснять! – он пристально посмотрел в глаза Туристу. – Даже и не объяснять, а показывать. Пошли за мной, Турист, запоминай дорогу. Сейчас посторонних с той стороны нет, можно прогуляться.

Дым уверенно пошел по траве, пальцем левой и правой руки показывая то влево, то вправо, то перед собой, иногда делая небольшие изгибы напротив совершенно пустых мест или вообще не подозрительных участков пути.

– Объяснять не буду, тебе ж не объяснить. На кордоне такому учатся. Тут правее. Тут вот эту штуку не зацепи, понял? Держись подальше от нее, но сильно не отходи, там вторая пара. Это вот мы перешагнем просто... хотя нет, видишь, пульсирует тут?

Турист отрицательно закачал головой. Он в упор не видел, что именно они обходят, через что хотят перешагнуть. Для него здесь был практически обычный пустырь, поросший местами зеленой травой, про которую он уже знал, а все остальное было диким, унылым, заброшенным пустырем с небольшим количеством хлама. Дым вздохнул, подобрал с земли камушек и бросил перед собой. Едва-едва в слабом солнечном свете Турист уловил некий отблеск как будто сиреневого цвета, на который, однако, среагировали мошки в глазах. На всякий случай, чтобы не раздражать монолитовца, он утвердительно кивнул. Дым облегченно выдохнул.

– Ее только слепой не увидит. Перешагиваем, она мелкая, – сказал он и перешагнул нечто, конечно же ставшее невидимым, после того как камушек пролетел сквозь аномалию. – Дальше, вот тут наискосок, вон до того куска мусора, потом сюда...

Они уже прошли половину полосы, но у парня было абсолютное ощущение, что позади него не сто пятьдесят метров, а минимум полтора километра. Дорогу назад он не представлял совершенно. Дойдя до кучки мусора, он с оторопью увидел, что это не мусор, а куча костей, с виду человеческих, но череп, чья верхняя часть была видна из-под земли, был как будто уже и длиннее.

– Кровосос, – прокомментировал Дым. – Хочешь глянуть?

Турист пожал плечами. Острых ощущений совершенно не хотелось, но вспомнив, что он сможет наверняка это сфотографировать, как только ему вернут его телефон, утвердительно кивнул.

– Правильно. Врага надо знать в лицо.

Дым присел и, прихватив обеими руками макушку черепа, начал раскачивая вытаскивать ее из земли. Новичок присел рядом. Земля и мусор без особого сопротивления отдали требуемое, и вскоре череп кровососа полностью вылез из-под земли. Серые кости с синеватым отливом и белыми отложениями солей, пустые глазницы, черная от влажности, удлинённая нижняя часть. Вообще весь череп был вы-

тянутым и слегка изогнутым назад. Монолитовец подобрал палочку, подсунул ее снизу, и через мгновение нижняя челюсть раскрылась, уронив комья земли, разделившись на две длинные половины, обнажив пару острых длинных клыков снизу на краях. Турист непроизвольно вздрогнул от неожиданности, впечатленный широким размахом и скоростью, с которой распахнулась двойная створка. Дым спокойно повернул череп боком к Туристу и показал палочкой, как указкой, на место, где виднелось достаточно большое отверстие.

– Вот тут у них ухо. Ушной раковины нет, но вместо нее воронка. Тут кость или слабая, или вообще нет, в зависимости от вида, можно ножом, а можно и палкой. Спереди бесполезно. Кость покатая, прочная, ротовой аппарат сильно упрочнен мышцами и сухожилиями, быстро регенерирует. Головой может таранить, если придется, так, что мало не покажется. Но до этого дело обычно не доходит. Убегать не советую, бояться в целом тоже, поскольку бесполезно.

– А что делать? – боязливо спросил Турист.

– Тебе ничего, – Дым прищурился, сопоставляя ощущения со словами, – ты как бы не вписываешься в меню местных товарищей, можешь порадоваться. Я тебе сейчас расскажу, что вижу. Ты, Турист, здесь элемент новый. Большинство из тех, кто сюда доходит, прожженные Зоной до самого мозга, а тебя Зона толком и не видит, тебя как бы и нет для всех. Мне в первый день вообще на тебя с трудом приходилось отвлекаться, да и сейчас тоже ты легко из внима-

ния выскальзывает. Как тебе сказать-то... не свойственен ты нашей реальности, понимаешь? – Турист неопределенно пожал плечами, не особо понимая, о чем он говорит. – Не вписываешься ты в картину. Нет в тебе смысла, что ли... – Дым вздохнул, он не очень любил разговоры вслух, поскольку они так долго передавали то, что при помощи пси-контакта передавалось за мгновения. – Ты вообще родился не в этом мире, тебя и там, на Большой Земле, толком никто не разглядит. Нет твоих впечатлений. Нигде нет. Никто тебя не помнит, не видел, не знает. Так наш мозг настроен... он же видит не только то, что видит, а то, что имеет отпечаток в общем фоне, с таким, что имеет свой след в этом мире, легче соприкоснуться, контактировать. Вот ты там у себя, на Большой Земле, жил, и думал, и общался, и следов пооставлял за собой кучу, а у вас там в общем информационном поле Земли висит. Оно на тебя влияет и на других, на удачу твою и наоборот. В общем, людям там у себя ты с первого взгляда можешь запомниться, вызвать доверие или наоборот, понравиться или не понравиться. Человек не только на твое тело смотрит, но и на твой накопленный фон, он везде... скажем, даже когда тебя рядом нет, тебя вспомнить могут, обратиться, подумать. Вот святых, например, рисовали сразу на золотом фоне, кому надо, тот и обращается к ним. А тут этого твоего фона нет, он там, на другой, Большой Земле остался, и контакт у окружающих с тобой не полный совсем. Понимаешь?

Турист вроде начал что-то понимать, по крайней мере на уровне ощущений.

– И что, мутанты меня не видят, что ли? – спросил он.

– Увидеть-то увидят. Только ты для них что столб для собаки. Так, подойти понюхать, если приспичит, пометить, – усмехнулся монолитовец.

– Пометить? – лицо парня вытянулось.

– А что? – усмехнулся Дым, – делов-то. Ты главное особо не пыжься, не шуми, не прячься. Ты для них никакой, ни свой ни чужой, ну а если проявишь себя как-нибудь, например разозлишься, испугаешься, то и будет это твоим первым впечатлением для них. Так и спроецируешь себя для Зоны... как себя поставишь, одним словом.

Турист огляделся. Они сидели на открытом месте посреди широкой полосы. День уже вполне вступил в свои права, и их силуэты отбрасывали нечеткие тени на землю. Мошки лениво плавали в глазах, но обстановка в целом не внушала тревоги, разве что чуть-чуть жарковато.

– Тогда зачем ты мне череп показываешь? – с сомнением спросил Турист.

– Затем. Затем, чтобы ты, когда вплотную его увидел, представление имел, кто это и что это, да не вздумал вдруг убежать со страху. Не он, так аномалии достанут.

– А что, для аномалий я тоже неместный? – с надеждой спросил парень.

– А для аномалий ты вполне себе обычный, на них твоя

неуместность никак не влияет, – «успокоил» его Дым. – Ладно, пошли дальше, – он встал, присмотрелся, – сейчас двадцать метров вон до того кустика, от него направо. Запомнишь?

Турист кивнул. Мертвый Лес был уже гораздо ближе, и отсюда чувствовалась его мрачная задумчивость и буквально чуждость для парня. Сейчас он кожей ощущал, насколько этот лес другой, как сильно он отличается от того подлеска, что они миновали внутри периметра группировки. Мертвый Лес холодил под кожей, пугал, одновременно звал и затягивал, с каждым шагом становясь все более мрачным и странным. Наконец они добрались до первых, лишь слегка спутанных жгучим пухом деревьев, чья йодного цвета кора, которую, с разрешения Дыма, парень потрогал рукой, оказалась теплой.

– Теплая... – задумчиво сказал Турист. – Как живая.

– Да, – подтвердил Дым, – это первые настоящие метры Зоны, если идти от базы, а если с Периметра, то последние. Полоса не в счет, там смешанное.

– Что смешанное? – спросил Турист.

– Поля смешанные. Так сказать, зоны ответственности. Здесь от Мертвого Леса и дальше, – он махнул рукой вперед, – так сказать, юрисдикция Зоны, понимаешь? А от контрольки и к ЧАЭС уже Монолит своим излучением перекрывает.

– А... все так... необычно, – медленно оглядывая кроны

со сросшимися местами ветками разных деревьев, протянул Турист.

Дым дал ему время оглядеться и привыкнуть к обстановке. Затем, махнув рукой, повлек за собой. Пройдя пару десятков метров внутрь леса, они набрели на остатки маленького костра, который Турист вряд ли заметил сам в этом серо-коричневом, сумрачном месте, когда постоянно хочется включить фонарь.

– Ты смотри, какой гад, – присев возле едва различимых, слегка подернутых пеплом углей, произнес монолитовец. – Под самым носом сидел, как у себя дома, но ничего, – он обернулся на парня. – Сейчас дуем обратно, берешь то, что надо, и возвращаешься сюда. Провожать не буду, не маленький, сам дойдешь.

Глава 14. Отражение

Дорога обратно, до базы Монолита, заняла вдвое меньше времени. Турист молча сосредоточенно практически наступал на пятки Дыма, а через выдохшееся аномальное поле прошел будто робот, полностью поглощенный предстоящей задачей. Вот наконец распахнулись широченные бронированные двери подземного корпуса, множество неудобных ступенек вниз, когда приходится для шага выдвигать ногу дальше чем обычно, и наконец вторая дверь, за которой уже такая знакомая «столовка». Телефон лежал один-одинешенек на краю ближайшего стола, и Турист незамедлительно схватил его. Аппарат оказался включенным, а батарея полностью заряженной.

– Есть не хочешь? – внимательно глядя на парня, спросил Дым.

Турист отрицательно покачал головой. Съеденный уже много часов назад рацион до сих пор давал ему ощущение сытости.

– Я только воду обновлю, – проговорил Турист и проскочил в уборную, где, глядя в зеркало на свое серьезное лицо, ставшее как будто старше, обновил воду во фляжке и напился прямо из крана. Вода была хорошей, не просто хорошей, а приятной. Легкой на вкус, слегка пузырилась воздухом на языке и, казалось, не занимала места в желудке. Приладив

флягу к поясу, он выскочил обратно, где его ожидал Дым с последними инструкциями.

– Тревожная кнопка в телефоне. Звонить никуда не надо, просто выключишь его, он пошлет сигнал. То же самое если включишь. Встретишь Ходока, про нас ни слова, твое дело на несколько минут, потом появляемся мы. Понял?

Турист кивнул, от волнения пережало горло, и только сглотнув, он смог сказать:

– Да.

– Ну все, Турист, ждать нечего, вперед с песней... ну то есть... – Дым осекся. – В общем, иди.

Парень развернулся и, чувствуя, как у него слегка холодеет внутри, двинулся наверх, через услужливо распахнувшуюся дверь. Взглянув на телефон, засек время: двенадцать ноль-ноль. Со слегка учащенным сердцебиением одолел лестницу и вышел на воздух. Легкая дымка облаков сдерживала палящее где-то там вверху солнце, но от земли тянуло прохладой. Коротко вздохнув, Турист пошел по уже известной тропе, стараясь не глядеть по сторонам. Территорию разбитых гаражей прошел почти бегом, уже не обращая внимания на ямы и участвовавших мошек, так же не глядя прошел строения, где находились монолитовцы, и позволил себе поднять голову и как следует осмотреться только на контрольной полосе. Как он ни пытался вспомнить дорогу через контрольную полосу целиком, вспоминались только фрагменты, одно было хорошо, виднелись оставленные им

следы. Смахнув со лба выступивший от быстрого хода и волнения пот, он, словно цапля на болоте, высоко задирая ноги двинулся по тропе. Наконец добрался до черепа кровососа, оглянулся через оба плеча и, достав телефон, принялся фотографировать. С каждым едва слышным цыканьем телефона, сообщавшем о том, что снимок сделан, ему становилось легче. Вдоволь нащелкавшись и бережно уложив череп глазницами вниз, он одолел последние сто пятьдесят метров на одном дыхании.

Теперь дело предстояло за малым, добраться до остатков костра и разложить там свой. Вот только Мертвый Лес, с его неестественным мрачным цветом деревьев и паклями жгучего пуха, не очень-то вдохновлял на уютные посиделки. Стараясь не думать вообще, Турист добрался до остывшей стоянки Ходока и, подобрав несколько палочек, относительно чистых от жгучего пуха, принялся ломать их, создавая, по его мнению, неприемлемый шум, который все же быстро терялся в скрадывающей звуки забитой пухом атмосфере аномального леса. Сломав достаточное количество для небольшого костерка, он решил, что время будет тянуться долго, а сколько просидеть ему здесь придется, непонятно, в любом случае подготовить дрова лучше сейчас, чем потом, когда солнце скатится с небосвода, а сумерки Мертвого Леса станут еще гуще. В конце концов Дым сказал, что здесь достаточно безопасно... или не сказал, и вообще, должен же он сфотографировать еще что-то кроме черепа кровососа. «Са-

мое интересное, что фотографии в Ютубе пойдут за фейк, а вот видео... – думал про себя Турист, начиная улыбаться. – А вот видео раскритиковать будет намного сложнее», – достав свой «Нокиа», он включил и настроил камеру. Камера была хорошей, вполне сносной для домашнего видео, сама адаптировалась под освещение, контрастировала, схватывала движения. Добившись, когда наконец электронный мозг сообразит, как правильно настроить объектив в таком сумрачном, съедающем все границы освещении, Турист включил запись.

– Здравствуйте, дорогие друзья, – начал он официальным тоном, затем, смутившись своей непонятно откуда взявшейся манеры, он хохотнул и, повернув объектив на себя, сказал: – Привет, пацаны! – подержав камеру на себе несколько секунд, он развернул ее и продолжил: – Ребята, Ти... – осекся он, вспомнив, что имена в Зоне хранятся молчанием. – Короче, вы не поверите, где я! Сегодня второе июня две тысячи... года, я нахожусь в Зоне, что возле ЧАЭС. Но это не та Зона, епрст! – воскликнул он, не сдержав радостных эмоций. – Это другая, настоящая! Прикиньте, она существует! – Турист несколько раз перевел камеру на себя и на лес. – Это место называется Мертвый Лес! Я тут снимаю, на! Щас я вам покажу что получше! – Турист бодро зашевелил поршнями в сторону контрольной полосы. – Вот видите, – поворачивая камеру вправо и влево, – это контрольная полоса, тут всякие аномалии есть, но их не видно. Там дальше, посреди-

не, кровосос! Настоящий! Труп уже, но череп я сфотографировал! – затем от вдруг нахлынувшего на него восторга он растерял слова и, словно чувствуя, что за ним наблюдают десятки и сотни глаз его знакомых, увлеченно предложил: – Хотите, я вам аномалию покажу?! Тут есть! Щас, щас... – засуетился он и развернулся обратно. – Я тут, короче... ну типа, в общем, я тут костер сделать должен, а пока пойдете за дровами. Вот это, короче, жгучий пух, – показал он пальцем на повисшее на кусте коричневое мочало. – Его тут полно, весь лес в нем, я его трогать не буду, от него пыль может идти. Пошли дальше, – предложил он невидимым свидетелям его похода. – Сейчас мы пройдем чуть-чуть дальше, здесь должно быть безопасно, главное не трогать ничего, но вот деревья можно. Видите, какого они цвета необычного? Кора теплая, – он пощупал рукой один из стволов. Рука почувствовала легкую шероховатость и слабое тепло, которое, однако, не согревало, а наоборот неприятно холодило руку откуда-то изнутри, словно вытягивало что-то. Отдернув ее и потеряв подушечки пальцев друг об друга, Турист задумчиво произнес: – Да и деревья, в общем-то, лучше, наверное, не трогать.

Несколько минут он молча пробирался через лес, тщательно смотря под ноги и следя, чтобы и без того пришедшие в грустное состояние кроссовки не коснулись даже внешне нормальная веточка. Через совсем небольшой промежуток времени перед ним возникла достаточно широкая про-

сека, метров пять шириной. Ряд поваленных деревьев уходил далеко вперед, словно некто прокатил гигантский шар, из-за которого и рухнули деревья. Мало того что они рухнули, спутанные кроны были вдавлены в землю и разломаны. Инстинктивно опасаясь выходить на ни с того ни с сего открытое пространство, Турист, выставив камеру перед собой, продолжил съемку. Там, впереди, лежали вполне себе сухие и готовые для продолжительного костра ветки, которые нужно только подобрать и притащить к будущему месту костра. Только он собрался сделать шаг, как впереди мелькнула какая-то тень. Бесшумно присев и продолжая следить и глазами, и камерой за просекой, он увидел длинноногого, практически белого пса, который что-то деловито обнюхивал в том конце просеки. Стараясь не выдавать свое волнение в виде дрожи камеры, он прошептал, почти касаясь телефона губами: – Там, впереди, собака, точнее пес, наверное, мутант.

Легкий шаг собаки изменился, ее что-то насторожило. Создание находилось метрах в двухстах от скрывающегося в тени Туриста, который, замерев, наводил непослушными пальцами зум на максимум, стараясь заснять морду пса. Камера в его трясущихся руках не могла взять фокус, а между тем он прекрасно видел полностью затянутые кожей глаза собаки, и только спустя минуту, когда слепой пес потерял к нему интерес и снова занялся своими собачьими делами, он смог прошептать в развернутую на себя камеру, едва сдерживая визг восторга:

– Это слепой пес! Клянусь вам, это он!

Еще раз выставив телефон на мутанта, он уже в спину снимал удаляющегося слепого пса. После того как мутант исчез в лесу, он медленно развернулся и крадучись пошел обратным путем, так и не взяв хворост.

По его прикидкам, он отошел от места своего назначения всего метров на пятьдесят, но пару раз, возвращаясь по своим собственным следам, он натыкался на нечто, чего, казалось, не было на его пути ранее. Вначале он увидел странный дрожащий пузырь, размером с футбольный мяч, коричневого цвета, как будто бы из резины. Решив для себя, что это гриб, благоразумно не трогая и не приближаясь к нему, он потратил несколько минут, снимая образование и место вокруг него. Пройдя еще немного, он увидел пару скелетиков, торчащих из жгучего пуха. Скелеты были небольшие, почти как кошачьи, с длинными передними крысиными зубами. Решив, что это тушканы, он также подержал камеру рядом и, не прикасаясь к находке, продолжил свой путь. Рассуждать и комментировать особо не хотелось, вдруг появившаяся усталость и апатия поумерили его пыл. Дойдя наконец до места, он остановился всего в нескольких метрах от костра и устало перевел дух, выключая камеру. Телефон издал характерный булькающий звук отключения камеры, и возле сложенных стопкой дров Туриста вдруг, вышибая холодный пот, появился человек. Точнее сказать, он не появился, он просто обернулся на звук камеры, и если бы не его движе-

ние, которое вдруг обозначило контуры сталкера, непонятно, насколько бы близко подошел Турист, прежде чем он заметил его. «Ходок», – понял Турист, разглядывая во все глаза настоящего живого сталкера, первого, которого он увидел в своей жизни. Сталкер был почти такого же роста, как Турист, чуть шире и наверняка крепче, об этом можно было, наверное, догадываться по тому, с какой легкостью он держал направленный на Туриста тяжелый гаусс. Лицо Ходока почти полностью скрывала дыхательная маска сложной конструкции со поляризованным, едва прозрачным стеклом, закрывавшим глаза. Всю амуницию сталкера скрывал широкий плащ серо-зеленого цвета с капюшоном, на котором были, видимо, нашиты петли, к которым привязывалось множество тряпочек, зеленых, коричневых, серых, скрывающих контур человека настолько удачно, что стоит ему замереть, как он становился практически невидимым. Между распахнутых концов плаща, которые были открыты, поскольку Ходок держал в руках гаусс, на поясе виднелся ряд артефактов. О том, что это артефакты, Турист догадался по непрерывному холодному, но мягкому свечению: что-то посверкивало голубым, что-то ровно светилось белым, чуть глубже красиво отражал тусклый свет Мертвого Леса оранжевый артефакт. Глаза Туриста распахнулись в восторге и изумлении, и если бы не более чем угрожающий вид Ходока, он бы немедленно с восторгом бросился к нему.

Лицо сталкера, практически скрытое дыхательной мас-

кой, невозможно было разглядеть, а вот неудобно застывшая в пол-оборота поза говорила о явной неготовности к тому, что его возьмут врасплох, и судя по тому, как резко застыл сталкер, сюрприз в виде Туриста в его настоящем виде тоже произвел впечатление. Еще бы, в самой глубокой Зоне, на границе с группировкой Монолит, славящейся своей жесткостью и фанатичностью при достижении цели, в невероятной дали, по меркам Зоны, от долговременных стоянок и баз сталкеров, в самом Мертвом Лесу, где с одной стороны монолитовцы, с другой стороны мутанты, которые часто преследуют пробирающихся к Исполнителю сталкеров, да и сам Мертвый Лес пьет человеческие жизни, появляется вот это создание, которое даже в Лагере Новичков, по всему видно, не прошло бы дальше первой аномалии или первой засады бандитов. Создание явно восторженно пялилось на сталкера, держа в правой руке нечто похожее на ПДА, одето оно было вообще не пойми во что, какое-то синее трико и камуфляжная куртка, место которой, судя по качеству и удобству, в костре, под курткой виднелся такой же синий трикотажный ворот верхней части спортивного костюма. Единственное, что было явно местным, – фляжка, неумело привязанная лямками к поясу, которая должна была либо сползти вниз и стреножить обормота, если он пробежит пятьдесят метров, заставив его рухнуть на радость догоняющих, а таких в Зоне почти все, либо просто отвязаться и потеряться, оставив придурка без воды. Придурок продолжал востор-

женно пялиться, открыв рот, в который было бы неплохо залететь кусочку жгучего пуха, и широко раскрыв глаза, обалдело пожирать сталкера взглядом.

– Ты что такое? – негромко и сухо произнес Ходок, держа Туриста на прицеле. – Повернись! Аппарат на землю, – командовал он, видя, как парень неловко разворачивается, но не решается бросить нечто в черном глянцевого пластиковом корпусе на землю. – Я сказал, аппарат на землю! – также не громко, но без тени сомнения сказал уже в спину Ходок.

Телефон выпал на землю.

– Это телефон... – жалостно скрипнуло нечто. – Не ломай, пожалуйста, там у меня запись.

– Какой телефон? – опешил сталкер. – Какой на фиг... На колени!

И не дав Туристу сказать ни слова, Ходок ударом сапога по ногам уложил того на землю, едва не ткнув его в мелкую поросль пуха, лежащую на земле. Ловко связав ему руки куском веревки, он обыскал его, вытащив красный китайский нож, серебряный китайский фонарик, синюю пластиковую зажигалку и колоду карт, срезав по пути флягу с водой. Открыв фляжку, он принюхался и закрыл ее обратно, затем, еще раз осмотрев изъятое, он с двукратным удивлением вззрился на нечто:

– ...что за...?! – его вопрос повис в воздухе. То, что он видел сейчас было вне формата Зоны.

Какой может быть перочинный нож, какой металлический

фонарик самого дерьмового качества здесь, в глубокой Зоне? Ладно еще такая зажигалка, для новичков из деревни, может быть, уместна. Перевернув Туриста на спину и перетащив в безопасное место, посадив спиной к дереву, он сел напротив него, разглядывая то, чего здесь, в Зоне, быть не могло, но оказалось. При этом гаусс он сменил пистолетом, и в его голове явно происходила целая борьба противоречивых мыслей. Это было видно по тому, как его палец нервно поглаживал спусковую скобу пистолета, изредка замирая. Турист, опешивший от такого поворота событий, связанный и находящийся явно не в том положении, которое планировал, слегка запаниковал.

– Отпустите меня! Я же ничего не сделал! Я тут случайно! – завопил он.

Сталкер подскочил к нему, приставив пистолет ко лбу, оставив ощущение холодного прикосновения металла:

– Поттише ты...

– Я говорю, я не местный, отпусти меня! – перешел на шепот Турист. – Я же без оружия. Я турист, попал сюда случайно. Мне домой надо, в Питер!

Сталкер подобрал телефон. Брови удивленно приподнялись вверх, когда он немного поковырялся в памяти аппарата, но затем, встряхнув головой, словно отделяясь от навязания, он решительно выключил его нажатием кнопки.

– Бред какой-то, – пробормотал он, усаживаясь напротив Туриста и уже по-другому, уже без явной неприязни, глядя

на него. – Сначала давай, – приказал он.

– Я турист, я тут случайно... мы с группой, с экспедицией ехали на экскурсию к окраинам станции...

– Ехали группой? – переспросил сталкер, явно сдерживая восклицание.

– Да, группой, на автобусе... – Ходок поперхнулся, непроизвольно сбив дыхание. – Вышли из автобуса, встали на поляне и попали сюда. Потом все ушли обратно, а я вот что-то замешкался, – легко врал Турист.

Да, сейчас, действительно, он мог говорить сталкеру все что угодно, по сравнению с самим его появлением в Зоне все остальное является само собой разумеющимся.

– И давно ты здесь? – с сомнением спросил его Ходок, внимательно оглядывая разрушающиеся и трескающиеся кроссовки.

– Да вот сутки уже...

– Что сутки прям здесь, в мертвяке, и обитаешь? – явно не веря, уточнил Ходок.

– Нет, не все сутки... тут, наверное, час, а так там был, – он махнул рукой в сторону контрольной полосы, – но мне тут не нравится, думал обратно пойти.

Ходок вытаращился на него, это было видно даже через слегка бликующее стекло.

– Ты оттуда пришел сюда и теперь хочешь идти обратно?!

– Ну да... а что тут делать-то? Там не так мрачно, и пуха этого нет.

Ходок опустил голову, явно пряча взгляд и как-то странно уводя его в сторону, но Турист словно бы видел ранее этот жест.

– Ну пойдем, – предложил Ходок.

– Куда? – опешил Турист.

– Туда, обратно, – Ходок указал в сторону контрольной полосы, – ты же туда собираешься? Вот и пошли, я провожу, – и в подтверждение своих слов сталкер рывком развязал веревку, связанную каким-то хитрым узлом. Турист поднялся и, подобрав все свои пожитки, понуро побрел в сторону контрольной полосы, сталкер в нескольких метрах позади осторожно следовал за ним. В полной тишине Турист выбрался на край контрольки, ожидая Ходока, но тот не появлялся. Скинув капюшон и замерев, он настороженно к чему-то прислушивался.

– Не нравится мне это... – проворчал он, перехватывая гаусс. – Слышь, турист, уж не знаю, кто тут кого разыгрывает, но если это Зона так шутит надо мной, то и над тобой также. Я тебе поверю, но только и ты теперь побудь в моей шкуре. Смотри!

С этими словами он снял дыхательную маску. На мгновение у Туриста потемнело в глазах, а затем появилось такое количество мошек, какого еще не было. На него в костюме сталкера, с артефактами на поясе, вооруженный невероятным гауссом и пистолетом, изучая реакцию новичка, смотрел он сам.

Пусть другой цвет кожи, прожженной аномальным излучением Зоны, пусть немного другое выражение лица, заматеревшее и как будто старше, но сомнений быть не могло, это было его лицо, почти такое же, как в зеркале. Это было невероятно, невозможно, но он столкнулся с самим собой, обитающим в этой реальности. Это был он сам, но рожденный в этом мире и ушедший с местной Большой Земли в эту Зону... Здесь он – сталкер, и на него охотится группировка Монолит. Очередной шок ввел Туриста в ступор, он поднял указательный палец, направив его на Ходока, и, глотая воздух, пытался сказать хоть слово, но Ходок, заметив что-то на контрольной полосе, накинул капюшон и через секунду исчез из вида. Продолжая показывать пальцем на пустое место, тщетно пытаясь сказать хоть слово, Турист обернулся и увидел отряд монолитовцев в экзоскелетах, спешащих к нему на выручку.

Глава 15. День 17. Фонарь

Ходок мучительно боролся с болью во всем теле. Артефакты не помогали, поскольку боль в теле была фантомной, а не физической. Вчера он легко ушел от погони, пропустив монолитовцев вперед и сменив направление. Затем, дополнительно спутав следы, он залег на дно схрона, замаскированного землей и жгучим пухом, приготовившись к жестокой трепке от предстоящего Выброса. Он знал, что здесь, в непосредственной близости от Исполнителя, Выброс только берет начало. Здесь его сила бесконечна, и лишь потом гораздо дальше, пройдя Пустоши, Дикие Территории, он слабеет, далее проходя Росток и Свалку, он стихает, пригоняя к периметру лишь свои отголоски. Но ТУТ выжить практически невозможно.

Схрон он оборудовал сам. Не побоялся. Нашел большую яму с остекленевшими от бушеваввшего ранее жара стенками, на окраине Мертвого Леса, оставшуюся от «разлома», и в отдалении – кучу строительного мусора, недобро фонащего радиацией. Фон фоном, к нему привыкнуть нельзя, но можно побороться с помощью артефактов, а вот Выброс скоротечен и решителен, и второго шанса не дает практически никому. На постройку самого близкого к ЧАЭС схрона у него ушло несколько дней, но сейчас схрон использовался по назначению. Пусть он хватает радиацию, «пузырь» выводит ее

практически столько же, сколько он набирает, пусть он лежит в темноте, скрючившись на глубине нескольких метров под землей, уткнувшись разбитым в кровь лицом в пол, артефакты сразу же остановили кровотечение и заживили рану, нанесенную самому себе в жестокой схватке за сознание, но зато он ЖИВ! И сейчас оклематься ему дело времени. Нужно только, чтобы поврежденная, но не унесенная выбросом эфирная оболочка физического тела, прошитая аномальными потоками, заняла свое место, каждую клетку его тела, его нерва, его сознания. Только потом он сможет управлять собой и не станет зомби, шевелящимся по прихоти аномальных полей в глубине сооруженного им могильника под землей.

Некоторое время назад, почти так же как и сейчас, боль изматывала, отупляла, пыталась скрыть саму мысль о том, что он еще есть, что он присутствует в ней, боль не давала почувствовать ни рук ни ног, не позволяла понять, открыты глаза или нет, не давала никаких ощущений запаха, звука или даже галлюцинаций. Но это было и к лучшему. Ходок знал, что появление облегчающих выброс галлюцинаций и есть потеря разума. Главное не поддаться и не согласиться на облегчение, не поплыть по волне чудесных образов, а остаться бороться здесь, в этой радиоактивной яме, укрепленной радиоактивным, ржавеющим металлом, собранным из брошенного мусора, политого дождями, кислотами, кровью мутантов и людей. И он боролся, когда там, вверху, из-

под кроваво-красных небес, рухнула и потекла стремительной стеной красная волна аномальной энергии, от которой сотряслось пространство и выбило пыль из земли, когда бушующая стихия Зоны погнала красные потоки во все стороны к Периметру, выбивая жизни из сталкеров, образуя новые аномалии и подгоняя волны мутантов на прорыв Периметра. Он боролся, он выцарапывал каждый шанс почувствовать себя и свое тело, каждую долю секунды, чтобы вернуться в сознание. Когда стало совсем невмоготу, он выплюнул капю и начал жевать песок, чтобы его хруст удерживал его сознание в теле; когда тело уже не слушалось, а губы и язык отказывались повиноваться, он забился в конвульсиях. Коварная Зона предложила ему со стороны посмотреть на оболочку, бьющуюся в темноте, но он не принял предложение, он усилием воли заставил себя чувствовать, как колени бьются о стеклянные стенки схрона, как голова царапает кожу о ржавую металлическую распорку, как тело, хозяин которого удерживается в нем лишь усилием воли, мучается и сражается в слегка касающихся его разреженных нитях Выброса. И он победил. Он победил смерть на ладонях Выброса, и теперь у него снова есть шанс дойти до Монолита.

Тишина. В темноте схрона едва заметно, призрачно светились артефакты, притороченные к поясу сталкера. Сам же сталкер лежал без движения, едва дыша, часто и неглубоко, ожидая, когда же в нем соберутся силы, чтобы он смог пошевелиться. Наконец управление телом было восстановлено, а

сознание возобладало над болью возрождающегося организма. Сталкер со стоном сел, тяжело дыша и бессильно уронив руки.

– Твою ж... ох ты... я ж тебя... – прерываясь на тяжелые вздохи, словно загнанный долгой погоней, шептал он.

Воздуха в схроне оставалось катастрофически мало, и если бы не поддерживающие его артефакты, он бы давно потерял сознание от удушья. Собрав силы, он со стоном протянул руку к вентиляционной трубе небольшого диаметра, которую перед Выбросом законопатил тряпкой. Сделав титаническое усилие, он выдернул кляп, чувствуя, как внешний воздух заструился вниз, в удушающую темноту схрона. Через минуту он достал фляжку и, припав к ней губами, долго и жадно пил. Затем, включив ПДА, проверил время и дату, на некоторое время его лицо осветилось синим светом экрана; удовлетворившись увиденным, он выключил гаджет. Схрон снова погрузился во тьму. Местонахождение сталкера и его присутствие определялось лишь призрачным, сокрытым накидкой светом артефактов.

***

Следующим утром Турист проснулся уже в столовой группировки, на своем месте в углу на оставленном кем-то для него матрасе. Слегка болела голова и немного тошнило. Он помнил, как вчера группа бойцов в экзоскелетах пронеслась мимо него, вслед за Ходокон, но минут через десять вернулась ни с чем. Ни звуков выстрелов, ни слова по си-

туации, молча махнули ему рукой и колонной пошли обратно. Только на обратном пути Турист почувствовал, как самочувствие его ухудшается и, добравшись до столовой, он с удивлением для себя без сил рухнул в сон. И вот сейчас телефон показывал восемь тридцать утра, он, чувствуя себя ниже среднего, быстро умылся, взял поднос и, пристроившись вслед за единственным человеком, стоящим у раздаточного окна, незамедлительно запросил рацион и сунул поднос. Получив требуемое, сел за стол, который в принципе считал уже своим, и, перемешав два ингредиента – клейстер и стружку, принялся есть.

Выбор рациона вместо стандарта было полуосознанным решением. Он помнил, что после рациона удивительно долго не хотелось есть, сытость держала его спустя много часов, да и сил как будто было больше, кроме того хотелось поскорее закончить с завтраком, чтобы найти Дыма и узнать, что же все-таки было и что делать дальше, ведь Ходок, несмотря на крайне удачное стечение обстоятельств, ушел, да и еще одна вещь, в которой он был готов усомниться и про которую просто страшно было думать... лицо Ходока. Погруженный в непростые раздумья, Турист механически жевал рацион, изредка запивая его водой. Нет Ходока – нет амуниции, нет амуниции – нет прохода к Исполнителю, чтобы вернуться домой. Насколько понимал Турист, самое сложное – это добраться через всю Зону и пройти контрольную полосу на территорию группировки, но если ты уже на внутренней

территории, то остается совсем малая часть, некий проход с аномалиями и то всего полпути... «Уж на этот участок-то меня должно хватить», – думал Турист, работая челюстями и смотря в точку. Кстати, теперь его рацион приобрел легкий аромат, он больше походил на дынный или приближенный к нему фруктовый, да и сами «опилки», казалось, стали не такими пресными, а «клейстер» не таким безвкусным, скорее похожим на кашицу или, очень отдаленно, пшеничную похлебку. А только потом, при пережевывании, вся в общем-то небольшая по объему смесь приобретала фруктовые отголоски. Задумчиво хмыкнув и с трудом доедая рацион, уже чувствуя предельную сытость, но запасаясь впрок, Турист с облегчением выпил второй стакан воды, чувствуя, как проходит легкая головная боль и, оказывается, давно ушла тошнота, а по рукам и ногам разливается благодатное тепло, несущее в себе силу и бодрость. Смахнув испарину со лба, он посветлевшим взглядом осмотрел всех, кто находился вокруг. Всего в столовой было чуть более десятка человек, которые сидели ближе к выходам из боковых проходов и ближе к выходу из бункера. Дыма среди них не было. Вздохнув и решив немного освежиться, парень отнес поднос, обновил воду во фляжке и поднялся на поверхность. Двери услужливо открылись ему, а, казалось бы, бесконечное количество ступенек он одолел на одном дыхании, ближе к выходу даже немного сдерживаясь, чтобы не разбежаться. В согревшихся ногах мышцы налились силой и легко выталкивали его через

неудобные для размеренного шага ступеньки.

Оказавшись снаружи, он немного растерялся. Утро хоть и было совсем не ранним, но вокруг царил сумрак. Низкие тяжелые тучи, словно стадо огромных животных свешивались с неба и пытались заглянуть ему в лицо, а ранее прошел дождь, это было видно по широким лужам и сырому порывистому ветру. Пока Турист разглядывал окрестности, сзади раздался звук открывающейся двери и в проеме появился Дым, в легкой камуфляжной куртке и штанах, держащий в руках шлем. Его голова выделялась светлым пятном на фоне пасмурного неба и металлической мрачной двери позади, тихо, но с характерным всхлипыванием уплотнений закрывшейся позади него.

– О, привет, Дым, – обрадовался Турист, одновременно чувствуя некоторую тревогу по поводу сорвавшегося захвата Ходока.

– Здоров, – кивнул монолитовец, разглядывая тучи. – Выброс ночью был, Ходока если не убило, то потрепало как следует, – сообщил он. – Так что у тебя сейчас выходной. Пойдем, – он указал пальцем на мокрую деревянную скамейку, стоящую неподалеку, – присядем, расскажешь, что видел.

Турист кивнул, и они переместились к скамейке. Если бы раньше Турист не стал садиться на мокрое, то сейчас это показалось ему столь несущественным, что он не задумываясь плюхнулся рядом с Дымом.

– Рассказывай, – скомандовал Дым, уставившись куда-то

вдаль.

– Ну что... Я, в общем, как полосу прошел, ну там поснимал немного на камеру череп, там... Потом пошел в другую сторону, ну чтобы дров подсобрать для костра, а когда вернулся, он там был. Я к нему со спины зашел, всего в паре метров от него был... ну и заметил случайно... Точнее он меня, когда я камеру выключил, – смутившись поправился Турист.

– Пара метров? – вопросительно повернулся к нему монолитовец.

– Ну не пара, метров пять-десять, – неловко чувствуя свою лопухость, сказал парень.

– И ты его не видел?

– Нет... у него плащ такой, с петельками, там всякие тряпочки нашиты, серые, зеленые, бурые, наверное из-за него. Пока не шевельнулся, я и не видел.

Дым задумался, опустив глаза в землю перед собой, постукивая подошвой берца по небольшому пучку зеленой травы, торчащей из мокрого песка.

– Плащ тут ни при чем, – цокнув языком, сказал он, – тут либо артефактная сборка работает, либо... этот товарищ фон свой контролирует, хотя... – Дым вспомнил случай со Стариком, когда Ходок явно не контролировал свой фон. «Или он специально кровососа взбесил?» – перекинулась другая мысль у него в голове. – Ты с ним разговаривал?

– Да... ну он меня связал вначале, потом развязал, прав-

да, – чувствуя себя уже немного жалким, сознался Турист.

– Развязал это хорошо, значит поверил, значит ты для него не враг, а значит и про нас ничего не ляпнул. Молодец! – похвалил Дым.

– А телефон когда ты выключил, он ничего не заподозрил? – спросил монолитовец, глядя на парня.

– Да он сам его и выключил, ну проверил сначала... там... что это телефон, а не ПДА.

– Так это не ты нас вызвал? – растерянно спросил Дым.

– Ну как бы и не я... – чувствуя себя практически недоумком, тихо и виновато ответил Турист.

Монолитовец несколько секунд изумленно, не дыша глядел на него, потом ошарашенно, словно не веря в происходящее, покачал головой и протянул руку.

– Дай сюда телефон, – скомандовал он.

Получив «Нокиа», он снял крышку и внимательно осмотрел батарейку, не вынимая ее.

– Нормально, не заметил, – с облегчением прокомментировал он, возвращая аппарат на место. – Я уж думал... Ну а когда ты с ним разговаривал, он маску снимал? Глаза его видел?

– Нет. Он все время в маске был, – соврал Турист.

– Ладно... – сосредоточенно думая и снова глядя перед собой, произнес монолитовец. – Ты, если хочешь, погуляй пока. Дождя больше не будет. К ребятам не приставай, с тропы не сходи. Аномалий тут нет практически, но тебе прове-

рять не надо. Так что давай до завтра.

– А что завтра? – недоуменно спросил Турист.

– Завтра ты ему еще интереснее станешь, когда он поймет, что ты и после Выброса выжил и ходишь туда-сюда, как у себя дома. Теперь он на тебя точно клюнет.

– А почему не сегодня? – удивился новичок.

– Потому что сегодня ему не до тебя... если он, конечно, еще в игре, – ответил Дым и, встав со скамьи, пошел в сторону бункера.

Проводив взглядом Дыма, Турист остался один на скамейке. Возвращаться в бункер не хотелось, а возможность записать что-либо на камеру или сделать несколько хороших фотографий на будущее будоражили Туриста. Встав, он определился с направлением и пошел налево вместо известного ему уже пути направо. К тому же сейчас, после дождя, эта дорожка была заметнее, чем дорожка, ведущая на пост «Тропа». Огромные кусты сирени с темно-зелеными крупными листьями, местами подходившие к нему вплотную, уже не пугали его. Предусмотрительно выключив звук фотошелчка на телефоне, он, заложив руки за спину, осторожно брел по тропе, разглядывая разрушенные строения, мусор и в целом глаза по сторонам в надежде увидеть что-либо необычное. Но, к сожалению или к счастью, кроме редких капель воды, смахиваемых ветром с упругих веток деревьев и кустов, ничего больше не привлекало его внимания. Такие же виды можно найти и на окраине многих городов, где

полно полуразобранных строений и пустых промышленных корпусов. Минут через тридцать ему встретились два монолитовца с автоматами неизвестной модели, молча прошедшие навстречу. Турист тактично сошел с их дороги, соображая, стоит ли фотографировать их в спину или нет, но пока он размышлял, они уже отошли достаточно далеко и ценность возможной фотографии упала многократно. Иногда он на удалении видел участки контрольной полосы и недоумевал, почему там нет ни заграждений, ни постов. Решив спросить это при удобном случае у Дыма или у кого-нибудь еще, он продолжил путь.

Спустя еще полчаса кустарник и здания перестали сопровождать его, и около часа он шел по неприветливой местности, земля на которой, несмотря на вроде бы прошедший дождь и влажную погоду, казалось сухой и даже слегка пылила. Тропинка, заметно сникшая, постепенно выводила правее и наконец раздваивалась, одна часть продолжала вести вперед, а вторая выворачивала вправо, в сторону вновь появившихся развалин, какой-то высокой металлической конструкции, похожей на смотровую вышку, и предполагаемой контрольной полосы. Недолго думая он свернул направо и, заранее включив телефон на режим видео, на паузе спрятал его в карман. Осторожно подошел к десятку разрушенных строений, которые так же, как те, что были и в лесу, возле поста «Тропа», казались совершенно неуместными в данных условиях. Двух- и трехэтажные дома, казалось, просто

выросли в степи, степная трава подходила вплотную к бетонным стенам, и не было никакого намека, что ее когда-то топтали строители или строительные машины побеспокоили ландшафт, между домами не было ни асфальта, ни каких-либо строений, которые обычно сопутствуют жилому сектору, как например пара гаражей, детские площадки, заборчики и прочее. Несмотря на то что он подходил с теневой стороны строения, на растительности наличие тени никак не сказывалось, она так же клонилась в сторону господствующих ветров, как и в открытой степи. Стекол в окнах почти не осталось, но дома казались если не новыми, то по крайней мере свежими. На всякий случай Турист потратил пару минут, снимая эту картину и не сходя с дорожки разглядывал непобеленные потолки комнат через выбитые внутрь окна. Та высокая конструкция оказалась сломанным и уронившим стрелу строительным башенным краном, на вершине которого тускло светилась аномалия. Сомневаясь, что камера сможет заснять едва заметное свечение на вершине конструкции, Турист тем не менее старательно менял фокус в надежде, что электронный мозг аппарата сделает свое дело.

Теперь нужно было дойти до контрольной полосы, чтобы увидеть монолитовцев. Возможно, он их и не увидит сразу, но они там есть, иначе и быть не может. Спрятав камеру, он двинул дальше, в сторону мешков с песком, стоящих метровой стеной между двумя домами. И только подойдя вплотную к мешкам, он увидел торчащих в оконных проемах бой-

цов. Здесь их было четверо. Трое в бронедвойках, вооруженные двумя автоматами ОЦ-14 «Гроза» и СВД, четвертый в экзоскелете, вооруженный гауссом. Все четверо молча пялились на него с оконных проемов вторых и первых этажей, нагоняя жуть своим молчанием и неподвижностью.

«По крайней мере не целятся», – успокоил себя Турист, подавляя в себе желание зарыться в песок. – Здравствуйте, – достаточно громко сказал он. – Я Турист, мне Дым разрешил погулять... осмотреться... вокруг.

Четыре фигуры продолжали молча взирать на него сверху, не шевельнув ни единым мускулом. Наконец один из них, в бронедвойке, стоявший справа на втором этаже, разродился таким голосом, что можно было подумать, будто говорит робот:

– Здравствуй, Турист.

– Ага, здравствуйте, – обрадовался парень. – Я тут похожу снимаю? На камеру?

Еще несколько тягучих секунд молчания.

– Снимай, Турист, – тем же железным голосом разрешил монолитовец.

Чувствуя себя не в своей тарелке, он достал телефон и, медленно повернувшись вокруг своей оси, заснял круговую панораму, чуть-чуть опуская объектив в тех местах, где стояли монолитовцы.

– А вас можно сфотографировать? – с надеждой спросил он.

Монолитовец, что разговаривал с ним, издал ряд нечленораздельных прерывистых звуков, после которых другой монолитовец, стоявший на первом этаже слева от Туриста, снял шлем и вполне человеческим голосом крикнул:

– Командир, у тебя динамики накрылись, хорош паренка стращать! – с этими словами он легкой походкой приблизился к Туристу. – Дум-Дум, – представился он, протягивая руку.

Турист с облегчением пожал ее, во все глаза разглядывая молодого крепкого парня, круглое лицо которого, черные волосы и темные глаза выдавали выходца из Средней Азии.

– Это Зеленый, командир, Четвертак и Петя, – махнув на бойца в экзоскелете, представил он. – Так ты у нас гость, значит?

– Ну да... – чувствуя, как ему совершенно не хочется признаваться, по какой из своих глупостей он застрял здесь.

– Ну знаем, знаем. Пост «Фонарь» принимает туристов, – хлопнул его по плечу Дум-Дум.

– Так что, можно я вас фоткну? – направляя камеру на Дум-Дума, спросил Турист.

– Нельзя! – раздалось за спиной. Снявший шлем командир отряда оказался седым почтенных лет мужчиной, как показалось Туристу, лет пятидесяти или больше. – Бойцов снимать не положено, иди лучше их снимай, если хочешь, – он махнул рукой в сторону контрольной полосы.

Обернувшись в указанном направлении, Турист разгля-

дел несколько тел в камуфляже, метрах в двадцати от мешков с песком. Открыв рот от неожиданности, он неуверенно подошел к баррикаде, и затем дальше по видимым следам, нацеливая камеру на трупы и борясь со странным чувством, словно он подглядывает за чем-то, что ему знать не положено. Дум-Дум, надев шлем, двинул за ним.

– Это кто, сталкеры? – спросил парень, с содроганием глядя на неестественные позы погибших людей.

– Они самые, родной, – весело ответил монолитовец. – Ночью вышли, ночью упали. Сразу за Выбросом вышли.

– Что ж они, обойти не могли? – глядя на разорванные разгрузки, простреленные ноги и вспученные выстрелом гаусса пробитые бронежилеты, спросил Турист.

– То-то и оно, брат, что обойти никак не получится. Ты ж новенький, не знаешь. Тут и в Зоне пространство так скручено, что только в определенных местах ходить можно, и сюда к нам на базу с юга только пять проходов есть, – трогая ногой установленный на распорках пулемет сталкеров, ответил Дум-Дум.

– А с севера?

– С севера вообще проходов нет. Так точно. Будешь идти, хоть по компасу проверять, все равно мимо станции к этим ходам выйдешь. В лучшем случае, – сделав паузу, добавил боец.

Всего было пять трупов. Трое спутанные «горохом», двое в дыхательных масках и красивых серо-зеленых костюмах

лежали лицом вниз, один из них, тот, что был ближе к Туристу, лежал, повернув голову к смотрящему, но лица видно не было. Дыхательная маска была разбита несколькими попаданиями, и то, что виднелось за раскрошенным стеклом, не было похожим на лицо.

– Ну что, снимал? – поинтересовался монолитовец. Турист кивнул. – Молодец, теперь давай назад, по моим следам.

Парень двинул обратно. Как-то невесело было снимать убитых сталкеров, вся эта Зона с ее непредвзятостью, дикостью и холодом к людям вдруг навалилась на Туриста тяжелым камнем, вызывая депрессивное чувство жалости к себе, сталкерам и, как ни странно, к монолитовцам.

– Так вы что, их оставите тут?

– Нет, – беспечно отозвался Дум-Дум, – придет Кузя и уберет.

– В смысле? – удивленно остановившись, не понял Турист.

– Поясняю. Придет контролер, Кузя, подымет их, развернет и отправит обратно. Нам-то не с руки с трупами возиться, пострелять могут, – нисколько не считаясь с подавленным настроением Туриста, довольно ответил боец.

– Так вроде Кеша же был, – рефлексивно щупая фляжку, усомнился парень.

– Кеша есть, но он за другой пост отвечает. Сюда придет Кузя. У нас еще Кирюха, Костян и Клим есть. Все на букву «К» зовутся. Знаешь почему?

– Потому что контролеры? – уныло догадался Турист.

– Ага, угадал, – довольно кивнул неунывающий Дум-Дум. – Те, в «горохе», никуда не пойдут, только на удобрения. Ага. Два, три дня, неделька и все.

– И все, – вторя ему и своим мыслям, тихо сказал парень.

Палец нажал на кнопку «остановить запись», и рука убрала телефон подальше во внутренний карман куртки. Турист сторбился и, дойдя до мешков с песком, сел к ним спиной, скрестив руки на груди. Глядя на пасмурную контрольную полосу, на траву и на нежно-зеленый «горох», слегка шевелимый ветром, ему снова не очень-то верилось в происходящее, мошки привычно лениво летали где-то в своем секторе бокового зрения, создавая иллюзорность происходящего. Сзади были монолитовцы и база группировки, а впереди – контрольная полоса и Мертвый Лес, недвижимым молчанием устремленный к небу.

Глава 16. Яма

Забутье медленно проходило. Руки и ноги чувствовались лучше, а темнота схрона и радиоактивный фон призывали Ходока поскорее выбираться на поверхность. Само убежище было сделано только для укрытия от Выброса, близкое расположение схрона на окраине Мертвого Леса давало шанс Ходоку успеть в случае необходимости в течение десятка минут вновь достигнуть контрольной полосы или блокпоста, на что, собственно, и рассчитывал сталкер. Но расчеты в Зоне вещь относительная, и по причине крайне разбитого состояния Ходок просто не нашел в себе сил выбраться раньше. А вот сейчас возникла другая проблема. Там, наверху, прямо над его головой что-то происходило. Кто-то постукивал по металлической крыше схрона. Сталкер поднял голову и без всякой мысли всматривался в первый потолок.

Тут нужно рассказать об устройстве схронов от Выброса. Самое лучшее укрытие – это глубокий герметичный бункер с несколькими дверями и несколькими поворотами входного коридора. Таким образцовым общедоступным укрытием можно считать бар «Сто рентген» на территории Ростка, ну и, само собой, бункер барыги в Деревне Новичков. Конечно, на территории Зоны найдется несколько десятков укрытий первого класса, типа «Бункер», но они, как правило, закреплены за группировками. Второе по качеству укрытие – это

хорошая землянка, с высокой насыпью, выходом в противоположную сторону от ЧАЭС, укрытия этого класса назывались «схрон». Само собой, землянка должна быть глубокой, герметичной и иметь пару дверей. Почему нужно именно две двери? Считается, что агрессивность Выброса в конкретном месте Зоны зависит от скорости потока аномальной энергии. Чем эта скорость меньше, тем меньше проникающие свойства самого потока. Ученые на Янтаре определили, что субстанция, несомая Выбросом, материальна только при большой скорости. Как только поток теряет скорость, субстанция аннигилирует и переходит в электромагнитное состояние, сопровождающееся резким кратковременным повышением уровня радиации, и затем переходит на еще более высокие частоты, выходя за возможности имеющихся приборов. Вообще ученые на Янтаре потеряли невероятное количество сотрудников и еще большее количество аппаратуры, прежде чем утихомирили свой пыл в разгадке феномена Выброса. Зона взамен десятков загубленных талантов давала лишь новые загадки и только как редчайший артефакт, крайне редко подкидывала ключик, открывающий одну из ее малых потайных комнат, тем не менее один такой ключик совершал скрытый переворот в современных науках, но это уже другая история.

Так вот, первые двери, как правило, все равно прошиваются волнами, и чтобы надежно остановить уже замедленные завихрения, нужна вторая дверь, либо находиться как

можно дальше от первой, если она единственная. К такому укрытию приравниваются подвалы панельных и кирпичных домов. Пережить там Выброс далеко не безопасно, и если герметичность под вопросом, то необходимо забиться в самую маленькую бетонную комнатку и завесить проход плащ-палаткой, подоткнув все, что можно, всем, что найдется на первых этажах брошенного дома. Тут многое может зависеть от случайности, но в целом вероятность благополучного исхода больше пятидесяти процентов, поэтому такие укрытия хоть и не дотягивают до настоящих оборудованных схронов, но им также присуждается второй класс надежности и не менее гордое название, согревающее душу сталкера, – схрон. Таких подвалов достаточно на территории Зоны, большая часть которых находится на территории Припяти, печально известной своей плотностью зомбированных, и в целом многие деревушки через некоторое время обзаводятся своими опаленными сталкерами. И третий вид укрытий, которые дают хоть какой-либо шанс на спасение от Выброса застигнутого на открытой местности сталкера, это любой овраг, любой контейнер, бетонная труба, лежащая под нужным углом, любое все что угодно, лишь бы остаться в живых. Как правило, такое укрытие шансов на спасение не оставляло, но тут тоже много зависит от удачи и подготовки сталкера. Как далеко он от ЧАЭС, снаряжен ли он артефактами и препаратами, которые, может, спасут его, не запаникует ли он в последний момент, глядя на багровеющее небо, не бросится ли

искать укрытие получше, не веря в собственные силы, сможет ли пережить ломку и заставить себя не покинуть и не разрушить укрытие во время самого Выброса, когда сметающие разум волны энергии зачищают Зону. Укрытия такого класса сталкеры называют «яма», пережить Выброс в яме дается далеко не каждому, а выживший, даже оставшись в своем уме, еще долго находится под особым, скрытым приглядом товарищей, но это также другая история.

Ходок точно знал, что делал и с чем имеет дело. И то, что он находился практически возле стартовой линии аномального фронта, резко уменьшало эффективность его укрытия. Тем не менее схрон он сделал по всем правилам сталкерской науки. Нашел хорошую яму, глубиной почти три метра, оставшуюся от давнишней термической аномалии «разлом», остекленевшие стенки укреплять не пришлось, валяющийся внутри фонащий шлак он вытащил и уволок подальше. Затем натаскал несколько металлических листов, прострелил края, связал их проволокой и установил нижний первый потолок на высоте своего роста от дна ямы. Потолок снизу подпер железными трубами, металлические края листа, прилегающие к яме, присыпал землей и глиной, а отверстия от пуль закапал пластиком. Бухту с проводом с черной пластиковой изоляцией он нашел неподалеку, так что пластика было достаточно. Верхнюю, основную крышу он сделал таким же способом вровень с землей, подперев снизу распорками, а сверху присыпал землей и мусором, чтобы издалека не было

видно рукотворной крыши схрона. Вблизи распознать возведенное убежище мог абсолютно любой сталкер, но сталкеры в этих местах были нечастыми гостями, особенно перед Выбросом. Тем не менее сбрасывать со счетов возможность появления и ищущего спасения в его схроне сталкера Ходок не собирался и максимально замаскировал схрон. Появление подобного человека вполне могло убить их обоих. Одну трубу, которую он определил как вентиляционную, он вывел сквозь обе крыши и снизу заделал ее кляпом. На все про все у него ушло два с половиной дня, но это было необходимо. Ходок знал: чтобы получить нужный результат, нужно соответственно подготовиться и не рассчитывать на удачу, а вот как только ты сделаешь все что в твоих силах, надо сделать еще чуть-чуть, потом отдохнуть и закончить начатое.

Выброс он чувствовал заранее, как многие опытные сталкеры. У каждого были свои приметы, а вот у Ходока болело сердце. Поэтому при первых ощущениях, что кто-то невидимый пальцем давит за грудиной, он спустился на минус первый уровень, где двигаться можно было только пригнувшись, задраил все что нужно и только потом спустился на минус второй. Оставив вентиляцию открытой, он проверил дату и время в ПДА и замер в ожидании.

И вот теперь, с таким боем пережив Выброс, Ходок угрюмо смотрел в первый потолок, без всякой радости вслушиваясь в шорохи над головой. Легкие постукивания и шорканье по верхнему слою доносились с разной периодичностью.

Сталкер включил ПДА с встроенным детектором жизненных форм в надежде, что прибор покажет нечто мелкое и в единственном числе, например тушкана или крысу, но хотя ДЖФ показал не самую страшную картину, она была далеко не веселой. Два желтых индикатора крупных мутантов. Отстранив экран от лица и стараясь не задумываться над показателями радиации, которые рано или поздно грозили вывести редчайший артефакт «пузырь» из строя, он снова вперился в темный потолок, анализируя происходящее.

Совершенно очевидно, мутанты заинтересовались схроном, как только он открыл вентиляционную трубу, через которую они учуяли человека, и это можно было предусмотреть. Нужно было вывести вентиляцию на десяток метров дальше, тогда бы у него было бы больше вариантов без осложнений покинуть схрон, чем сейчас, когда мутанты находятся прямо у него над головой. Но данность есть данность. Сейчас он под ними, и пока мутантов только двое, и пока «пузырь» справляется, нейтрализуя и выводя радиацию, исходящую из собранного им железа, выбираться надо, чем раньше, тем лучше. Нужно только определиться с тем, что ожидает его наверху. Мысли Ходока работали размеренно и без паники, как это уже было не раз в критических ситуациях. «Псевдогигант исключается сразу, этот дурелло уже бы ввалился в схрон и раздавил бы его, потом бы еще долго топтался, чтобы вытащить тело», – Ходок отогнал всплывшую в воображении картину копошащегося в яме псевдо-

гиганта, у которого было бы видно только верхушку, если смотреть с поля. «Кровососы? Нет. Они тихонько бы стояли поодаль, а не щупали крышку, под которой прячется пустота. Да и их-то как раз и можно было переждать. Контролер со свитой? Тоже нет, уже бы достали или сидели бы тихо и ждали, пока сам вылезу, да и в ушах бы свистело...» Сталкер прислушался к своим ощущениям. Нет, фон чистый, никто не давит. Мелочь исключается, ДЖФ показывает хорошую массу. «Если химера, то хэнде хох, но по две они не охотятся, слишком велика честь быть съеденным сразу двумя химерами. Да и разобрали бы давно мое нехитрое убежище эти твари». Ходок прислушался к поскрипыванию верхних листов под весом мутанта и легкому шелесту песка, сыплющегося на тонкую крышу минус второго уровня. Одна из тварей осторожно пробует крышу на прочность.

– Кхр-кхр, – послышался приглушенный перегородками звук, словно кто-то кашлянул в платок. Нечто вновь наступило на крышу схрона. Новая порция песка, с легким шорохом сыплющаяся в темноте.

Невольно напрягшись, Ходок вслушался, тщательно блокируя все намеки на панику. Гаусс уже был приготовлен и лежал на коленях, по крайней мере первого гостя он наверняка уработает, один только минус у гаусса – это перезарядка. После первого выстрела две-три секунды, после второго чуть дольше, и так постепенно промежуток удлиняется, если вести огонь сразу по готовности. Есть еще пистолет, Глок,

но... это оружие от людей, ну или от тушканов, других мутантов пистолет не успокоит сразу, а тут надо сразу, потому что мутанты уже над ним. Артефакты на поясе дадут ему некоторое преимущество в скорости и силе, но достаточно ли?

Тем не менее круг подозреваемых сужался. Сталкер, глубоко дыша, сместился в дальний угол ямы к двум рядом стоящим распоркам и собрался с мыслями. «Бюреры? Наверное, нет, хоть звук похож, но убежище бы тоже уже разобрали и не терлись по крыше. Остаются кабаны, снарки, плоти и псы всех видов». Что-то громко ударило по крыше, раздался скрежет пробитого металла и шорох сыплющегося песка с мелкими камешками, настойчиво забарабанившими над головой. «Вашу дивизию! – мысленно ругнулся сталкер. – Теперь понятно. Плоть или ее двойник – псевдоплоть! Ни псы, ни кабаны, ни снарки не станут пробивать металл. Проще всего это сделать плоти, с ее то клешнями. Если плоть, то вокруг больше никого нет!» – мелькнула относительно облегчающая положение сталкера мысль.

Плоть знает любой новичок в Зоне. Один из самых распространенных мутантов. Трусишка и падальщик, вырастающий до гигантских размеров, и чем ближе к центру Зоны, тем крупнее. Она может имитировать человеческую речь, умна и сообразительна, словом, достаточно переняла от своего предка – домашней свиньи. Плоть становится невероятно упорной и страшной, если речь идет о раненном сталкере

или потерявшим веру в себя новичке. Тогда плоть преследует свою жертву, уклоняясь от боя до последнего момента, когда она сможет убить его или окончательно потерявшим силы, опустившим руки, или спящим. Причем смелости у мутанта немного, она драпанет и от раненного сталкера, решившего до конца биться за свою жизнь, но и тут участь сталкера не решена. Обиженный мутант, не имея смелости напасть и убить решительно настроенного сталкера, будет преследовать и созывать других мутантов особым криком, чтобы те пришли и убили его, а ей, как знать, может, и достанутся крохи с их стола. Другое отражение плоти – псевдоплоть. Почти двойник, но не он. Псевдоплоть не вырастает до таких размеров, как плоть, не так умна, не может имитировать звуки, но зато не так пуглива, гораздо агрессивнее и, что хуже всего, имеет прочный хитиновый панцирь, состоящий из ряда сегментов, скрытый толстой кожей. Этот самый панцирь делает псевдоплоть сложной мишенью, если стрелять в нее спереди в момент атаки. Панцирь хоть и сдерживает только пистолетный калибр, легко отправляет в рикошет большую часть свинцовых подарков автоматной очереди, что оставляет мутанту немаленький шанс добраться до стрелка с достаточным запасом сил, чтобы свалить его и пробить клешнями не защищенные бронезиловыми части тела. Именно псевдоплоть способна к агрессивной атаке и вполне может атаковать зазевавшегося новичка или бывалого сталкера со спины, только потому что из его рюкзака пахнет хле-

бом или колбасой.

Зная все это, Ходок располагал двумя адекватными вариантами выхода из сложившегося положения. Первый – это взять на откровенный понт мутантов, если это простая плоть, второй – принять бой и по возможности выжить, если это псевдоплоть. Но для начала ему надо показать мутантам, что он их не боится, хотя бы для того чтобы оттянуть момент боя как минимум или вообще обратить их в бегство. После чего лучшим вариантом было бы отступить в лес и там, пользуясь свойствами своей накидки, вытщенной из пространственной аномалии, скрыться от мутантов.

Ходок натянул дыхательную маску и с трудом открыл запечатанный люк минус второго уровня, создав душное облако пыли. Первое, что он увидел в пылевой занавесе, это луч света, пробивающийся через треугольную дыру верхней крыши. Мутанты, заслышав движение, затихли. Сталкер буквально чувствовал их животное любопытство, толику страха и предвкушение. Он много раз чувствовал подобное, когда имел дело со слепыми псами и плотями.

– Э! – сталкер свистнул. – Вы чё там творите, твари?! – сурово крикнул он. Пусть маска несколько глушила его голос, но для чувствительного уха мутанта это было достаточно громко и с понятной для них интонацией. – Я щас выйду, кому-то по рылу-то дам! Э! – еще раз прикрикнул он, сунув металлический штырь в имеющееся отверстие. Удара или еще чего-либо не последовало, значит как минимум му-

танты задумались и, возможно, отступили на пару шагов, что свойственно их трусливой, но коварной породе.

Теперь времени терять было нельзя, пока мутанты в замешательстве, надо срочно открыть крышку и по возможности быстро и громко, чтобы они отпрыгнули еще на несколько метров. Сказано – сделано. Выбив вбитые в стенки схрона фиксирующие штыри, он с ревом медведя, выбирающегося из берлоги, с натугой опрокинул громоздкий кусок металла, служивший люком схрона. Рев получился что надо, и грозное появление сталкера в облаке пыли произвело на мутантов должный эффект. Перехватив гаусс, сталкер рывком выпрыгнул из ямы, сразу же оказавшись на ногах и моментально сориентировавшись в положении плотей, взял одну из них на прицел. В случае чего он мог успеть выстрелить и тут же вновь солдатиком уйти в яму, но этот вариант сулил больше хлопот, чем избавление от них. Если бы он только ранил мутанта, что вполне возможно, мутанты бы ринулись за ним в яму, и исход был бы однозначен.

Все-таки это были плоти, слишком крупные для их близнецов псевдоплотей, оно и лучше. Плоти пугливые, больше осторожничают, зато и поумнее. Обе особи, отступив, стояли справа и слева от него, метрах в пяти, перенеся вес тела на задние ноги и приподняв одну из обезображенных Зонной конечностей. С виду этот жест можно было принять за робость, но нет, сталкер знал, если вес тела на задней части обозначает готовность оттолкнуться в направлении ата-

ки, а приподнятая передняя конечность – готовность к удару. К слову, плоти были крупные, пусть не такие, какие бродят поодиночке в Пустошах, но намного крупнее их собратьев, обитающих ближе к периметру. Эти особи весили килограммов под двести, двести пятьдесят. Профессионально оценив ситуацию, сталкер понял, что нужно срочно усилить эффект, мутанты скоро оценят, что человек один и наверняка доступен, если кроме крика ничего не предпринимает.

– Эй, ты, свинья! – крикнул он плоти, что сидела слева от него. – Пшла вон! – шикнул он, глядя на нее сквозь маску.

Плоть моргнула обоими разноразмерными глазами и опустила переднюю конечность, слегка приподнимаясь, и робко отступила на шаг назад, чуть повернувшись боком, чтобы дать стрелача в случае необходимости и тщательно отводя глаз, чтобы не встретиться с ним взглядом. «Так, хорошо», – подумал Ходок, понимая, что этот мутант не стремится первым дернуться на направленное на него оружие. Сталкер перевел взгляд и гаусс на плоть, сидевшую справа от него. «А тут совсем не хорошо...» – понял он, видя, что мутант ранен. Уродливый, относительно свежий, мокрый шрам тянулся от меньшего правого глаза вдоль черепа назад, ноги носили следы застарелых резаных ран от осколков гранаты, сверхпрочные хитиновые клешни были почти черного цвета, выдававшие приличный возраст мутанта, причем правая была прострелена и из нее сочилась мутноватая жижа. Видимо, рана была давнишней, не заживающей и причиняла

мутанту дикую боль. Да и по морде с мутными, нездоровыми глазами было понятно, что животное больно и вряд ли будет здраво беспокоиться о своей шкуре, а судя по ранам, у нее есть целый ряд претензий к двуногим, причинившим ей столько боли. «Черт, недобитыш! – ругнулся про себя сталкер. – Ранили – добейте, горе-сталкеры! Она же вас и покрошила через несколько дней, а теперь вообще берега попутала!» – качая головой и вперившись взглядом в мутанта, думал Ходок. Плоть с уродливой мордой на короткой шее чуть-чуть опустила голову. Движение было настолько осознанным и неприятным, что сталкеру показалось, будто мутант с ним здороваётся в человеческой манере. Усилием воли сталкер сдержал подступившую к горлу тошноту отвращения. Но выдавать, что мутант хоть как-то волнует его, не говоря уже о зачатках страха и паники, было нельзя. Нужно чувствовать себя королем, и тогда мутанты отступят.

– Ты что тут дурью маешься? – уверенно спросил он. – Думаешь, тебе одной тут плохо?! А?! – плоть моргнула, издав нечто вроде харкающего звука. – Я к тебе обращаюсь! Давай иди отсюда! – приказал сталкер, держа ее на прицеле.

Мутант качнулся несколько раз, словно ей было трудно встать или проверяя прочность земли под задними ногами. Так она инстинктивно, но подло проверяла человека на прочность нервов. Ходок стоял нерушимо и непоколебимо, уверенно держа ее на прицеле. Стоило ему дрогнуть, она бы все поняла, но человек стоял твердо, устойчиво расставив

ноги, неотрывно следя за ней оружием. Природная осторожность мутанта победила, все-таки это падальщики, а не хищники первого ряда. Плоть неохотно попятилась назад.

Мертвый Лес стоял всего в пятнадцати метрах от сталкера, и идти до него нужно было спиной, держа на прицеле в первую очередь вон ту больную хрюшку, но и здоровую со счетов скидывать было нельзя. Держа мутанта на прицеле, человек попятился в лес, осторожно делая каждый шаг, обе плоти как загипнотизированные шли за ним, держа дистанцию в пять-шесть метров. Стоило ему споткнуться, подняться бы ему не дали, в первую очередь, конечно, вон та больная плоть, что следит за ним, чуть ниже наклонив голову. Вот под ногами хрустнули первые веточки, дальше спиной пятиться нельзя. Бегло бросив взгляд через плечо, сталкер сделал несколько шагов в сторону, обходя низкие ветви с мочалами жгучего пуха, и быстро зашел за ствол другого дерева, моментально сориентировавшись, сразу же отступил за следующее дерево, затем еще и еще, на ходу запахивая накидку и надевая капюшон. Плоти застыли на окраине, следя за ним круглыми жаждущими глазами, не спеша ринуться. Ходок не торопился уходить, решив удостовериться, что плоти не считают его больным или раненым и не пойдут по следу. Сталкер застыл спиной дереву, обернувшись лицом в сторону возможных преследователей, выставив гаусс. Мертвый Лес, окутанный жгучим пухом, поглощал все звуки, минута, вторая... может, пора уходить? Но

нет, едва слышно треснула веточка. Ходок сдержанно вздохнул. «Идут или идет? Черт, надо было разорвать дистанцию, запутать следы... Олух!» – ругнул себя сталкер. В просвете между деревьями показалось серое пятно, так и есть, одна из них медленно бредет по его следам, словно свинка, обученная искать трюфель, но он не трюфель. Уродливая морда мутанта неотрывно вела носом по линии его следов, это была та самая больная плоть. Медленно, слегка прихрамывая, она, не видя сталкера, приближалась к нему, на удивление бесшумно ставя клешни в подстилку, та треснувшая палочка была единственным звуком с ее стороны. Ходок превратился в камень. Мутант по цепочке следов подходил ближе и ближе, пять метров, четыре, три, два... Ходок уже видел язвы на теле мутанта, страшные раны, обвязавшая и вросшая в тело колючая проволока... метр, еще чуть-чуть... морда плоти уткнулась в дуло гаусс-винтовки. В последний момент, нажимая курок – Ходок был готов поклясться, – в глазах свиньи мелькнула растерянность и испуг. Гаусс сильно и растянуто во времени толкнул отдачей в кисти обеих рук. Стальной цилиндр с глухим стуком вошел в череп мутанта, прошел через мозг, разрушил часть шейных позвонков, вращаясь вошел в грудную клетку, разрывая внутренности прошел через брюшную полость и вырвал целый сноп фарша из задней части мутанта, уйдя в землю. Плоть замертво рухнула на лесную подстилку. Человек не двигался, если вторая плоть недалеко, она обозначит себя, а он будет неподвижен. Мину-

та, две, три... ничего не происходило. Ходок выпрямился и легкой, бесшумной походкой растворился в серых сумерках Мертвого Леса.

***

Настроение Туриста было ни к черту. Зона все больше и больше не нравилась ему. «Каким сумасшедшим надо быть, чтобы отважиться жить здесь? – думал Турист, разглядывая беззаботные барашки зелени «гороха», шевелимые ветром. – Это я еще нахожусь под покровительством целой группировки, самой сильной в Зоне, а что происходит там, на внешних территориях, там, где нет законов, где творится вообще непонятно что? Нет, валить надо отсюда, валить!» Погруженный в мысли Турист не заметил, как со спины появилось существо, похожее на крупного человека, с большой, изуродованной шишками головой и болезненными розоватыми разводами на теле, одетое в сизую городскую камуфляжку на голое тело. Оно подошло к краю контрольной полосы и, кинув взгляд на Туриста, выставило правую руку вперед.

В ту же секунду тело Туриста показалось легким самому себе, он впервые почувствовал многочисленные, тончайшие нити нервов, вплетенные в его собственное тело, одновременно мышцы стали слабыми, а все тело словно ватным, противное легкое ощущение щекотки и покалывание. В таком ошеломленном состоянии Турист отполз, а затем попятился назад от контролера, пока не уперся в каменную

стену здания позади, а между тем мутант начал свою работу. Взмах могучей пятерни не казался гротескным, он словно ощупывал по одному лежащие трупы, легкое движение крупных, плохо гнущихся пальцев, словно он что-то соединял в теле покойников, и низкий гортанный рык, когда контролер с усилием заставил встать сначала одного, а затем и второго покойника. Поднятые сталкеры безмолвно стояли в пятнах засохшей крови, обезображенные выстрелами и самой смертью, раскачиваясь чуть сильнее, чем живой человек. Сейчас Турист видел их не как людей, а как часть пейзажа, действительно, они больше не принадлежали миру людей, что-то неуловимо поменялось в этих понуро опущенных плечах, растрепанной одежде и какой-то неестественности и обреченности в движениях. Контролер заставил их сначала собрать и принести все оружие, рюкзаки, снять разгрузки, а только затем легким толчком руки отправил в сторону Мертвого Леса. Турист впервые видел поднятых контролером мертвецов и спохватился снять все это только тогда, когда зомбированные прошли уже больше половины пути.

Между тем контролер ушел так же незаметно для Туриста, как и появился, Дум-Дум уже стоял над кучей оружия, рюкзаков и разгрузок. Турист на непослушных ногах подошел к нему.

– Ну что, Турист, выбирай себе, если хочешь, гостинец! – легко предложил он, словно ничего и не было. Хотя для него, наверное, действительно ничего и не произошло.

Турист осмотрел заляпанные кровью и грязью автоматы, местами пробитые пулями рюкзаки и разгрузки. Копаться в этом ему совершенно не хотелось, а оружием он пользоваться не умел и, честно говоря, идея брать его в руки сейчас совершенно не нравилась. Минуту снимав печальные трофеи и убрав камеру, он отказался даже прикоснуться к ним.

– Ну это ты зря, – беспечно сказал монолитовец. – Сейчас на Петю погрузим весь хабар, и упрет он его на базу. Там уже если что приглянулось не вытащишь, все на учет, братан.

Турист повторно отрицательно покачал головой.

– Ну как знаешь, мы с Петей до дому, усиление снято, – проговорил монолитовец, загружая бойца в экзоскелете. – Если хочешь с нами пошли, хочешь еще погуляй, – предложил он.

– Нет, спасибо, я сам как-нибудь, – поблагодарил Турист.

– А, ну как знаешь, бывай, – махнул рукой боец и, закрыв забрало шлема, хлопнул напарника по плечу.

Пара двинулась в сторону базы. Оставшиеся два монолитовца разошлись по зданиям, застыв неподвижными изваяниями, оставив парня наедине с собой. Турист вздохнул и медленно поплелся на базу вслед за ушедшими бойцами группировки.

Глава 17. День 18. Двое

Задание взять ходока никто не отменял, а вчера вечером Дым дал понять, что сталкер пережил-таки Выброс и устроил какой-то шум недалеко от поста «Колючка». Что за такой пост «Колючка», почему он колючка и где находится, парень спрашивать не стал, одно было ясно, монолитовцы бы его и не заметили, если бы не одна полоумная плоть, которая устроила ор на всю округу, выдавая позицию сталкера. К слову, Ходок прикончил ее, а подоспевшие бойцы группировки Монолит застали только остывающий труп плоти, застреленной из гаусса в затылок. Вывод один: сталкер прощупывает все позиции и с каждым разом делает это все увереннее и увереннее, через какое-то время он наверняка найдет слабое место и сможет проникнуть уже на территорию Монолита, а там, с его умениями и опытом, – к Исполнителю. Самое худшее было то, что они понятия не имели, что это за человек и что им движет. На этом месте Турист поспешил спрятать взгляд, отведя его сторону, Дым вроде бы не придал этому значения, и разговор продолжился в прежнем русле.

На утро следующего дня Турист, поднявшись на поверхность, шел к сложенному им, но не запаленному костерку. Лежа на полу, на матрасе, в столовой, слушая разреженные шумы общественного места, он долго не мог уснуть, вспоминая, как Ходок снял дыхательную маску и то, что он увидел

за ней. Тогда терзаемый противоречиями между тем, чтобы рассказать все Дыму или разобраться во всем самому, он уснул уже поздно ночью, отвернувшись к серой бетонной стене. Сейчас же он скорым шагом проходил бывшую пси-аномалию, а отдаленно прозвучавшие иллюзорные звуки электрической гитары заставили его лишь вжать голову в плечи и шагать еще быстрее. Оказывается, остаточное явление все еще пыталось выжить и, возможно, питаться за счет психической энергии Туриста, призывно дублируя ранее уловленные ею волны, но Турист не дал ей и шанса, напроць отторгая предложенное. Знакомая контрольная полоса, на этот раз без следов, но сейчас он словно бы чувствовал, как надо идти, и достаточно уверенно дошел сначала до знакомого черепа кровососа, а затем и к границе Мертвого Леса. К слову сказать, плавающие мошки заметно поубавили свою яркость, размеры и количество, он начинал привыкать и чувствовать Зону, а стало быть это аномальная территория начинала взаимодействовать с ним. Не заметив ничего подозрительного, Турист двинулся в сторону планируемого места разведения костра. Первые номера группировки Монолит считали, что он все еще интересен для Ходока и не раскрытый как агент группировки работает приманкой. Турист же хотел найти сталкера в любом случае, поскольку это приближало его к спасению из этого места, но он и не мог предполагать, насколько Ходок был готов встретить Туриста.

– Хэнде хох! – раздалось негромкое сзади, когда Турист

присел возле сложенных ранее палочек с зажигалкой в руке.

Парень безропотно поднял руки вверх, не разгибаясь и опасаясь знакомого тычка в спину, который заставит его растянуться на земле.

– Руссо туристо облик морале... Ну-ка повернись, – командовал Ходок, а это был именно он, держа в руке пистолет.

Турист медленно встал и развернулся, держа руки над головой. На этот раз дыхательная маска была снята и лицо Ходока было видно полностью.

– Нет, не показалось, – констатировал факт сталкер, разглядывая самого себя в гражданском варианте. – А ты фартовый, живой и снова здесь. Из карманов все на землю, – негромко командовал он.

Турист выложил все, но поскольку Ходок ничего нового не обнаружил, он по его приказу упаковал все обратно.

– Да, не густо тебя монолитовцы одели, – оценивающе разглядывая уже треснувшую подошву кроссовок, сказал сталкер. – Что, нормальное не предлагают? – спросил он.

– Да нет... – ответил парень.

Ходок усмехнулся.

– Надеются, я не вычислю, что ты на них работаешь? Работаете?

Турист с трудом кивнул, почему-то теперь трудно было сознаваться в том, что пытаешься спасти свою жизнь и находишься в отчаянном положении.

– Сигналка есть? Как они узнают, что ты меня видишь? –

спросил сталкер, слегка повернув голову и прислушиваясь к чему-то за спиной.

– Да вот, в телефоне что-то. Надо его включить или выключить, тогда сигнал пойдет, – сознался Турист.

– Ну так кинь его пока ко мне. Не сломаю, не бойся, – успокоил его Ходок.

Они стояли друг напротив друга, такие одинаковые и такие разные. Оба смотрели друг на друга изучающе, один с любопытством и восхищением, другой с легкой иронией и жалостью. Они и знали друг друга, и видели впервые, такие разные, но являющиеся одним и тем же, это и тяготило, и радовало одновременно. Казалось бы, можно было говорить о чем угодно, о личном, о самом личном, но все, что могло бы касаться их обоих в прошлой жизни, у которых она осталась там, на Большой Земле, сейчас казалось неуместным, кроме одного.

– Мне домой надо, – признался Турист. – Мать ждет, ты же ее знаешь.

– Она жива? – удивился Ходок,

– Шутишь? Конечно! Или... у тебя... когда? – сдерживая сложную гамму эмоций, воскликнул Турист.

– Сразу после выпускного, со школы. Я тогда пропал на несколько дней...

Турист скрестил руки на груди, будто ему холодно.

– А я вернулся сразу же, почувствовал, что ей плохо, не пошел с остальными. Застал в начале приступа, скорая успе-

ла, – вспоминая сказал он.

– Я тоже чувствовал, – произнес Ходок, – но домой не стал возвращаться, как похоронили, дальше сам. Работы не нашел, долги, проблемы, ушел сюда...

Оба замолчали. Вот так по-разному складывается жизнь одинаковых людей.

– И что, Турист, как ты домой собираешься попасть? – спросил сталкер, уходя от тяжелых воспоминаний.

– Не знаю, говорят, могут опять проход открыть в мой мир, если я хорошо поработаю для этих... и для их Хозяев. Но и то не факт, как будто... получается, что проще через Исполнитель попасть.

Ходок присвистнул от удивления.

– Это они говорят, что через Исполнитель проще? Тогда, брат, тебе вообще отсюда не выйти. Ты думаешь, они о тебе всерьез думают? Они же тебя в Мертвый Лес отправили одного, без оружия, так? – спросил сталкер.

– Так, – согласился Турист.

– Ладно мутантов тут нет почти, но сам лес-то человека пьет. Ты что, не чувствуешь? – удивился Ходок. – И вообще, у вас что, Зоны нет?

Парень пожал плечами. В общем-то да, после небольшой прогулки в Мертвом Лесу у него сразу падало настроение, интерес, накатывала хандра и усталость. Вот и сейчас, он совсем немного времени здесь, а уже как-то не по себе, словно снимают невидимое теплое одеяло. Турист поежился, но

вслух про самочувствие ничего не сказал.

– Зона у нас как бы есть, но там после аварии в восемьдесят шестом больше ничего не происходило, так... радиация местами, только и всего.

Поняв его, Ходок приоткрыл свой плащ.

– Я-то вон на артефактах сижу, часть защищает, часть подпитывает. Обычно они не требуются, но сейчас, поверь, лишних нет.

– Слушай, дай посмотреть! – оживился Турист. – Сроду ни одной штуки не видел! И это... сфотографирую, что ли? – неуверенно попросил он.

Ходок хохотнул.

– Если бы я тебя не знал, я бы фиг тебе что показал, и вообще пришиб бы по легкой и оставил Зоне на хранение, а раз так все повернулось у нас, на смотри.

С этими словами он расстегнул пластиковые заклепки одной из ячеек на встроенном широком поясе своего костюма. На его ладонь выпал светло-голубой, практически ровный шар, размером с крупный мандарин.

– «Лунный свет», – пояснил Ходок и бросил его в руки Туристу.

От неожиданности Турист с трудом поймал артефакт и горящим взором уставился на пойманное. Как будто и не твердый на ощупь, неуловимо тающий под пальцами, синий снаружи и бледно-голубой внутри, он приятно охлаждал ладони, оставляя безболезненное покалывающее ощущение на коже.

Поверхность была как будто мыльная, но если плотнее сдавить артефакт, то он прилипал к телу, главное держать его уверенно, иначе он норовил выскользнуть. Из светящегося неподвижного центра время от времени к поверхности артефакта выбегали переливающиеся белые язычки энергии. Когда они доходили до поверхности, то оставляли светлое пятно развода, которое снова темнело через несколько секунд, переходя из светло-синего в более темный.

– Ух ты, здорово! – воскликнул Турист, во все глаза разглядывая артефакт, который тут же вызывал ощущение привязанности, как нечто очень приятное для души. Уже не глядя на сталкера, парень поднял телефон и, включив камеру, сделал сначала с десятков фотографий, а потом съемку.

Все это время Ходок со снисхождением смотрел на свою копию, словно богач, кинувший бедняку один золотой, и теперь наблюдающий, как тот, ползая на коленях, извивается и благодарит его за невероятную щедрость.

– Блин... а дай еще что-нибудь! – восхищенно попросил парень, уставившись пожирающим взглядом на сталкера.

– Посмотреть? Успеешь, – Ходок вмиг стал серьезным. – Ты домой собираешься или как?

Турист замер, приходя в себя, минутное восторженное помешательство прошло.

– Я – да. Но как? – ответил он, с сожалением возвращая артефакт в протянутую руку.

– Я, кажется, знаю как... Слушай меня, Турист. Слушай

внимательно, от этого многое зависит, – сталкер вставил артефакт на его место в поясе. – Ты поможешь мне, я помогу тебе. В конце концов, тут, в Зоне, я доверяю только себе, а если ты – это я, в чем я уже не сомневаюсь, то могу доверять и тебе. Я таким же придурком был, когда только в Зону попал, но я и помладше был, а сейчас ты салабон против меня, – резюмировал он.

– Почему салабон? – обиделся Турист, вспоминая давно забытое слово, использовавшееся только в школе.

– Потому что я тут уже четвертый год пережил, и если ты думаешь, что я тут херней страдал, то ты ошибаешься, – внезапно разозлившись, повысил голос сталкер. – Обижается он... салага.

Турист замолчал. Обижаться самому на себя было непривычно, но оттого что он, собственно, поставил сам себя на место, было не менее обидно. Единственное, что он знал: если дело касалось пустяков, то он всегда быстро уходил.

– Ладно, Турист, не обращай внимания, я... мы же такие, сам знаешь. Короче, если хочешь домой, а ты хочешь, мне нужно будет от тебя следующее, – с этими словами он открыл один из нагрудных карманов комбинезона и достал сложенную во много раз карту станции.

Через час, когда у Туриста уже совсем разболелась голова от полученной информации и воздействия Мертвого Леса, они наконец закончили. Он уяснил следующее. Ему нужно проверить несколько канализационных люков на территории

группировки, заварены они или нет, есть ли рядом наблюдатели или устройства, выяснить графики смены дежурства постов. Когда Турист сообщил Ходоку о присутствии в лагере контролеров, у того от удивления отвалилась челюсть. Было ясно, что информацией об этом он не владел, и Турист тут же получил задание узнать, где курсируют контролеры. Сообщение о том, что монолитовцы общаются между собой посредством шлемов, было воспринято Ходокком как должное.

– Я так и думал, что они все от колпака работают, но думал, что они просто кретины прожженные, а не ты говоришь, что они нормальные, – задумчиво щурясь и глядя в никуда перед собой, комментировал сталкер. Тем временем надо было заканчивать, Турист уже посерел, хотя и держался, не подавая виду, что ему дурно. – Короче, так и порешим, брат. Выясни что нам нужно. Этим хмырям скажи, что я не пришел, попроси у них ботинки, ноги спалишь, ходить не сможешь. Если не передумаешь, я тебе нормальный комбез достану, артефакты к нему, какие надо, вместе до Исполнителя рвать будем. Согласен? – спросил он.

– Согласен, – ответил парень. – Только вот что... меня же раскусят. Там же и контролеры, и еще всякое может быть... мало ли.

– Может, и раскусят, – согласился Ходок, – только я же тебе не говорю свой план, а меня они точно так просто не найдут. И вообще, по большому счету еще ничего не ясно,

кроме того что мы с тобой, братуха, в одну сторону идем, ты главное обо мне там вообще не вспоминай. Все, давай, увидимся еще.

– Когда?

– Не загадываю и тебе не советую.

Сталкер махнул ему рукой и покинул поляну. Турист смотрел ему вслед, контур Ходока растворился буквально через несколько секунд. «Эх, надо было спросить, как он так делает, прям ниндзя какой-то...» – подумал Турист и поспешил прочь из этого места.

***

Ходок двинул прочь от этого места. То, что он невероятным образом встретил своего двойника из альтернативной действительности, было большой удачей, хотя собственная удача в Зоне может заставить на бегу споткнуться догоняющего мутанта или спяну наступить на редкий артефакт, но притащить с той другой стороны самого себя, это, пожалуй, слишком много даже для госпожи Удачи. Теперь у Ходока были свои глаза и уши на территории Монолита. Да, глаза неопытные, уши не внемлющие, но та толика информации, которую ему вынес Турист, стоила невероятно дорого, чего стоили одни контролеры и телепатическая связь между бойцами. Эту информацию он мог очень за дорого продать перекупщикам, так же как и свой схрон на окраине Мертвого Леса, и одна только информация о спасающем от Выброса схроне здесь стоила бы столько, сколько средний особняк в

два этажа где-нибудь в пригороде Москвы, главное правильно продать. Собственно, это и был основной заработок сталкера его уровня в Зоне – информация. Он покупал информацию о тайниках, добывал спрятанное, перепрятывал найденное, исследовал не пройденное. Ходок последние два года не обивал исхоженных троп, чаще предпочитая режим невидимого наблюдателя, после того как он нашел свой плащ.

А история с плащом была непростая. Попав с отрядом вольных сталкеров в засаду, возле сопки юго-восточнее Свалки, где стоят несколько брошенных грузовичков, вездесущий строительный мусор и небольшая пришибленная одурью радиации и химических испарений рощица, пережив ожесточенный бой, во время которого их раскидало по укрытиям, он, прячась за бетонными плитами, почувствовал дурноту и потерял сознание. Судя по всему, его товарищи так и не нашли его, он и сам с трудом пришел в себя в совершенно другом, темном месте. Первое, что он почувствовал, это сильнейшую тошноту и головокружение, словно его, пока он находился без сознания, крутили на центрифуге и только потом привели в сознание. Головокружение, как и тошнота, не спадало. Не имея возможности встать, поскольку его постоянно валило с ног, словно нокаутированного бойца, он чувствовал себя так плохо, как, вероятно, не чувствовал себя никогда, через какое-то время его начало рвать. Поняв, что головокружение не пройдет, он, чувствуя себя настолько отвратительно, что только двигая экраном ПДА вслед за убега-

ющими зрачками смог разглядеть несколько выявленных им аномалий, скрытно стоящих вокруг. Судя по всему, он находился в некоем бетонном помещении, давно не проветриваемом, в котором просто смердело разложением. Включенный налобник делал только хуже, убегающий слева направо луч фонаря заставлял следить за ним не только глазами, но и поворачивать шею, что только разбалансировало стоящего на четвереньках сталкера. Пару раз включив фонарь, он обнаружил источник зловония. Несколько трупов сталкеров лежало на его пути, судя по их состоянию, уже давно, а если их не сожрали мутанты, значит, даже они не заходят сюда, чувствуя опасность. А ведь и он почувствовал краешком мозга, что тот стык между плитами, в котором нет мусора, нехороший, но выцеливающий его бандит, на линии огня которого он находился, не дал времени на размышление. И вот кинувшись в поиске укрытия от пуль, он нашел его, провалившись в какую-то пространственную аномалию, в котором с его вестибулярным аппаратом происходит изматывающая карусель, а лежащие вокруг трупы убедительно показывали, что выхода отсюда нет. Заломленные за спину головы, свернутые винтом тела и шеи наглядно показывали, что головокружение это только начало убийственных процессов. Уже через пять минут после его пробуждения он чувствовал себя намного хуже, чем вначале, он просто физически ощущал, как шея непроизвольно начинала поворачивать головой слева направо, подчиняясь неизвестным механизмам,

а судорожные рвотные спазмы стали непрерывными.

Отчаянно заорав от невозможности справиться с дурнотой, он на карачках двинулся вперед, нащупывая в темноте руками давно лежащее оружие погибших. Не давая себе и нахлынувшей вдруг злости и бешенству затмить рассудок, он принялся с закрытыми глазами перекидывать перед собой лежащие автоматы и, качаясь всем телом, ползти за ними, поскольку самостоятельно не мог уже определить направления движения. Через несколько метров один из автоматов нечто сильно дернуло из рук вправо и, спустя пару секунд, с характерным металлическим хлопком разорвало, осыпав дальние стены помещения металлической шрапнелью. «Карусель», – понял сталкер и, уже уткнувшись головой в бетонный пол, чтобы не дергать шей, взял чуть левее, снова перебрасывая непослушными руками оружие впереди себя. Снова нечто забрало автомат, теперь уже левее, на этот раз ничего не хлопнуло, не вздохнуло, сталкер, однако, чувствуя, что миновал некую пиковую аномальную зону, после которой ему не становится хуже, обрел надежду и по-прежнему двигался на карачках, не отрывая головы от пола, царапая в кровь левый висок и скулу, поскольку голова была выкручена почти за правое плечо, неудобно перебрасывая перед собой пару подобранных автоматов, один из которых он опознал на ощупь как пистолет-пулемет Хеклер Кох МП5, здесь называемый Гадюкой. Через десяток метров другой, уже третий автомат что-то приковало к месту, слов-

но здоровый улыбающийся псевдогигант тихо наступил на палочку-выручалочку сталкера, ползущего и содрогающегося в спазмах в темноте. Сталкер сменил направление правее, оставив и этот автомат. Оставшись с одной Гадюкой на руках, он, не видя ничего, толкал ее впереди перед собой, держа за ремень и нащупывая его, отдавшись полностью в ощущения в руках, полз за этой одеревеневшей от пыли и старости брезентовой лентой к автомату, чтобы вновь бросить его впереди себя. Через десяток метров начало отпускать, по крайней мере рвотные спазмы прекратились и напряженная шея стала поддаваться контролю. Несмотря на то что глаза неумолимо продолжали закатываться слева направо, Ходок решил открыть глаза. Опять же он не увидел ничего путного, только слабое свечение впереди, по которому невозможно было определить, что это, просвет выхода или очередная аномалия. Тем не менее, взяв направление на него, он продолжил путь, помня, что свой АК оставил сразу, как только начал выбираться отсюда, и у него больше нет оружия, кроме МП5, которое он мог бы толкать. Но бандитский пистолет-пулемет не подвел его, больше никакая аномалия не пыталась отобрать его у сталкера, и, проползая еще десяток метров, он наконец почувствовал значительное облегчение. По-прежнему не решаясь встать на ноги, он позволил себе открыть один глаз и, водя ПДА вслед за двигающимся зрачком, определить пару далеко стоящих аномалий, между которыми уже определеннее было просветление. Еще десяток

метров в режиме одноглазого ползущего бомжа – и вуаля, теперь он мог сесть на бетонный пол, не опасаясь опрокинуться на спину, и открыть второй глаз. Теперь он не бомж одноглазый, ничтожно ползущий, а человек на попе сидящий, обалдело размышляющий двуглазый.

Впереди, насколько он мог видеть на фоне светящегося пятна, был чей-то силуэт. Думая логически, если он правильно двигался из, наверное, самого дурного места в своей жизни, то перед ним выход из каменного мешка, а если это выход – то впереди может быть кто угодно: и человек, и зомби, и мутант, например кровосос, бюрер, излом или контролер – а что, место как раз для них подходящее. То-то они удивятся и обрадуются, когда он выползет у них из-за спины, наверное, руками-лапами всплеснут, мол, как ты, бедняжка, из такой-то задницы смог выбраться, молодец какой, да и сожрут на месте к чертям собачьим.

Ходок, прикрыв экран ладонью, активировал ДЖФ, прибор показывал пустой экран. С трудом встав на ноги, держа в одной руке пистолет, а в другой ПДА, Ходок, постоянно лоя силуэт в прицел, медленно приблизился к нему. Нечто, что стояло перед ним, было противоестественном, но безусловно рукотворным. Маскировочный военный плащ, из которого снизу торчали босые ноги, а там, где должна быть голова, торчала лысая макушка. Плащ и его обладатель стояли перед переливающейся воздушной стеной размером с ростовое зеркало и не двигались. У сталкера по-прежнему кружилась

голова, но теперь он мог двумя глазами следить со спины за стоящей фигурой. Фигура не двигалась, то, что это был не человек, он понял, как только разглядел растоптанные босые ноги под плащом, вероятнее всего, это мутант на человеческой, так сказать, основе. Ходок замер, не видя выхода из положения, мысли безудержно крутились в голове, нарушая ментальную маскировку: «Застрелить его в башку из пистолета? Голова кружится, наверняка прицелиться не получится, если в упор, но тогда, может, и не получится выстрелить, обернется на подходе. Стрелять в спину? Это мутант, а не человек, пистолет ему ничего не сделает. Использовать Гадюку? Она пролежала тут невесть сколько, работает она или нет, есть ли в ней патроны вообще? Заорать дураком и выскочить в просвет, а потом дать драпу до самого Сидоровича? Очень сомнительный вариант. Вступить в переговоры? Ты что, с ума сошел, он сам с удовольствием вступит, как только поймет, что ты у него дома». Но странное дело, ДЖФ не показывает ничего, хотя с такого расстояния он должен различить даже крысу. Сталкер взял чуть-чуть правее, бесшумно обходя мутанта. Екнуло сердце. «У мутанта как будто три ноги... а нет, две, тогда третья, что спускается и упирается в пол, – рука... ну будем надеяться, что рука», – нашел в себе силы пошутить сам для себя сталкер. Ему совсем не хотелось открыть для себя новый вид мутантов, у которых две ноги и нечто еще, чем он может упираться в пол, и оказаться с таким в закрытом помещении – явно не предел его

мечтаний. Тем не менее третья конечность оказалась рукой, и теперь мутант безошибочно определялся как излом... но очень странный излом... мертвый? Ходок, пугаясь собственной смелости, подкрался к излому, держа пистолет на уровне глаз. С замиранием сердца от ужаса он заглянул в его лицо. Так и есть, излом. Стариковское лицо с прикрытыми глазами, легкий белый пушок над и за ушами, лысина, маленький подбородок, аккуратный нос, моложавое и даже приятное лицо мутанта. Странно, что он не разложился или умер стоя, или так глубоко спит, что даже ДЖФ показывает его как мертвого. Ходок с облегчением выдохнул, чувствуя, как сильно бьется его сердце. «Валить надо отсюда побыстрее... хотя нет...» Сталкер слышал, что изломы собирают всякую мелочь в карманы, и, возможно, в них найдется что-то ценное, а каково быть первым, кто обчистит излома? Пусть даже мертвого? Кроме того, уже третья неудачная ходка с другими сталкерами за артефактами вынуждает думать про другие способы заработка, а его плащ, пусть даже и с плеча мутанта, выглядит нормально, ни дыр, ни пятен. Удивляясь сам себе, сталкер отвязал завязочки плаща под подбородком мутанта, обнажая удивительно чистое нательное белье излома. Если бы не чудовищная рука, достающая до пола, о убийственной силе которой он слышал от других сталкеров, мутанта вполне можно было бы принять за этакого пожилого крестьянина-старовера в белой рубаше. Сняв плащ, скрутив его и прижав к телу, Ходок решил, что не сделал еще кое-чего. Гла-

за по-прежнему непроизвольно двигались слева направо, но уже медленно, поэтому Ходок хорошо видел, что делал, тошнота отступила, равно как и ощущение ужаса от пережитого. Сталкер снял с пояса гранату, Ф1, известную как «лимонка», с шикарным радиусом разлета осколков, затем подумал и достал еще одну. Сам не веря в то, что делает, он разжал левую нормальную руку, выдернул кольцо и вложил гранату туда, затем, с опаской и замиранием сердца от прикосновения к непознанному, разжал правую боевую конечность излома и, выдернув кольцо, вложил «лимонку» туда. Двигаться дальше по бетонному коридору ему страсть как не хотелось, поэтому его выбор был очевиден. По-тихому радуясь содеянному, словно нашкодничавший подросток, он выскользнул через светящийся дневным светом проем.

Перешагнув через невидимую грань, он оказался под кронами Рыжего Леса прямо на присыпанном листвой БТРе, над которым едва заметно преломлялся воздухом выход из аномалии. ДЖФ немедленно обнаружил несколько жизненных форм и пометил их желтым. То, что он был тут не один, Ходок понял сразу. Стремительно присев, он лягушкой сполз на землю и прижался корпусу бронемашины. Штук пять крупных слепых псов радостно металось между аномалиями, метрах в пятидесяти, и что хуже всего, между ними мелькала уродливая морда псевдособаки. Мутанты в Рыжем Лесу были гораздо крупнее своих родичей возле Кордона, здесь они, видимо, чувствовали себя комфортно и, совсем

по-собачьи резвясь, бегали друг за другом. Чувствуя холодок в груди, сталкер натянул на себя плащ и замер неподвижно, стараясь ничем не выдать своего присутствия и пытаясь сориентироваться, куда идти. Так далеко он не заходил ни разу, мало того он лично не знал никого, кто бывал бы в Рыжем Лесу, и даже в самых смелых планах он никогда не думал добраться до Рыжего леса, не говоря уже о том, как выйти из него. Закрывшись с головой плащом, пряча свечение ПДА от возможных посторонних взглядов, он принялся судорожно рыскать в картах, пытаюсь понять, где он находится и стараясь не отвлекаться на лай собак. Минут пять он просидел с головой укрытый накидкой. Внезапно, к его ужасу, над головой почти синхронно прогремело два взрыва, раздался дикий, почти человеческий крик, переходящий в рев чудовища. Излом проснулся! Чертов мутант не был мертвым, он просто спал, и теперь он, скорее всего, мертв, но Зона его подери, кто же знал, что они могут спать так, что их не видит ДЖФ?! Лай собак перестал быть добродушным и беззаботным, в голосе прорезалась боль и злоба, мутанты заметались. Между деревьями, реагируя на изменение фона, пару раз треснула разрядом по стволам деревьев не выдержавшая электра. Чуть дальше рыкнули снорки. Нечто вывалилось на БТР, тут, прямо над его головой, и хрипя пыталось встать. Сталкер почувствовал запах крови.

– Ста-а-алкер! – прохрипело существо, с трудом выговаривая слова. – Ты-ы-ы... – мутант сделал передышку, скуля

от боли. – Ру-у-уки... за-а-ачем, ста-а-алкер!

Ходок сидел ни жив не мертв, всем телом вжавшись в стальной корпус машины. Через дырочки плаща, который изнутри показывал себя как рыболовная сеть на пескаре, с кучей буро-зеленых водорослей, налипших на леску, он видел, как металась вокруг псы, низко припадая носами к земле, практически бороздя рыжую упавшую листву носами, как псевдособака, встав на пригорок, насторожила ужи и водила уродливой, но зрячей мордой из стороны в сторону, как несколько снарков черными безобразными тенями выскочили из-за скопления дальних аномалий и устремились к БТ-Ру. А чудовище на бронемашине, заливая все кровью, хрипело и шептало непонятное, лишь отдаленно напоминающее человеческую речь. Через мгновенье вся свора сорвалась и помчалась прочь, видимо псевдособака уловила кого-то на дальнем расстоянии. Излом, тяжело дыша, упал с бронемашины по другую сторону от сталкера, со стоном поднялся и побрел вслед за сворой. Выждав минуту и поняв, что все, кто был в округе, покинули это место, Ходок в шоковом состоянии, не разгибаясь и не разворачивая плащ, двинулся в другую сторону, уже слыша истеричные длинные очереди автоматов оттуда, куда устремились мутанты. Только теперь он понял, что спасло его от невероятного чутья слепых псов, от ментального поиска псевдособаки и от самого стоящего над ним безрукого излома. Его новый плащ – его главная добыча за все время его пребывания в Зоне.

***

Турист сидел в столовой, рассеяно ковыряя вилкой в гречке. На этот раз он выбрал стандартное питание вместо непонятного по составу, но сытного рациона. Видимо, действие рациона до сих пор не прошло, и взяв первое, второе и третье, он разделался только с первым блюдом – очень приличным борщом, а из второго, гречки с котлетой, надкусил только котлету, которая была вполне себе неплоха на вкус, и на этом задумался. А думать было о чем. Если он поможет Ходоку, то пойдет вместе с ним до Исполнителя, к тому же Ходок обещал принести комбинезон для него. А если он поговорит об этом с Дымом? Скорее всего, они дадут добро на его сотрудничество со сталкером и даже подскажут, куда вести Ходока на территории группировки, чтобы взять его наверняка? Но как он может предать самого себя? Да никак, а кроме того, какие гарантии, что монолитовцы обеспечат его реальное возвращение домой, если поимки Ходока для Хозяев, в общем-то, недостаточно. Вот в этом-то, видимо, все и дело, что вариантов у него нет, если он хочет вернуться в свой мир, он должен помочь Ходоку, но сначала он спросит кое-что у Дыма. Кстати, появился Дым. Он уже был одет в бронедвойку и нес с собой какой-то тяжелый агрегат, похожий на миниган или огнемет. Сам монолитовец был упаренный и, если можно так выразиться, прокопченный. Кивнув Туристу, он закинул оружие на полку позади него, там же оставил шлем, верхнюю часть комбинезона и ушел в убор-

ную. Через несколько минут он уже сидел напротив парня с подносом, на котором покоились точно такие же тарелки с первым, вторым и третьим, как у Туриста.

– Приятного аппетита, – пожелал он Туристу, откусывая кусок хлеба и поднося ложку ко рту.

– Спасибо, и тебе приятного, – отозвался Турист, внимательно разглядывая бойца, чувствуя исходящий от него легкий запах гари. Вот и возможность поговорить с Дымом, косвенно затрагивая интересы самого Туриста. Турист отставил приборы в сторону. – Слушай, Дым, – начал парень, – а откуда у вас все это? – он кивнул на тарелки. – Вроде бы в Зоне со свежими овощами, мясом не все так просто?

– Нет, проще чем кажется, – ответил Дым с набитым ртом. – Трава здесь растет быстро, а мясо вон возле речки бегают, – затем, видя, что парень принимает все за чистую монету, он откашлялся. – Да шучу я, шучу, – он дожевал, чтобы нормально говорить. —Конечно, проблема с припасами, да и с остальным в Зоне тоже проблема. Но мы хорошо приспособились. Для поставки всего, от продуктов до технологий, мы используем параллели. Собственно, открытие первых возможностей вскрывать пространство, а точнее изменять локальную частоту колебаний, и дало силы для создания и поддержания группировки. Дело-то, получается, нехитрое, – Дым описал ложкой нечто вроде полукруга. – Оказывается, вся частота нашей вселенной прописана в белом шуме, ты его слышал, наверное, когда радио не ловит

или по телевизору. В этом шуме прописаны все излучения и звезды. Если в конкретном месте повлиять на этот фон, то в конкретном месте пространство потеряет свои свойства и появится другое пространство, с той частотой, с которой совпадает создаваемое тобой... Собственно, принцип прост, во вселенной все так работает, – Дым выжидающе посмотрел на парня, который с жутким интересом слушал нечто такое простое и такое важное, что забыл дышать.

– И как? – расширив глаза, спросил парень.

– Что как? – переспросил Дым. – Нормально, вроде, видишь, припасы имеются, технологии тоже. Там, – он ткнул вилкой за спину, – целые залежи цивилизаций, все с разным возрастом, я так понимаю, мы плетемся в конце и не все, что находим, можно перенять, но стоящего очень много, намного посильнее местного, я имею ввиду посильнее наших технологий там, за Периметром. Все, на чем мы сидим, что едим, во что одеты, все оттуда, – пояснил он, вспомнив про стынущую тарелку и продолжив прием пищи.

Турист с интересом следил за Дымом. Было в нем что-то неуловимое, делавшее его моложе в общении, чем он выглядит. Наверное, его личная заинтересованность и увлеченность в этом вопросе.

– И что, вы каждый раз, чтобы что-то привезти, открываете дырку в другой мир? – спросил Турист, чувствуя нелогичность ситуации.

– Да нет. Открывать каждый раз дорого, по энергетиче-

ским соображениям, поэтому мы просто держим некоторые проходы открытыми, это проще. Если тебе интересно, то с некоторыми параллельными контактами давно налажены. Они нам продукты поставляют, например, исправно, а мы им некоторые их проблемы решаем.

– Да? Какие? – удивился Турист.

Монолитовец, поняв, что поесть ему нормально не дадут, отложил еду.

– Всякие. Вначале в голове не укладывается, что такое возможно, но потом, если подумать, то надо быть идиотом, чтобы отрицать эти явления. Есть миры, такие же, как у нас, ну вот откуда ты вывалился. Есть более отсталые, а есть такие, куда вообще соваться не стоит. Вот отсталым, например, нужна защита от внешнего агрессора. Выходим мы на транспорте и разгоняем там кого нужно, за это они нас снабжают дешево и сердито, и между прочим, очень хорошими продуктами. Вот смотри хлеб какой. Чувствуешь, как пахнет? А? – Дым надломил кусочек и с удовольствием вдохнул запах. – Это тебе не машинная сборка, тут люди на лошадках пашут, жнут, мелют и пекут что надо.

Да, хлеб действительно пах очень насыщенно, был плотным и упругим. Стоило его сдавить, как он стремился выпрямиться, приходилось немного сильнее кусать и тянуть рукой, чтобы оторвать кусок.

– А как они поставляют? На них что, прям посмотреть можно? – удивился Турист.

– В принципе можно, но не стоит. Продуктовое окно вон в кухне, там подальше. Если ты туда полезешь, так в принципе и ничего страшного, разве что покровсают тебя охранники возле идола.

– Какого идола? – не понял Турист.

Дым вздохнул, постучав пальцами по столу, очевидно раздосадованный необходимостью рассказывать элементарные для него вещи.

– Нас же, я имею в виду человечество, точно так же использовали. Поставили свои храмы, назначили жрецов, а наши предки им и золото, и наложниц, и рабов, и все остальное поставляли. Вон одни пирамиды чего стоят, ацтеки те же, инки. Все эти вдруг расцветшие и задохнувшиеся без присмотра своих хозяев цивилизации. А вот развитые цивилизации нас не всегда жалуют. Мы для них неинтересны, поэтому договариваться нам проще с теми, кто помладше нас в развитии. Нас снабжают средневековые провинции из разных параллелей. А ты знаешь, какая у них логика? – приподняв белесые брови, спросил Дым. Турист отрицательно качнул головой, весь оставаясь весь внимание. – Как у детей. Ничего не боятся или боятся до ужаса, постоянно пытаются сжульничать или соригинальничать, из лучших побуждений, но оно нам не надо. В общем, для работы с ними мы используем примитивное мышление. Как обозначить место, в которое нужно относить самые лучшие продукты, да еще и напомнить о себе, что ты божество. Речь-то идет о продук-

тах, это практически основная валюта у них, – Дым очередной раз вопросительно уставился на парня, ожидая ответа, но Турист лишь пожал плечами. – А я тебе скажу, – продолжил монолитовец. – Ставим идола, пострашней, отдаленно напоминающего бойца в экзоскелете, объясняем, чего нам и сколько надо ежедневно, и пожалуйста, бесперебойное питание из нескольких миров обеспечено.

– Ну это же не честно, – возразил Турист.

– Нормально. Наша дюжина заменяет им армию в несколько тысяч человек. А их народ делом занят, вот и баланс. Правителям местным основы управлением государства внушили, так они там такие вещи делают, закачаешься. У них же там что? Лошади, мечи, копья, железный век в своем расцвете. Когда начинают приносить голову козла, значит проблемы у них, собрались быстренько после смены, выступили, по шапкам надавали, кто там на них лезет, и через пару часов обратно. Так что лезть тебе туда не советую, примут за черта какого-нибудь и порешат, еще и пытаться придумают, у них это нормально.

– Так ты говоришь, окно прям на кухне? – удивился парень, вытягивая шею, стараясь заметить что-нибудь необычное за монолитовцем, подошедшим к раздаточному окну.

– Да, на кухне тоже есть. Когда ты уже открыл альтернативную параллель, классифицировал, установил маяк, потом можешь открывать ее где хочешь по известным координатам, но вначале все эксперименты там, в Зоне, – закончил

Дым.

Турист, впечатленный услышанным, словно в первый раз рассматривал то, что лежало на тарелках.

– Слушай, Дым, так вы же весь ход их истории ломаете, это же как-то неэтично, наверное?

Монолитовец хмыкнул.

– Да там этих историй... как у дурака фантиков, и честное слово, варианты развития без нас есть такие, что наше вмешательство вообще никак не сказывается. Если хочешь знать, там уже войны ведутся между параллелями, и вид homo sapiens, который может использовать эту технологию, сейчас на уровне крысы среди динозавров, либо прячется, либо подъедает, чем другие брезгуют. Короче, наше время еще не наступило.

– И что, и что?! Кто с кем воюет?! – возбужденно спросил Турист, ощущая невероятное любопытство.

– Да всякие... Нам кое-какую информацию скидывают, тем, кому интересно, но даже Хозяева толком ничего не знают. В основном разбиваются по формам жизни. Электромагнитные, белковые, кремниевые, эфирные, а они уже на тысячи и миллионы подвидов. Плюс разные уровни развития, короче, то, что мы одному миру людей подарим несколько технологий, сам понимаешь, песчинка во вселенной, – сказал он, удовлетворенно разглядывая реакцию парня, который от жадности к информации исказился в лице. – Ну что, поесть мне уже можно? – шуточно спросил Дым, придвигая

тарелку со вторым. – Ты зря не ешь, кстати, котлеты-то тоже ничего. Если хочешь вон разрядник покрути, поинтересуйся, все равно не работает.

Турист обернулся. То, что Дым назвал разрядником, представляло собой сложную металлическую конструкцию с двумя ручками для удержания, гашеткой в одной ручке и в другой. Сам разрядник был довольно тяжелым, по крайней мере парень хорошенько напрягся, чтобы аккуратно снять его с полки. Металлический корпус, в котором был вмонтирован баллон с жидкостью, был оплетен тонкими трубками, несколько вращающихся регуляторов для настройки аппарата стояли выставленными на ноль, а роль дула выполнял небольшой штырь, оканчивающийся шариком, внутри которого было отверстие, видимо ведущее к корпусу аппарата. Дым преспокойно доедал второе, а Турист разглядывал оружие, но больше был занят своими мыслями. Теперь зная нечто, что может решить большинство вопросов человечества, зная о непостижимом разнообразии мира, он особо остро чувствовал свое одиночество здесь, словно что-то отрывалось от его души. Нестерпимо захотелось увидеть мать, прижаться к ней и не отпускать, ведь среди всего этого моря у него есть единственный родной человек, который, находясь в невозможном отдалении, одновременно находился так близко.

– Слушай, Дым, а если мы Ходока поймаем, вы мне в мой мир проход откроете? – высказал наконец парень мучающий

его вопрос.

– Это не от меня зависит, Турист, я же тебе говорил. Давай лучше я тебе аппарат покажу, – сменил тему Дым.

Все следующее, что происходило в столовой было для парня словно во сне. Дым делал вид, что не замечает упавшего настроения Туриста после разговора о его возвращении домой, больше рассказывая и показывая разрядник. Парень понял: никто не собирается открывать ему выход, по крайней мере рассчитывать на скорый исход бесполезно, а судя по тому, что Дым начал показывать оружие, возможно, ему готовится еще одна роль. Тем не менее, скрывая обиду и откровенное разочарование, Турист старался слушать то, что рассказывал ему монолитовец. Он понял, находясь в таком состоянии, что внутри корпуса стоит мощный компактный генератор, работающий на бросовом артефакте, сам аппарат является, по сути, мощной брызгалкой, и самый большой секрет в нем это жидкость из баллона, являющаяся сверхпроводником, определяющая направление электрического разряда. Для этого там и существует две гашетки, одна для того, чтобы наметить цель, а вторая для того, чтобы выпустить по следу струи прямой разряд в несколько тысяч вольт при минимальной мощности. В любом случае дальность действия аппарата зависит от длины струи и не превышает десятка метров, кроме того его нельзя использовать в ветреную и дождливую погоду, но эффективность его для электромагнитных и эфирных форм жизни по срав-

нению с другим оружием на порядок выше. И вот сейчас аппарат сломан, нельзя получить мощность на накопитель. Настроения у Туриста не было никакого, поэтому с некоторой досадой на принуждение он выслушал беззаботную лекцию об оружии и, сославшись на усталость, которая и вправду имелась, ушел в свой угол на матрасе. «Так и буду, как собачка, на полу спать, в общественном месте», – пришла ему в голову обидная мысль.

– Дым, – крикнул он вслед уходящему монолитовцу. – Ты мне ботинки дай какие-нибудь, а то мои кроссовки уже все.

Дым согласно и с каким-то облегчением кивнул головой.

– Какой размер?

– Сорок первый.

– Завтра будут, с утра, – пообещал он и, слегка махнув на прощанье рукой, открыл одну из дверей, ведущих вглубь бункера.

«Завтра же пойду и разузнаю все, что нужно, хрен вам, а не Ходок», – мстительно думал парень, располагаясь на матрасе и стремясь скорее уйти в забытие, что ему спустя некоторое время и удалось сделать.

***

Тем временем Ходок, покинув Мертвый Лес, пересекал Пустошь и двигался в сторону Ростка. С должовцами у него отношения были нейтральные, а дело он имел непосредственно с Барменом или еще одним хмурым типом, толкающим за баснословные деньги информацию. Того типа звали

Васька Козырь, именно у него он покупал большую часть координат о тайниках, а у Бармена получал заказы найти и принести что-либо потерянное в Зоне. После того как он украл плащ излома, передвигаться по Зоне было в разы легче. Стоило только замереть, и сталкер становился невидимым как для мутантов, так и для людей. В движении смазанные контуры сталкера также сливались с окружающей обстановкой, какой бы она ни была. Проблему доставляли мутанты с пси-способностью, но и они не всегда верно нащупывали сталкера, а когда Ходок научился, завернувшись в плащ, входить в некоторое эмоциональное оцепенение и игнорировать слепых псов и псевдособак, славящихся своим чутьем, то мутанты, даже определив местонахождение сталкера, не пытались нападать, вероятно, принимая его за что-то еще, не исключено, что в этом плаще было нечто оставшееся от излома. Кстати, во внутренних карманах накидки Ходок так ничего и не нашел, сам же плащ он пару раз чуть не потерял, оставив его и отойдя на десяток метров, вернувшись и не обнаружив накидки. Только на ощупь и лишь зная, где его искать, он с облегчением нашел его.

Используя плащ излома, ему стало гораздо легче проникать в заселенные мутантами районы, следить за сталкерами, разорять схроны. Да, кто-то скажет, что Ходок – шакал, но по крайней мере он не убивал ни людей, ни, без причины, мутантов. Если он и разорял схрон, то не подчистую, выносил артефакты и ценное снаряжение, всегда оставлял, если

там было, последнее оружие, воду, еду, аптечку. Наблюдая за мутантами ближе, он понял, что в большинстве случаев самые распространенные мутанты, как слепые псы, плоти, кабаны, не стремятся первыми атаковать сталкера, конечно, если он не начнет в них стрелять. Кровососы, снорки, псевдогиганты также не пытаются напасть, если человек не заходит на их территорию, но если он зашел в поисках хабара на болота, в заброшенные здания или особняком стоящую опушку, то быть беде. Обитающий там альфа-мутант, как правило, самый крупный и сообразительный, выдворяет сталкера, посягнувшего на его территорию, а если сталкер ранит его, то преследование продолжается до конца либо сталкера, либо мутанта. Очевидно, небольшие размеры самой Зоны, при крайнем обилии живой массы, создавали такие конкурентные условия между мутантами одного вида и мутантами и людьми. Дел с крайне опасными и высокоразвитыми аборигенами Зоны, как излом, бюрер и контролер, Ходок не имел, избегая появляться в потенциально занятых ими местах, даже если за это предлагались хорошие деньги. Слишком хорошо он помнил своего первого излома, лишившегося обеих рук, его хрип и шепот. Наверняка мутант остался жив и вряд ли простит ему, сталкеру, пропажу плаща и увечья, поэтому Рыжий Лес был закрыт для Ходока им же самим. Иногда ему снились всхлипывания и хрип безрукого излома, но он старался не думать об этом, хотя где-то в душе чувствовал, что он жив только потому, что след, оставленный им в Рыжем

Лесу, удачно перебил слабый кислотный туман, шедший за ним по пятам.

Но сейчас Ходок шел на Росток, чтобы забрать имеющийся у него старый, но крепкий комбинезон СПП-99 «Эколог» для Туриста, который он давно добыл, считая чем-то ценным, с трудом дотащил вместе с другим хламом до бара «Сто рентген», но так и не смог продать. На Ростке также он планировал обновить все припасы. Гаусс он сменил по дороге на АК 103, перепрятав их в тайнике под бетонной плитой, что лежали на южной границе Диких Территорий, поскольку за гаусс его могут просто убить, чтобы получить редкое для сталкера оружие. Задачей сталкера была за четыре-пять дней сходить туда и обратно, не отвлекаясь и не останавливаясь. Он готов подождать еще немного, чтобы наконец-то добраться до Исполнителя. Заодно он сможет выгодно продать информацию Козырю о его схроне возле Мертвого Леса, а вот информацию о контролерах и телепатическом общении монолитовцев он не продаст за деньги, а поменяет только на равную по значению для него информацию. Немного подумав и о том, какую цену он запросит о своем схроне, который он сделал своими руками, он решил не торговаться, деньги ему уже ни к чему, ведь он скоро будет у Монолита, а все скопленное и хранящееся у Сидоровича и у Бармена, видимо, придется оставить им на безвременное хранение.

Глава 18. День 19. На тропе

На следующее утро Турист, не стесняясь, с какой-то отчаянной решительностью пошел в уборную и, раздевшись донага, принялся мыться, щедро поливая себя водой из умывальника, и растираться местным мылом. Когда дело уже дошло до середины, в комнату вошел заспанный монолитовец, явно не ожидавший такого расклада. Присвистнув от удивления, он произнес:

– Здорово, малец. Ты если помыться хочешь, так и скажи. Есть у нас душевые, сауна, если хочешь.

Смутившись и поумерив пыл, чувствуя неудобство за свое поведение, Турист кивнул головой, промямлив нечто вроде: «Я не знал, извините...» Пожав плечами, монолитовец подождал, пока он прихватит свои вещи, и повел его за собой, перекинувшись парой слов с ожидающим его товарищем за столом. Мокрый, с остатками пены, в трико, надев на голое тело, Турист проследовал за ним в одно из боковых помещений, которое с характерным звуком подлипающих резиновых уплотнений открыло длинный, широкий, светлый коридор, стены которого были покрыты кофейным колером, а пол устилала длинная красная дорожка с зелеными нарисованными бортиками. В коридоре находилось множество вполне обычных с виду деревянных лакированных дверей по бокам. Наконец он вспомнил этого монолитовца –

это был Соломон, Дым знакомил его с ним, и он был старше Дыма по рангу, если Турист правильно понял. Даже странно, что за такое короткое время он забыл его лицо.

– Душевые в конце коридора, дверь справа, сауна с бассейном – дверь прямо. Так... что еще... а зубная щетка и нижнее... – он оценивающе посмотрел на Туриста. – Личные вещи надо уже выдавать, на склад бы тебя отправить... Ты иди мойся пока, там мыло, мочалки, все есть. Еще что-нибудь? – спросил Соломон.

– Нет, вроде все. Спасибо, – поблагодарил Турист, глупо чувствуя себя после утренней тихой истерики.

Соломон вышел, оставив его одного в начале длинного, метров в пятьдесят, коридора. После столовой, в которой постоянно гудела вытяжка и какие-то аппараты, шоркали шаги, стучала посуда и иногда разговаривали монолитовцы, здесь царила сонная тишина. Удобнее перехватив вещи, Турист двинулся к дальним дверям. Только раз, когда он уже приблизился к двери, на которой была табличка с схематичным рисунком душа, далеко позади кто-то открыл основную дверь и, видимо, вышел, поскольку после звука уплотнений в коридоре никого не оказалось. Открыв дверь душевой, Турист почувствовал запах мокрого камня, отдаленный запах мыла и увидел целый ряд пустых душевых кабинок, стоящих вдоль стены слева. Кабинки были отгорожены друг от друга. Душевые выглядели вполне обычно, да и краны были простыми советскими металлическими барашками, которые Ту-

рист видел давным-давно, еще в начальных классах школы. Открыв сначала холодную, затем горячую воду, он убедился, что присутствует и та и другая, но ведь монолитовец говорил еще и про сауну с бассейном. И черт возьми, если он попал сюда, то почему бы не побаловать себя.

Дверь в сауну открывалась с коридора. Едва открыв дверь, он понял, что монолитовцы живут очень даже ничего. Широкая комната метров тридцать в длину и ширину с подсвеченными высокими потолками, сделанным из какого-то светло-синего камня, огромные фальш-окна, за которыми реалистично бился анимированный океан, толкая желто-белый песок практически к подоконнику, посреди комнаты огромный, подсвеченный внутри и снаружи, круглый бассейн с несколькими никелированными лестницами спуска. Вдоль стен масса диванов и кресел-качалок, и ни одного человека в помещении. Судя по всему, парилка, а то и несколько располагались за пятью дверями в этом помещении с бассейном.

– Вы че, охренели, что ли? – растерянно спросил сам у себя Турист, бросая убогие, на фоне этого великолепия, вещи на светло-серый кожаный диван и надевая пару тапочек, выстроенных в ряд возле двери. – Я там, значит, того... а вы тут этого... – вся теория о том, что группировка Монолит – компания фанатиков, лишенных разума и здравого смысла, была разрушена еще раньше, а вот мысль о том, что они живут скучной спартанской жизнью, пожалуй, полетела к чер-

тям только что. – Вы еще небось и в отпуск на моря ездите, не выходя из Зоны? Девочки туземки и гаремы девственниц? Вот тебе, елки-палки, и фанатики... – возмущенно дыша, оглядывался и шептал Турист.

Не теряя времени, он подошел к бассейну и пощупал рукой воду, ногой просто не осмелился, настолько вокруг все было чисто и аккуратно. Затем, поочередно открывая стоявшие на значительном удалении друг от друга двери, он открыл четыре из пяти, за которыми действительно располагались совершенно разные парилки с мойками. По банному делу он не был мастером, но судя по тому, что все они были отделаны по-разному, где-то сплошным деревом, где-то настоящим природным камнем, где-то кафелем, он понял, что истинному банщику здесь есть где развернуться. По второму обходу он определился с тем, что искал. Невысокая, чуть выше его, деревянная дверь с деревянной ручкой, за которой располагались длинные полки в три этажа, пышущая жаром каменка, перед самой парилкой услужливо висело на деревянных штырьках несколько березовых банных веников, среди которых всего один нуждался в замене, несколько тазов и ковшиков, войлочные шапочки и рукавицы. Также на скамье покоились пузырьки с шампунем, бруски мыла в упаковке, соли. Странно и путано было видеть знакомые широкому потребителю бренды, словно он находился у себя дома, а не в совершенно другом мире. Турист аккуратно открыл крышку и понюхал шампунь, несколько секунд боролся с на-

хлынувшими чувствами и воспоминаниями, в конце концов решительно надел войлочную шапочку, взял веник и рукавицы.

– Все равно вы сволочи, – буркнул он, стараясь нахмуриться и скрыть радость от предстоящей мойки, после чего уверенно шагнул в парилку, в которой вишнями светился жаром на каменке крупный речной окатыш.

Плеснув пару ковшиков воды на каменку, охнув и отшатнувшись от шумного облака пара, с шипеньем рванувшего вверх, он забрался на верхнюю полку. Уж кому-кому, а ему, не мывшемуся в Зоне столько дней, русская баня самое оно. Пропарившись несколько раз, несколько раз поплескавшись в бассейне с прохладной свежей водой, вымывшись как следует, Турист подобрал чью-то забытую среди мыл зубную щетку и, обдав ее кипятком, почистил зубы, поскольку уже сам не мог терпеть столько времени без полноценной чистки зубов. За все время его процедур ни один человек не зашел и не поинтересовался его присутствием. С некоторой безразличностью надев свою одежду, он по безлюдному коридору вернулся на кухню и заказал себе рацион. Дыма он так и не увидел, зато обнаружил возле матраса пару ношеных, но хороших берцев его размера. Вообще его бесполезное существование среди монолитовцев, на фоне постоянных мыслей о доме и о матери, которая места себе не находит в ожидании вестей либо от него, либо от друзей, либо от полиции, в которую она уже обратилась, сильно тяготили его. С тру-

дом доев стружку с клейстером, он твердо решил, что потратит весь день на поиски тех самых трех канализационных люков. Карту он выучил наизусть, его память инженера-конструктора цепко держала план зданий, схемы коммуникаций и маршрутов. Одевшись и чувствуя, что наконец-то делает что-то реально приближающее его к возвращению домой, он поднялся наверх.

***

Ходок приближался к Диким Территориям. Переночевал он сидя, прижавшись спиной к вросшей в землю цистерне от бензовоза. Хороших укрытий на Пустошах не было. Привлекательные в качестве укрытия от вездесущего влажного ветра овраги и росший по их склонам кустарник были действительно опасны в ночное время. Слишком много было нор тушканов, этих мелких, ненасытных и ловких мутировавших грызунов, которые с наступлением темноты одолеют практически любого мутанта, задержавшегося в оврагах, а привлекательный, но непролазый кустарник по склонам задержит жертву ровно настолько, насколько надо, чтобы многие десятки этих существ взгромоздились на спину сталкера. Костра Ходок не разжигал, на открытой местности его видно далеко, даже если мутанты, подойдя на свет и не нападут, они наверняка сведут на нет все плюсы от костра. Проще было закутаться в свой плащ, обложиться поддерживающими артефактами и продремать всю ночь, сжимая гаусс и слушая посвистывание ветра в жестких травинках. Ближе к

утру пошел мелкий дождь, окончательно разбудивший сталкера и заставивший его тихо открыть рюкзак и накрыться термоизоляционной пленкой. После дождя недалеко от его места ночевки тянувшимся вдаль оврага облаком появился туман, но не тот обычный туман, который обозначает похолодание воздуха и конденсацию влаги, а другой, темноватый, поднимающийся из оврагов и сгрудившийся над ним шапкой. Скоро там кто-то начал кричать неестественным, истеричным, полым ужаса голосом, без пауз, будто плакал огромный ребенок. Ходок закрыл глаза, стараясь не вслушиваться в несущиеся издалека звуки. Он достаточно видел ужасов в Зоне, чтобы больше не испытывать интереса либо к очередному эксперименту Зоны над мутантами, либо жалости к очередному несчастному сталкеру, уснувшему в овраге и теперь проснувшись, но потерявшему разум. Через минуту голос ослабел, еще через пару поперхнулся и смолк. Тушканы облегчили судьбу несчастного, кем бы он ни был. Туман не пошел дальше оврага, подтвердив свою аномальную природу, исчезнув, когда спеленатое тучами небо на востоке стало светло-серым. Ходок, раскачавшись, стряхивая с себя оцепенение, снова встал на маршрут, представляя издалека несуразную, горбатую фигуру, чуть наклоненную вперед с прижатым к груди, обмотанным серо-зеленой тканью оружием.

***

Первый люк, который нужно было проверить Туристу,

должен был находиться метрах в трехстах от входа в бункер группировки, за полосой препятствий между двумя полуразрушенными двухэтажками. На картах Ходока он на удивление легко сориентировался по однажды виденным зданиям и теперь, набрав камешков, он до поры до времени шел по тропинке, но улучшив момент, воровато оглянулся и сошел в просвет между кустами сирени. Несмотря на неподходящее время года, сирень словно собиралась цвести и таила нераспустившиеся гроздья цветов, прятаясь в глубине куста. Стараясь не шуметь и не трещать ветками, Турист подошел вплотную к окну дома и, подпрыгнув, зацепился за край оконной рамы, чувствуя шероховатость облезающей с дерева краски. Он собирался залезть внутрь, чтобы пройти здание насквозь, но глядя на полумрак и запустение, царящее внутри, передумал. Обход здания по высокой, до колена, нетоптаной траве занял несколько минут. Пространство между домами, во дворах, явно было нехоженым, и снова неестественность построек взбудоражила воображение. Снова ни асфальта, ни брошенных автомобилей, ни детских металлических конструкций, только лишь высокая серо-зеленая трава, вплотную подступающая к бетонным плитам строений. Зона ли убрала все ненужное, все, не имеющее смысла, монолитовцы ли? Турист не знал, но маловероятно, что бойцы трудились бы здесь над уборкой территории, скорее всего другое. Мошки, ранее плавающие в глазах, стали почти незаметными, только лишь их тусклые подобия,

словно пылинки, крутились на периферии зрения. «Ну вот и люк, сразу и не разглядишь его в высокой траве, хотя нет... есть же асфальт под ним», – с недоумением вдруг понял Турист. Действительно, в том месте, где только что в зеленой траве была видна лишь клетчатая крышка канализационного люка, теперь был виден и обступающий ее асфальт. Мало того, трава словно расступилась, обнажив скрывавшееся под ней рукотворное покрытие, которое оказалось пронзенным тонкими зелеными стрелочками травы, тем гуще пронзающей асфальт, чем дальше он уходил от люка. В недоумении остановившись в нескольких метрах от находки, Турист только спустя несколько секунд заметил большое белое пятно старой, высохшей и растрескавшейся краски, некогда растекшейся по крышке люка и частично по асфальту. Сейчас же его сердце забилося чаще: то, на что он смотрел, менялось на глазах. «Что это? Аномалия?» – мелькнула запоздалая мысль. Стремительно обернувшись в опасении увидеть вдруг, что все вокруг поменялось в корне, он с облегчением обнаружил, что стоит все там же, вокруг все те же полуразрушенные двухэтажки и пустые двory. «Болт! Надо кинуть болт!» – опять же с опозданием вспомнил он. Отступил назад, не спуская глаз с металлической крышки колодца, и, вынув из кармана камешек, бросил. Камешек, оторвавшись от руки, пролетел по параболе и, весело тренькнув по крышке, пару раз прыгнув по асфальту, ускакал в траву. Подумав, Турист бросил еще один, но теперь уже целя в белое

пятно краски. Снова ничего. Так же тренькнув, камешек откатился в сторону. Растерянно обернувшись, словно ища, у кого спросить, он, пожалуй, впервые почувствовал, что значит слово «отмычка» в Зоне. Идти самому в то, что сначала казалось одним, а затем стало другим, было нелогичным. Мысленно плюнув, он развернулся и пошел обратно, решив, что надо найти хороший кирпич и как следует запустить им по тому белому пятну краски, тогда оно – что бы там ни было, аномалия или нет, – должно показать себя. С кирпичами проблем не было. У подъезда на полу лежал потрескавшийся, но не развалившийся красный кирпич, которым когда-то, очевидно, подпирали подъездную дверь, чтобы не закрывалась. Это тоже было странно, но не более того. Подхватив его, парень вернулся на исходную, встав в нескольких метрах от крышки. Примерившись, он поднял кирпич над головой и с силой бросил его в колодезный люк, прищурился одним глазом, внутренне сжавшись и ожидая чего угодно. Но чего угодно не последовало, выпущенный предмет громко стукнул по крышке и развалился на несколько меньших кусков вполне согласно нормальным ожиданиям. «Блин, чего же я расшумелся-то?» – обеспокоился он, приседая и оглядываясь. Вопреки его страхам, никто не окликнул и не заинтересовался шумом. Выдохнув, Турист, встал и с отчаянной решимостью и замиранием сердца, чеканя шаг, подошел к люку. Ничего не произошло, для усиления эффекта он наступил на крышку. Снова ничего. Тот же влажный ветерок, те же тучи над

головой.

– Уфффф... – выдохнул он, чувствуя легкий мандраж, – ...уф!

Теперь необходимо было проверить, не заварен ли люк изнутри. Не имея возможности зацепиться пальцами, ему пришлось снова вернуться в дом, отыскивая нечто, чем можно будет подцепить крышку и в идеале открыть ее. Выбор пал на квартиру справа на первом этаже. Пустые комнаты, с незначительным количеством хлама и мебели. Не найдя ничего, он направился в другую квартиру – то же самое, только эта квартира была с одной комнатой, и ее стены даже не видели обоев, только оригинальная покраска сине-зеленой краской до плеча самими строителями. Видимо, там жил любитель водки, судя по количеству пустых бутылок пшеничной, лежащих, присыпанными пылью, на полу. Еще несколько квартир – и снова ничего подходящего, вилки, ложки и ножи явно были слишком хлипкими, хотя Турист и захватил несколько на всякий случай. Наконец в одной из комнат он увидел пробоину в стене, через которую виднелась комната смежной квартиры. Пробоина была сделана, наверное, из гаусса, по крайней мере размер отверстия и вывороченная в сторону другой комнаты арматура говорили об огромной силе и скорости удара. Насколько мог судить Турист, только гаусс мог совершить подобное. Мысль о том, что это мог сделать какой-либо мутант, даже не приходила в голову. Вот эта арматура и была подходящим предметом для скovyрива-

ния канализационного люка. Схватившись на один из прутков, он с натугой расшатал, затем все сильнее увеличивая амплитуду, отломал неплохой ребристый ломик длиной чуть меньше метра. Прикинув его в руке, он вернулся к люку. Одна из сторон арматуры имела удачное утоньшение, этим концом он подцепил люк и с замиранием сердца надавил на ломик. Крышка поддалась и с легким лязгом вылезла из паза. Отодвинув ее полностью, он осторожно заглянул внутрь. Ничего. Темно и пусто. Проржавевшие скобы уходили куда-то вглубь, разве что легкий посторонний запах то ли химии, то ли обычный канализационный. Пожав плечами, Турист водрузил крышку на место, сделав необходимый вывод: колодец номер один.

Теперь нужно было найти и осмотреть следующий колодец. Он должен находиться недалеко от трансформаторной подстанции, а если он все правильно помнит, то она находится на самой окраине этого микрорайона, если идти от того дома, где он нашел ломик, на северо-запад. Парень двинулся по указанному Ходоком направлению. Такие же полуразрушенные дома со странным пространством между ними. Никакого покрытия, только изредка груды слежавшегося мусора, слегка затянутые травой. Освобождение от человека и в то же время заполнение пространства зеленью и различными кустарниками, которые иногда по высоте могли достигать окон второго этажа, видимо, было свойственно этой территории. Стараясь не задумываться и не отвлекаться на

не касающиеся дела моменты, сосредоточенно осматривая свой маршрут, Турист мужественно дошел до места. И вот она, трансформаторная будка, стоящая в углу широкого двора, огороженная сеткой-рабицей. Но тут уже даже такой профан в Зоне, как Турист, понял, что здесь что-то не ладно. За сеткой легким переливом нечто металось в воздухе, сначала он принял это за переливы паутины, но подойдя поближе, ужаснулся. За сеткой, достигая высоты самого ограждения в два метра бесшумно перегоняла внутренние разряды электра. Сравнить ему эту аномалию было не с чем, но вряд ли он мог представить, что электра может достигать таких размеров. Аномалия каким-то образом не проявлялась за пределами сетки и напоминала злобного тихого пса, охраняющего вверенную ему территорию, такого, который сначала попробует в тебя вцепиться, как только ты вступишь на его территорию, а если не получится, то он станет грудью бросаться на ограждения и грызть прутья решетки. Присмотревшись, Турист увидел люк внутри охраняемого аномалией периметра. Само собой, не могло быть и речи, чтобы ему попробовать сунуться туда или подойти поближе. С расстояния в десяток метров он уже чувствовал, как слегка шевелятся волоски на голове и руках в такт переменчивому полю аномалии.

Теперь нужно было проверить следующий люк. Идти западнее через открытое пространство, почти километр, до ориентира, брошенного механизаторского двора, а затем от него строго на юг вдоль линии электропередач. Третий люк

будет находиться где-то на открытой местности, что-то вроде места под стройку. На карте это было отражено как множество мелких строений, похожих на... У Туриста похолодело в животе и слегка скрутило тошнотой и страхом. Только сейчас он понял, на что похоже то место, где должен был находиться третий люк. То место было похоже на ряды разрушенных гаражей, в которых он однажды чуть не пропал. Остановившись от неожиданного понимания, он пришибленно огляделся, словно ища поддержки невидимого Ходока.

***

Тем временем Ходок прошел значительную часть Диких Территорий, и не особо загадывая вперед, надеялся переночевать уже на Ростке. Но если сумерки застанут его на Диких, то, разумеется, он не станет идти дальше впотьмах, а непременно найдет укрытие и заночует. Хоть места там и беспокойные, много зомбированных, шатающихся там по причине близости Янтая, снарки, бывают и крупные кровососы, регулярно контролеры, но все они по большому счету предсказуемы, и он, как здравомыслящий сталкер, не полезет в то место, где не сможет разминуться с ними, или выберет место для ночлега, малоинтересное для мутантов.

Дикие Территории жили своей жизнью. Долговцы регулярно направляли патрули, чтобы прорезивать количество мутантов в окрестностях Ростка, и показательно зачищали местность в некоторых других направлениях, по этой причине регулярно теряли людей и неосознанно устраивали кон-

курс и себе и мутантам, кто лучший убийца – человек или мутант. Мутанты, по крайней мере снорки и кровососы, постоянно прогрессировали, становились чуть более быстрыми, осторожными, а самое худшее – умными. Сам сталкер особо не отслеживал их поведение, но как-то раз один из его знакомых долговцев, топтавший Зону и носивший долговские шевроны уже четыре года, по прозвищу Дизель, напившись в «Ста рентгенах», рассказал, что видел и что думает, и Ходок поверил. Не поверить было бы проще, отмахнуться, посмеяться над пьяным бойцом, но он предпочел поверить, поскольку хоть от этого и становилось страшнее, но вместе с тем и крепла его личная внутренняя уверенность, что сила оружия человека в Зоне – понятие временное.

Суть рассказа, который у Дизеля занял почти час, заключалась в следующем. Снорки и кровососы эволюционируют. В самом начале, когда он только вступил в Долг, снорки атаковали прямым прыжком с места на человека, либо с возвышенности, либо двигаясь на него по прямой, но практически всегда в лоб, да еще и за секунду грозно рыкнув перед прыжком. Таких «прямоходов» перестреливали быстро и без потерь, но со временем большая часть из них стала атаковать сбоку, сзади, а предупреждающие рыки становились реже. Этих называли «тихие». Видимо, выжившие после удачной охоты на человека мутанты передавали свои навыки новоприбывшим. Но это была половина проблемы. Долговский квад стал дисциплинированнее, бронебойные менялись на

экспансивные, а броня ПЗС-9Д не позволяла мутанту убить человека с первого наскока. Но теперь появилась другая модель поведения снарков. Теперь некоторые из них не нападают сразу, как только видят цель. Новые снарки, которых так и называли «новые», провоцируют сталкера первым открыть огонь, высунув из-за укрытия и тут же спрятав голову или часть тела; если сталкер реагирует моментально, то есть практически сразу стреляет в то место, где только что была голова, то снарк продолжает свою игру более осторожно, меняя свое местоположение. В итоге два-три снарка могут заставить отряд сталкеров не только потратиться на боеприпасы до опустошения, но и смешать их ряды, посеяв панику и нервозность, которая давала мутанту преимущество. Даже Дизель, будучи человеком без нервов, раздражался из-за безрезультатной пальбы и необходимости часто вскидывать оружие. Но худшее было даже не в траченных боеприпасах и нервах, снарки могли и не атаковать, если отряд был слишком силен для них, прекратив осаду и отступив. Худшее было то, что снарки стали выжидать момента, когда услышат характерный звук выщелкивания магазина из автомата, сообщающий им о перезарядке. И тогда они атаковали наверняка, прыгая вслепую на звук из-за укрытий. Дизель даже поклялся, как видел, что снарк прыгнул на него, перевернувшись в полете вокруг своей оси, чтобы сбить прицел. Снарка-то он убил, заключив в свои железные объятия, сломав его надвое, поскольку был в экзоскелете, но попасть-то не

попал. По итогам если на трех «прямоходов» квад долговцев тратил меньше минуты на устранение, на «тихий» две-три минуты, причем регулярно хотя бы один снарок валил долговца на землю, то «новые» снарки практически всегда доставали долговцев, иногда успевая травмировать бойца и, не добивая его, скрыться из виду. Что же говорить о зачастую менее бронированных и хуже вооруженных сталкерах, ходящих либо поодиночке, либо группой в два-три человека, имеющих недостаточные навыки стрельбы? Их просто добывали. Дизель был уверен, что все более редкие посещения сталкеров лаборатории ученых на Янтаре были именно из-за снарков, сталкеры попросту не доходили.

Другая статья – кровососы. Всегда опасны, всегда голодны, бесшумны и стремительны. Кровососы стали другими. Мало того что они стали крупнее, а значит еще более живучими и грозными, они стали работать в парах или в три особи, и в связи с этим менять стиль охоты. Раньше они на скакивали на сталкера при первой возможности, в режиме стелс, и в восьмидесяти процентов случаев фатально для человека, срубая его ударом лапы либо валя его всем весом на землю и присасываясь к артериям. Сейчас они стали следить за отрядами и перестали убивать сталкеров на месте, предпочитая выкрадывать человека, если он отстал от группы, пошел в туалет, отвлекся на посту, причем места засады выбирают вплотную к аномалиям, где их трудно засечь детектором. Но хуже всего не то что кровососы стали еще

более неожиданными, они стали использовать выкраденных людей в ночное время как приманки для их товарищей. Словам сталкеру руку или ногу, они заставляют кричать его и звать на помощь, выманивая людей на их территорию, зачастую вынуждая преследовать несколько сотен метров, где растянувшихся цепью и не имеющих укрытия людей убивают по одному. Так группировка Долг потеряла уже два квадрата на подходе к Темной Долине, после чего было приказано не пытаться вызволять захваченного товарища, а использовать подствольные гранатометы, чтобы накрыть мутанта или обеспечить похоронный залп для сталкера. Стоит ли говорить, что кровососу осколочные ранения и контузии стоили от нескольких часов до дней регенерации, а сталкеру – жизни.

Исходя из полученной информации, Ходок больше всего опасался поднаторевших в добыче людей снарков. Вообще в последнее время он явно чувствовал, что что-то происходит вне его, но относящееся к нему. Тяготившее предчувствие, ощущение, что за ним кто-то следит, все чаще подавляли его. Он внушил себе, что это все временные проявления влияния Зоны, которое усилились, как только он стал проводить больше времени в глубокой ее части. Зона проस्कальзывала в душу сталкера по ночам во снах, в лице того самого излома, чей аномальный плащ многократно спасал ему жизнь и более чем значительно облегчил и улучшил жизнь на этой территории. Зона проस्कальзывала ему под ко-

жу холодной, злой, щекочущей нервы аномальной энергией, заглядывала в глаза ищущими и не находящими его глазами мутантов, Зона ждала его раскидистыми жадными аномалиями, настигала воем ветра и тихими, вкрадчивыми ночными шагами, но до сих пор не могла ни найти, ни остановить его.

Вот и сейчас, когда он двигался во второй половине дня по пересеченной местности, на него накатило. Он испытывал легкий приступ паники и беспомощности, как будто беда неотвратимо надвигалась на него мрачными тучами из-за горизонта, а сам горизонт приблизился со всех сторон, определив его местоположение, и не было уже сил ни убежать, ни спрятаться. Ходок умел бороться с такими состояниями, если кто-то прибегал к водке, то он предпочитал переждать эти приступы в ясном сознании, наблюдая за собой как будто со стороны, отмечая, как трясутся в приступе руки, как сводит желудок и плывет зрение. В такие минуты он старался не сопротивляться и не подавлять это состояние, обеспечив физическую безопасность тела. Вот и сейчас, повинувшись инстинкту, он остановился в поисках места для получасовой отсидки, чтобы одолеть приступ. А приступ одолеть было необходимо, иначе в таком состоянии он заставит его совершать ошибки, притупит внимание и возьмет оплату травмой или жизнью. В эти минуты в голове у него всплывали мрачные строки песни, которые всегда придавали ему решимости жить и бороться:

«В воздухе пахнет бедой

*Целых две тысячи лет,
Жизнь так жестока
На этой проклятой земле...
С белым пером в волосах,
Словно языческий бог,
Ты прыгнул в небо,
В гремящий грозами поток»*

(Слова из песни «Беги за солнцем» группы «Ария». –

Прим. автора)

Ну вот и подходящее место, на склоне холма, на котором вырос единственный мутировавший куст шиповника, чьи колючки вполне можно было использовать в качестве шила. Он уже чувствовал, как начинается приступ, слабеют руки и ноги, покрывается испариной спина, Зона медленно и неотвратно брала свое. Там, на Большой Земле, человеку с такими приступами как у него, да что там говорить, как у большинства сталкеров, разменявших пару лет в Зоне, давно бы прописали лечение в психушке, но здесь он был одним из самых хладнокровных и спокойных бойцов. Вот наконец и куст, ничего особого, ни следов, ни шерсти на ветках, ни помета мутантов, ни консервов, оставшихся после привала людей, ДЖФ показывал чистое поле в пределах четырехсот метров, но это, конечно, еще далеко не факт, ПДА и чутье не засекали ничего необычного, можно сесть. С трудом сдержав стон, Ходок сел на землю возле куста, полностью накрывшись плащом, теперь он невидим, надо лишь продержаться

в сознании минут десять, а потом приступ пройдет. Страх и паника накатывали волнами, подсказывая ему вскочить, отпугнуть криком Зону, показать всем, что он тут главный и никто не смеет посягать на его душу. Затряслись предплечья, заставляя крепче схватиться за замененный на гаусс автомат АК, слегка припекло в районе пояса, где находились в своих экранирующих пазах артефакты. Сталкер закрыл глаза и сосредоточился на дыхании, заставляя себя дышать ровно и глубоко, отсчитывая по три секунды на вдох и на выдох с секундной паузой между ними. Прошло несколько долгих минут. Душный воздух, безветрие, как назло давно не было дождя, с ним почему-то легче дышать, вдох, выдох... вдох, выдох... «Шиповник-то все равно хорошо пахнет, жаль не видно цветов...» Вдох, выдох... запах пыли, легкий шорох, что-то двигается тут неподалеку... вдох, выдох... «Спокойно...» Вдох... Приступ начал отступать, расслабились скулы, тело, руки, ноги, перестали припекать артефакты, воздух наконец показался свежим, а кажущаяся духота отступила.

Ходок тихо выдохнул и открыл глаза, оставаясь неподвижным. В метре от него стояла и нюхала воздух чувствительным черным носом пепельно-серая псевдособака. Сталкер четко видел широкую лобастую голову со шрамом, клыки длиной в четыре-пять сантиметров, пару черных зрячих глаз, смотрящих прямо сверху вниз на него и сквозь него, вечно оскаленная пасть без губ, могучая шея, горб лопаточных мышц на спине. Ходок превратился в каменную статую,

разглядывая мутанта через ячейки плаща.

*«Мужество есть лишь у тех,
Кто ощутил сердцем страх,
Кто смотрит в пропасть,
но смотрит с гордостью в глазах...»*

(Слова из песни «Беги за солнцем» группы «Ария». –

Прим. автора)

Все что угодно, только не страх и не агрессия. Сталкер уперся взглядом в мутанта, чувствуя в себе столько усталости от преследований и опасности, сколько не чувствовал за всю свою жизнь, но не было ни капли желания сдаться, он чувствовал, его путь в Зоне заканчивается, ставки выросли, он приближается к Исполнителю, несмотря на то что физически далек от него и Зона постепенно нащупывает его. Вот одно из ее проявлений стоит перед ним, готовое сорваться с цепи, стоит ему только обозначить себя, но он сильнее ее посланников, бесстрашие не даст погибнуть ему от лап мутанта, мужество не позволит шагнуть в аномалию, воля не даст быт сметенным Выбросом. Ходок чувствовал, как в глубине души зажегся огонь человеческой силы, он чувствовал свою волю, выкованную и закаленную Зоной, теперь он сам сдерживал себя, чтобы не встать во весь рост перед мутантом, доказывая свое превосходство в силу человеческой породы... в силу настоящей человеческой породы. Мутант вздрогнул всем телом, а сталкер жег его взглядом, исполненный мрачной решимости, еще секунда – и псевдособака, не в силах

справиться с недоступным ее пониманию, отступила, поджав хвост. Сделав несколько неуверенных шагов назад, она чуть сторбилась, делая свою горбатую спину еще более безобразной и изредка поворачивая голову на короткой мощной шее в сторону неопределяемого явления, коим являлся не различимый под плащом Ходок с недоступным для понимания мутанту пси-фоном, и побежала прочь, прижав хвост практически к животу.

Ходок еще несколько минут сидел без движения, приходя в себя. С таким настроением тоже нельзя идти по Зоне, потеря осторожности на руку аномалиям. То, что было сейчас, являлось компенсацией за приступ страха, это было ожидаемым. После каждого такого приступа, наступающего после выхода из глубокой Зоны, через какое-то время приходила компенсация как взрыв иммунных сил человека против вторжения чужеродной энергии, и слава всем богам, что на этот раз компенсация вернулась так быстро после подавления. Ходок проходил это уже неоднократно, и это была одна из причин, почему для смягчения приступов он не брал с собой водки, как большинство сталкеров. Если смягчить приступы того, что сталкеры называют «отходняком» или «накатом», водкой, то и компенсация будет размытой, нечеткой. Сталкер почувствует ее как прилив сил и уверенности, и свяжет это с приемом алкоголя, но нет, здесь работали природные механизмы самого человека, и чем сильнее будет размыт алкоголем эффект наката, тем слабее проявит себя компенсация,

а значит не всегда будет рост психологического иммунитета к Зоне.

Ходок медленно встал, оглядывая доступный для обзора горизонт. Коварные ощущения исчезли, компенсация закончилась, оставив благотворный эффект, он чувствовал себя свежим, молодым и сильным. Хотя он и вправду был молод, иногда ему казалось, что он бродит по Зоне вечность, глотая ее ветра и разменивая километры ее просторов на мотки собственных нервов. Прислушался к звукам, приносимым ветром, прислушался к своим ощущениям. Ветер тихо пошвыстывал, пролетая через гребенку колючек шиповника, не неся с собой ни воя слепых псов, ни звуков стрельбы, только запах собирающегося дождя. Прислушался к своим ощущениям: интуиция подсказывала ему что не стоит задерживаться здесь. Там, откуда он пришел, определенно что-то происходило. Какая-то суета и движение, словно грязно-серый ком биомассы собирал информацию, впитывал запахи и звуки, идя по его следам. Ходок нахмурился, это было что-то новое, но ничего, в Зоне каждую ходку появляется что-то новое, а он все еще топчет эту землю.

***

Турист шагал по выбранному направлению до ориентира, до брошенного механизаторского двора, чьи развалины уже виднелись в пыльной дымке в полукилометре от парня. Странно, ветра как будто и не было, а пыль в механизаторском дворе была такая, что слегка затемняла просветы

между постройками, или, может, это такой странный дым? Памятуя о возможных аномалиях, Турист аккуратно бросал камешки впереди и шел. Делать это было несложно и даже немного интересно, напоминало какую-то игру, когда бросаешь кубики с цифрами и по ним делаешь несколько шагов фишкой на бумажном поле. Но здесь фишкой являлся он сам, а поводов откатить назад или пойти по обходному пути еще не было. Ну вот и сам двор, а от него столбы линии электропередач с остатками проводов. Пыль, а не дым и не туман, действительно висела между домами, не желая опадать. Заходить в эту пыльную дымку не хотелось, но камера телефона, приведенная в активность, несколько минут снимала и разрушенные постройки с обгоревшим трактором МТЗ, и деревянные столбы ограждения, на которых, наверное, раньше была проволока, и, как ни странно, несколько канализационных люков. Удивленно подняв бровь, Турист задумался: Ходок ему ничего не говорил о люках в этом месте. Может, он просто не знал? А может, он знал, что это не те люки, и поэтому ничего не говорил о них? А может, стоит проверять все люки, которые можно найти здесь? Турист стоял в нерешительности, в конце концов, сделав поправку на висящую перед ним взвесь, он решил не заходить в механизаторский двор и, обойдя его вдоль остатков ограждения, двинулся вдоль ЛЭП, как теперь он уже понял, к тем самым пугающим его развалинам, лежащим на пути к посту «Тропа» и напоминающим остатки гаражей.

***

Ходок медленно, но верно двигался к Ростку, приближаясь к границам Диких Территорий. Время клонилось к вечеру, а двигаться в сумерках без необходимости было не в его правилах. К тому же совсем не далеко был известный ему схрон для долговцев и крепких сталкеров. Почему только для них? Потому что информация о хороших схронах кому попало не сливается, а бережется для надежных либо для богатых людей. Ходок входил в число и тех и других, поэтому вполне мог рассчитывать на нормальный прием, если в схроне уже кто-то есть, либо, что более вероятно, переночевать там в одиночестве. Схрон часто пустовал, потому что до Ростка было рукой подать, всего-то час с небольшим ходу по местной заброшенной распределительной железнодорожной станции с огромными пустыми корпусами, ремонтными цехами, в лучшие годы, видимо, обслуживавших Росток. Но бывает, что именно этого часа для того, чтобы дойти до Ростка, у сталкера нет, вот тут-то и приходит на помощь надежный схрон, который располагался под крыльцом одного из здания с северной части станции. Таким образом, сталкер планировал переночевать в схроне, а завтра с утра в течение часа миновать промышленный сектор, известный плотностью аномалий, и войти на территорию Ростка.

Недалеко от маршрута, по которому он следовал, на склоне одного из небольших холмиков лежал труп сталкера. То, что это был труп, Ходок понял сразу, это быстро становится

понятным людям с его профессией. Светло-зеленый, расплосованный на спине цифровой камуфляж под выцветшую траву, распотрошенный и брошенный в десятке метров от него рюкзак, неестественно подвернутые ноги. Ходок бросил взгляд на ПДА, просканировал местность по всем режимам и подошел поближе. Работа снарка. Сталкера сняли минут тридцать назад, кровь была еще свежая, но уже свернулась и потемнела. Сначала жертве прыгнули на спину, сбили с ног, от чего сталкер выронил свой автомат, так и не выстрелив, затем многократно ударили по затылку, не давая подняться. Срывая рюкзак, мутант бесновался и рвал когтями не отпускающие рюкзак ляжки, вспоров и рюкзак и спину, в своей истерии снарк не нашел ничего лучше, как упереться в труп ногами и стаскивать рюкзак силой, это было видно по кровавым отпечаткам армейских берцев на исполосованной спине трупа. Странно, что снарк не отъел часть от добычи, это не свойственно их породе, с другой стороны, учитывая, что мутант крался и ничем не выдавал своего присутствия, это был не «прямоход», а «тихий» или «новый» снарк, что не делало Ходока спокойнее. Сталкер склонился над трупом, заглядывая в восковое лицо. Он видел этого сталкера раньше, в «Старентгенах», вроде как честный малый, из вольных одиночек, по прозвищу то ли Барт, то ли Борт. Обыскивать его Ходок не стал, у погибшего было достаточно менее успешных друзей, пусть они и позаботятся о теле и о его снаряжении, а ему, Ходоку, лишний груз ни к чему.

До схрона оставалось меньше километра, уже отсюда сталкер видел начало построек, темнеющих вдаль, а сзади громом, разрядами молний, влажными порывами ветра его настигал дождь. Ходок чуть ускорил шаг, было бы неплохо успеть в схрон до дождя. Слева в низине копошилось стадо плотей, это показал ДЖФ и через некоторое время стало доступным взгляду. Ходок поймал себя на мысли, что по сравнению с плотями, обитающими в глубокой Зоне, эти мутанты были ему даже симпатичны. Не такие агрессивные, не такие бдительные, не так завязаны на человечине, предпочитая в основном что-то, что растет в почве. Правее обозначилась птичья карусель, очертив вокруг себя правильный круг разбросанными тряпочками камуфляжного цвета с бурыми кляксами. Тем временем тяжелые, мрачные грозовые тучи приближались, делая темнеющее небо еще более темным и приближая темноту на час или два раньше. Несколько ворон над его головой безмолвно пролетели, спеша укрыться в постройках и редких тополях от надвигающейся стихии. Сталкер проводил их взглядом. От дождя уже было не уйти, но надежный схрон обеспечит ему и просушку, и спокойный сон. Сзади вместе с порывами ветра и зашелестевшими по земле первыми каплями дождя пришел голос псевдособаки на охоте, затем еще один, затем еще. Ходок прислушался: прятаться здесь на открытой местности в преддверии приближающейся ночи и только начавшегося, но набирающего силу дождя совсем не хотелось. Минимум три особи двига-

ются в его направлении, вряд ли по его следу, хотя... Да, и еще один момент беспокоил его, псевдособаки редкие гости на Диких Территориях, по крайней мере так близко к Ростку, а несколько штук вместе вообще явление редчайшее. Еще один вой леденящий душу своими вибрациями, уже правее и ближе, растягивающийся и переходящий со звука «у» на «а», как будто мутант не воет, а кричит, сзади дальше, там же, где он слышал это первый раз, отклик. «Да они же ведут меня», – понял сталкер, вставляя артефакты, которые он вынул ранее, чтобы не набирать радиации от их фона, снова в пояс комбинезона. «Грави» для смягчения воздействия гравитационных аномалий, если ему придется драться и как стенку, защищающую сзади, использовать распространенные здесь гравитационные аномалии, модифицированный «Каменный цветок», информацию о местонахождении которого он за бешеные деньги выкупил у Васьки Козыря, «Лунный Свет» для выносливости, «Слюда» для остановки кровотечения, а кровотечение у него предвидится. Чувствуя, как артефакты обволокли его своим полем, добавив сил и уверенности, а «Каменный цветок» сделал воздух для его визуального восприятия словно стекло, он, превратившись в грозную машину, которую слишком сложно остановить, продолжил путь. Всего он носил с собой в индивидуальных контейнерах двенадцать артефактов, общий вес которых составлял больше десяти килограммов, приходилось жертвовать боеприпасами и провиантом, но это было допустимо для него. Псевдособаки

имели зачатки пси-способностей к управлению, и если слепые псы просто пользовались своими телепатическими навыками для поиска добычи и предугадывания действий, то почти все псевдособаки кроме этого вполне могли задурить голову фантомами незащищенному сталкеру, заставив стрелять в пустое место, а с учетом, что они взялись в стаю, с ними вполне мог идти более сильный мутант, с которым Ходоку ну совершенно не по пути.

Дождь перешел в ливень, сгустив сумерки, сбив звуки, следы, запахи, контуры физических предметов, но слегка очертя гравитационные аномалии, заставив психовать мелкими колючими разрядами электры, изредка заставляя шумно вспыхивать и испарять влагу жарки. Ходок решительно шел, чуть опустив голову, не оборачиваясь и держа палец на спусковом крючке автомата АК-103, в котором ждали своего часа экспансивные боеприпасы калибра 7,62 × 39 мм. Именно такой калибр, а не 5,45, повышал шансы сталкера в бою с мутантом. 5,45 был достаточно убедителен только для крыс, тушканов, мелких плотей и замеченных вдалеке снарков, все остальное, нахватавшись бронебойных пилюль калибра 5,45, имело склонность либо добежать до сталкера, либо, получив отпор и не умерев окончательно, отползти, регенерировать и добыть сталкера через несколько ночей. Ни тот ни другой вариант Ходоку не подходил. Мутанта надо было уничтожить сразу и наверняка, а если мутант, получив пулю, скрывался, то достать мутанта, пока он ранен, либо скрыть свои следы

так, чтобы ни один из них при самых благоприятных условиях не смог найти его, а это была большая наука.

Справа метрах в пятидесяти рыкнул неразличимый в ливне snork. Это не предназначалось Ходоку, скорее всего snork занимался там своим делом, но сталкер скорректировал направление. Вот уже то самое здание, бывшая коммуналка для работников. Вот в нескольких метрах крыльцо, под которым есть замаскированный и закрытый железной дверью вход в подвал, ну и, конечно, новые аномалии, которые появились после крайнего Выброса. Метрах в десяти от входа здоровая электра, подсвечивающая сама себя в струях дождя, а за ней, ближе к углу здания, притянув к себе примыкающую к строению металлическую оградку, обозначалась воронка, странно что оградка не оторвалась. Сталкер, повинувшись чутью, замер, растворяясь уже практически в ночи. Низко пригнув головы, наперерез ему мчались три псевдособаки. Огромные горбатые хищники килограммов под шестьдесят, без рыка, без воя, на скорости шли на него, и разглядеть ему их получилось лишь в паре десятков метров. «Прямой заход», – мелькнула мысль, рука тверже схватила автомат, а палец нажал на спусковой крючок, целя под ноги. Очередь врезалась в голову и лопаточный горб первому мутанту, выбивая красные капли, его лапы сложились, и он кубарем слетел в сторону. Второй, уже оказавшись в нескольких метрах от человека, в затяжном прыжке сбил сталкера с ног, приняв непрекращающуюся очередь

экспансивных пуль на подлете, и перелетел через сталкера. Ходок, получив удар, отлетел назад, болезненно приложившись рюкзаком о землю, а сваливший его мутант, перелетев, сучил лапами, не в силах встать. Сталкер, отмечая в падении место, куда падает второй мутант, на уровне рефлекса почувствовал третьего и, выпустив разряженный автомат, вжал голову в плечи, одновременно поднимая обе руки, чтобы защитить горло, и подтягивая к животу колени. Если бы он падал на живот, псевдособака впиалась бы ему в затылок через плащ и капюшон комбинезона, и тогда избавиться от нее было бы верхом усилий, но широко раскрытая пасть, целящая в горло, наткнулась на скрещенные руки. Тем не менее удар мордой псевдособаки через скрещенные руки сталкера получился очень сильным, и, ударив себя своими же руками, Ходок на долю секунды подкатил глаза. Мутант отпрыгнул и тут же, но уже с рыком бросился на человека, который только начал переходить из лежачего положения в сидячее, снова целясь в горло или лицо. Ходок знал, что делать. Один на один он не боялся никаких видов псов. Стандартно бронированный кевларом и по заказу жесткими карбоновыми вставками левый рукав комбинезона уверенно вошел поперек собачьих челюстей, скрутка корпуса и, пропуская мутанта под себя, сталкер оказался сверху, с силой вдавливая предплечье внутрь пасти, а правая рука уже двигалась к ножнам. Мутант понял, что допустил ошибку, главное его оружие, челюсти, заблокировано конечностью человека, которая

слишком тверда, чтобы прокусить, а человек как будто не чувствует боли, мало того, теперь человек сам плотно прижался к нему, обхватив ногами тело собаки и сдавливая ее, прижимался к морде, не давая ей вывернуться и найти точку опоры. Мутант, оставаясь животным, запаниковал, оказавшись в несвойственном ему положении, пытаясь раскрыть пасть шире и мотая головой, чтобы избавиться от засевшей и не дающей использовать пасть бесчувственной руки человека, но Ходок уже подвел нож к нижней челюсти собаки, протыкая ей горло. Несколько движений клинком, которые помогла ему сделать сама ерзающая псевдособака, и хлынувшая из разрезанных артерий кровь потекла внутрь, заполняя легкие, раздался полный ужаса визг и булькающий кровавой пеной кашель. Но предплечье сталкера легло куда надо, и теперь сама форма дальних зубов мутанта помогала сталкеру удерживать руку на нужной глубине, не давая крови другого пути, как только внутрь заволакивающихся красной жидкостью легких. Через несколько секунд тело мутанта задержалось, не в силах очистить легкие от заполнивших их крови, пасть, повинувшись рефлексам задыхающегося организма, открылась еще шире, давая возможность человеку извлечь руку. Ходок, словно тень, соскользнул с псевдособаки, которая пыталась встать, но это было уже бесполезно. Быстрый разворот с по-прежнему поднятой к лицу левой рукой, нож прямым хватом возле пояса, готовый встретить следующего. Больше никого. Сталкер снова развернулся к повер-

женному в честной схватке псу и с силой вонзил ему нож в основания черепа, заставив голову рефлексивно вскинуться назад, шире открывая рану на горле. Несколько быстрых взглядов по сторонам, вот он, второй пес, сбивший его с ног, уже перевернулся на живот и полз на выручку своему товарищу, оставляя грязную кровавую жижу и ленту внутренностей на мокрой земле. Ходок поднял автомат, сменил магазин, два выстрела, оба в голову, череп собаки лопнул. Сталкер развернулся, первый мутант тоже наверняка жив, да, вот он, тоже полз на выручку, но остановился. Стоит только задними ногами, грудью на земле, передние ноги не слушаются, экспансивные патроны, видимо, все ушли в горб собаки и разрушили и лопатки, и мышцы, поэтому пес толкал себя только задними ногами, не в силах поднять погруженную в грязь и воду морду. Выстрел, мутант завалился, вывалив язык. Метрах в трехстах нечто закричало гортанно, дико, незнакомо, с яростью и болью. Ходок вскинул автомат, держа перечеркиваемое ливнем пространство на прицеле, отступил к бетонной стене, быстро просканировал местность детектором жизненных форм. Два желтых пятна справа метрах в ста и чуть ближе, похоже что зомбированные, и два ярко красных неподвижных пятна там, откуда пришел звук. Ходок скользнул к замаскированной дверце схрона, отодвинул хитрые щеколды и нырнул в убежище. Мутантам, кто бы они ни были, теперь будет намного сложнее достать его из укрытия, а поскольку завтра по этой тропе пойдет один

или два квада Долга, они не будут держать осаду. Чувствуя, как от адреналина колотится сердце, а в ушах марширует рота солдат, сталкер запер первую дверь, открыл укрепленную вторую, с лючками бойниц, закрыл ее, включил свет, который до сих пор почему-то поступал в это здание, и только после этого достал с полки бутылку водки с четвертью жидкости, раскрутил ее и штопором влил в себя.

– Собаки серые, – выдохнул он, ставя автомат на предохранитель и доставая из ножен охотничий нож, на стыке лезвия и рукояти которого виднелась уже спекшаяся кровь, все остальное успел смыть дождь. – Чуть не испугали...

Теперь ему предстояло переснарядить магазины, очистить нож и себя от крови, перераспределить артефакты, чтобы не стать целью жадного сталкера, дать поработать с полчаса «пузырю», чтобы вывести радиацию, схваченную от предыдущих артефактов, поесть, разложить одежду для сушки и только потом спокойно лечь спать на настоящую, деревянную полуторку с матрасом, стоящую на кирпичках.

Глава 19. День 20. Лютый

ПДА пикнул звуковым сигналом ровно в восемь утра. Хотя Ходок проснулся еще в пять, он с удовольствием поспал часок до шести, а потом, проснувшись, просто лежал два часа с открытыми глазами, наслаждаясь тишиной, чистотой и безопасностью. Это вам не сидеть под дождем и ветром в темноте, прижавшись спиной к холодной железной бочке. Такие схроны, как тот, где он находился сейчас, были редкими в Зоне и, как правило, принадлежали главенствующей организации в данной локации. Даже бандиты оборудовали свои лагеря рядом с такими схронами, дерясь за него в случае необходимости, не считая потерь. Тем не менее, повинуясь сигналу, Ходок скинул простынку и принял сидячее положение, сейчас он находился в одних трусах. Все его вещи были разложены перед ним, почищенные и готовые к применению, а также и к быстрому одеванию в случае необходимости. Нехитрый завтрак из овсянки на сухом молоке, который он приготовил на электрической плите, внушил успокоение и ностальгию. Сейчас он не был тем Ходоком, которым мы его знаем, сейчас он больше был похож на уверенного в правильности своего выбора холостяка, который ходит по кухне в одних трусах и не нуждается в чьем-либо обществе. Благо сама обстановка схрона, расположенного в подвале общежития, имеющего две комнаты, располагала и

давала возможность расслабиться. Поскольку он взял с полки с крупами овсянку, а не использовал свои консервы, он был должен схрону или его обладателям. Чистые продукты с Большой Земли в Зоне большая редкость, и взяв что-либо из доверенного ему места, он обязан был компенсировать это соответствующе. В качестве расчета могли использоваться артефакты, другие бытовые предметы с Большой Земли в хорошем и безопасном состоянии, например точные инструменты, строительные смеси, за счет которых можно было укрепить и расширить в дальнейшем схрон, ну и, конечно, боеприпасы, вода, медикаменты и информация. Неизвестно кто, но кто-то уже притащил сюда несколько мешков цемента, еще немного, и, возможно, схрон обзаведется еще одной комнатой, нужно только будет сломать перегородку в следующее подвальное помещение и заложить другой вход в нее. Но если сталкер не хочет ничего отдавать, он может отдать деньгами в пользу владельцев, шепнув на ушко Бармену. Молчать и затаивать про долг схрону нельзя, сами понимаете, Зона. Хорошенько позавтракав, умывшись, почистив зубы, Ходок хозяйственно прибрал за собой, оставив все в таком состоянии, в котором было до него.

Как только он почувствовал тяжесть рюкзака на спине, вес оружия в руках и накинул маскировочный плащ, он снова превратился в угрюмого сталкера Ходока, которого мы знаем, но его настоящее прозвище в Зоне было Лютый. Именно как Лютого его знали и чествовали, как Лютый он отобра-

жался на ПДА других сталкеров, если у них был его код.

Прозвище Лютый он получил еще в Деревне Новичков. Тогда была мода на хвосты псевдособак, а самих псевдособак в округе практически не было, зато было множество слепых псов, от которых брать особо было нечего, достаточно плотей и кабанов. Чтобы найти псевдособаку, приходилось идти несколько часов от безопасной Деревни на север, минуя редкие, но ужасные для новичка аномалии, кстати, практически не менявшие своих мест от Выброса к Выбросу, и может быть, там, в куче слепых псов, можно будет увидеть и псевдособаку. За хвост тогда Сидорович платил щедро, по тысяче, а паршивенький, разбитый Кехлер-Кох МП5 и охотничий дробовик стоил у него полторы, разбитый, но стреляющий АК-47 стоил от пяти, пистолет ПМ пятьсот-семьсот, а с учетом того, что в сталкеры подавались не от хорошей жизни, предел мечтаний тогда у новичка без клички был подержанный бронежилет и АК-47 с кучей патронов. Остальные задания Сидоровича были либо копеечны, либо слишком опасны. Найденные артефакты, которые выплевывали местные хилые аномалии, были верхом удачи для того, кто смог вытащить его, чуть ли не под аплодисменты свидетельствующих это новичков. Но тогда еще новичок без прозвища с такими же лопоухими товарищами пробовали добывать и плотей, ради их глаз, и кабанов с их копеечными копытами, зачастую тратя больше боеприпасов, чем получая выручки. Тем не менее процесс шел, а вот на псевдособаку, бегающую

в окружении слепых псов, они с товарищами подниматься не осмеливались. Так и наблюдали за ними из-за холма, глядя по очереди в единственный бинокль с треснувшим стеклом, держа холодными руками кто дробовик, кто ПМ, а кто и сыплющий вкривь и вкось МП5. Каждый из этих новичков ждал, что когда-нибудь с Ростка придет бывалый сталкер и заберет с собой пару «отмычек», и тогда они смогут под присмотром великого знатока посмотреть Зону дальше Кордона.

Но однажды новичок без прозвища, доведенный до отчаяния двухмесячной диетой и беспросветностью, взяв оружие, с утра выдвинулся на мельницу, стоявшую недалеко от железнодорожной насыпи. Каждый, кто вышел из Деревни Новичков, знает ее как облупленную. Возле железнодорожной насыпи и небольшого сквозного тоннеля с электрами, соединяющего ее противоположные стороны, водилась приличная стая слепых псов, среди которых и бегала одна псевдособака. План новичка был прост: выманить собак по одной на второй этаж мельницы до тех пор, пока за ним не придет псевдособака. Для этого он, прокравшись на второй этаж по приставленным доскам, скинул все, кроме одной, предварительно привязав ее веревкой так, чтобы можно было затащить ее обратно. Чтобы избежать okazji, он взял два обрезанных дробовика, позаимствовав один у товарища. Пистолета у него не было, а вот охотничий нож был, который он привязал металлическим тросом к правому рукаву куртки. Дело оставалось за малым, выманить псов на себя, но как

это сделать? Местные слепые псы не были особо агрессивными, завидя сталкера, они, как правило, не бросались на него, пока он не приблизится к ним метров на сто, а то и ближе. Мельница же находилась больше чем в двухстах метрах от их территории, и, спрашивается, какой резон псам бежать к нему на мельницу? Тем не менее новичок исправно проорал на них из чердака минут десять, наблюдая, как они лишь иногда поворачивают морды в его направлении. Решив уже, что из его затеи ничего не выйдет, он обернулся и тут увидел карабкающуюся к нему по наклонной доске на второй этаж псевдособаку. Поначалу он растерялся и решил, что видит клыкастую обезьяну, настолько был необычен высокий лоб, низко расположенные уши и приплюснутая спереди морда, но как только мутант залез наверх, он понял точно, с кем имеет дело.

Первый бросок мутант сделал беззвучно, заставив сталкера заорать от ужаса, но, к счастью, он все это время держал оба обреза в руках и рефлекторно вскинул руки в защите, вместо того чтобы направить стволы и выстрелить. Один из обрезов был выбит, а случайный выстрел ушел в шиферную крышу, выбив дыру, второй встал собаке поперек пасти. В ужасе, что мутант вырвет его единственное оружие, парень заорал и отчаянно схватился за торчащий из пасти мутанта ствол правой рукой, по-прежнему что есть силы держась за укороченный приклад левой. Завязалась борьба, в которой мутант вел себя как большой пес, мотающий головой, кото-

рый не хочет отдавать кость мелкому мальчишке, вцепившемся в нее двумя руками, орущему и волочащемуся по полу. Известно, чем бы закончилась борьба, если бы мутант, уже практически вырвав оружие из рук парня, не оступился и не полетел вниз со второго этажа, сталкер, разумеется, последовал за ним, ничего не соображая, одержимый лишь мыслью не отдать оружие. В итоге парень оказался верхом на псевдособаке, держась за приклад рукой, а мутант, на секунду потерявший активность, позволил сталкеру схватиться за нож, который всю дорогу болтался на тросике. После чего сталкер, в ужасе молясь всем богам сразу, начал резать и колоть собаку, вопя нечленораздельное и хаотично ударяя ножом. Мутант заскулил, все попытки вырваться из-под сидящего на нем человека были бесполезны, а брызги ярко красной крови из смертельных ран пропитывали куртку сталкера. Минута борьбы, в которой задача человека была всеми силами удержать мутанта на спине, а у мутанта – вырваться и встать на ноги, и дерущиеся затихли. Сталкер плотно сидел на собаке, обхватив ее ногами, одна его рука вдавливалась почти выплюнутый обрез из страшной пасти мутанта, а другая удерживала вогнанный по рукоять в грудную клетку охотничий нож. Как только собака затихла, новичок, задыхаясь от адреналина, отполз от нее. Еще с десятков секунд он соображал, в чем дело и цел ли он сам. С удивлением обнаружив, что на нем ни царапины, кроме почти литра крови мутанта, он, чувствуя себя неслыханным героем и думая уже

только о том, в каком виде он предстанет перед товарищами, отпилил действительно пушистый и длинный хвост мутанта, побежал известной дорогой в лагерь, где его залитое кровью лицо, одежда и победно несомый в зажатом кулаке над головой хвост псевдособаки дали ему кличку Лютый. С тех пор прошло много времени, молодой Лютый в одиночку, без выстрелов, добыл всех псевдособак в округе, положив еще больше слепых псов, те, кто видел, как он это делал, не осмеливались повторять за ним, все более подтверждая его прозвище. Но когда пришло время, Лютый с несколькими товарищами, научившимися добывать артефакты, не дожидаясь «большого» и «опытного» сталкера с Ростка, сами двинули на Свалку, а затем на Росток. Кордон и его окрестности стали слишком тесны для них.

Теперь же Росток для Лютого был «лагерем новичков». Бесшумно открылась первая внутренняя дверь схрона, один короткий подъем по бетонной лестнице и горизонтальный внешний люк. Сталкер включил ПДА, теперь его можно не выключать вообще, желательно объявить о себе пораньше, чтобы с долговского поста не стрельнули для профилактики. Лютый проверил показатели приборов, электра на месте, а мутантов вроде как нет, но на ДЖФ лучше не полагаться, железно он может определить мутанта на расстоянии в несколько десятков метров. А что такое несколько десятков для хорошего зверя? Но Лютого никто не ждал, и сталкер, замаскировав вход и кинув взгляд на трупы убитых им псев-

дособак, которых ночью попортили плоти, двинулся по проходам промышленного комплекса.

Дорога была известной, стены хранили пулевые отметины от стычек с выдворенными отсюда раз и навсегда бандитами, а мутанты, после того как Долг взялся зачищать маршрут от Ростка до других локаций, избегали устраивать здесь засады, предпочитая места, где их не могут обойти с двух сторон, и подкрепление сталкерам в случае необходимости не сможет прибыть в течение десятка минут. Тем не менее Лютый, помня пару неприятных встреч здесь с кровососами, был очень даже наготове и крался практически до самого ангара, в котором на смотровых ямах в окружении дремавших жарок стояли умершие УАЗики. Посреди засеянной электрами площадки стояла местная достопримечательность – вертолет. Вертолет был достопримечательностью по следующим причинам; во-первых, он принадлежал ученым с Янтаря, которые не успели выскочить из него и были накрыты Выбросом, во-вторых, сами ученые, обращенные в ходящие трупы, вот уже больше года сидели в кабине, раз в неделю меняя положение. Иногда оба были в сидячем положении, прильнувшие к окну, иногда один уходил в салон, иногда разворачивались друг к другу, словно обсуждали что-то. Их ярко-оранжевые костюмы хорошо виднелись через стекла кабины, как они двигались и что служило сигналом к движению, никто не видел, скорее всего, это происходило ночью. Кроме того, с ними должен был быть один военный пи-

лот, говорят, его видели после Выброса в кабине, но затем он куда-то исчез, возможно, не выходит из салона, поскольку выйти из вертолета и покинуть окружающее его кольцо аномалий было невозможно.

Пятна крови на асфальте. Куча стрелянных гильз 5,45. Бурый след крови, ведущий от того места, где стоял Лютый, в сторону ангара со стоящим там на вечном приколе медицинским УАЗом с открытой задней дверцей. Сталкер точно помнил, что задняя дверца конкретно этого автомобиля всегда была закрытой. Нечто либо само уплелось, подраненное, либо утащило туда сталкера. В любом случае это не его, Лютого, дело. На всякий случай держа открытую дверцу машины на прицеле, он не задерживаясь двинулся дальше, до дыры в заборе из профлиста, официально разделяющего границу Ростка и Диких Территорий, до которой оставалось меньше двухсот метров. Вот и дыра, пробитая со стороны Диких к Ростку, так сразу и не скажешь чем, но, говорят, вскрывала железо химера.

Сталкер снял плащ, упаковал его в рюкзак, незачем простому человеку знать о нем. Посмотрел на ПДА, вот на границе восприятия появились зеленые маячки – долговцы. Сысой, Стерх, Шибкий, Хрип – сработанный квад, командир – его давний знакомый по кличке Стерх. Этому кваду он однажды оказал большую услугу, предоставив им информацию о схроне незадолго до Выброса, поэтому для них он как минимум свой. Сталкер аккуратно просунул голову в дыру,

оглядывая то, что находится с той стороны. Все чисто, ровный асфальт, зеленая трава, до самого поста с мешками никаких аномалий. Долговцы сразу помечают аномалии, если они появляются на дорогах общего пользования на Ростке, это здорово облегчало жизнь сталкерам, которые, нагружившись сорокоградусным, склонны шляться по территории, заводя новые знакомства и разыскивая товарищей. Лютый поравнялся с постом, известная каждому броня группировки ПЗС-9Д, с черно-красными шевронами, а вот и Стерх, высокий, сильный долговец, вооруженный СВД, кивнул ему, сдерживая улыбку.

– Здорово, Стерх, – только сейчас чувствуя облегчение, что добрался до Ростка, протянул руку Лютый.

– Здорово, Лютый, рад видеть, – поприветствовал его долговец. – Живой, крепкий? – оглядывая его с ног до головы и видя его в хорошем состоянии, осведомился Стерх.

Другие бойцы квада также подошли к Лютому, крепко пожав руку.

– С хабаром или за чаем? – весело спросил Стерх, отступив на шаг и достав сигаретку.

– За чаем, – улыбнулся Лютый. – Как сами?

– Ничё, нормально, – Стерх затянулся, выдохнув дым сквозь зубы. – Слышь, Лютый, не торопиться? Мож, подскажешь, ты больше нашего Дикую Зону топчешь, заморочка тут одна есть, – Стерх указал пригласительным жестом на мешки с песком, служащие скамейками.

Лютый сел на предложенное место, Стерх сел напротив. Сысой, крепкий мужичок с залысиной, и Хрип, крупный сидящий мужик лет сорока, отвернулись лицом к охраняемому направлению, отсюда можно было различить надпись красной краской на заборе из профлиста, откуда он вышел, «Осторожно!!! Дикая Территория!», а Шибкий встал недалеко сзади и левее от командира, чуть повернувшись к Лютому.

– Чайку будешь? Из термоса, горячего? – предложил долговец.

– Давай, – кивнул сталкер.

Нахождение рядом с этими ребятами никогда не тяготило его. Все они – бывшие сталкеры и лучше бывших военных, вступивших в Долг, понимали, что значит сталкер-одиночка, вернувшийся как минимум из Средней Зоны, да и в целом общее отношение к Зоне и чувство юмора роднило их. Шибкий налил в большую керамическую кружку парящего черного чая. Чай был черный, очень сладкий, с несколькими плавающими чайнками. Лютый с удовольствием, слегка обжигаясь, сделал несколько глотков и кивнул, жестом спрашивая собеседника. Стерх, поняв сигнал готовности, кашлянул, начиная.

– У нас тут следующее дело, Лютый. Уже вторую ночь кто-то нас морит из-за забора. Вон прям оттуда, – Стерх ткнул пальцем, показывая направление, – зовет, по-человечьи, без акцента. На ДЖФ не значит. Думали, излом или плоть, нет,

не похоже. Не дразнится, а зовет, будто выйти не может, просит руку подать или веревку кинуть. Но мы, конечно, туда не лезем, но слушать это каждую ночь, сам понимаешь, невесело. Позавчера по дню наши ходили, нет никого, ни звука, ни следов, понимаешь? – Лютый пожал плечами. Мало ли кто здесь и кого зовет, это Зона. – Но дело-то не в этом, – продолжил Стерх, затянувшись и выпустив струю дыма в землю, при этом Лютый увидел глубокие морщины на переносице, сообщившие ему о тяжелых мыслях бойца. – Вчера мы узнали, кто это. Есть у нас один сталкер, Полтос, вот это его голос, его манера, да и пропал он с Ростка как раз позавчера, ни слова никому не сказал, как раз когда первый раз там кто-то кричал. Да и тут не в том дело, – Стерх нервно выкинул бычок. – Полтос-то как раз вчера подошел к нам, когда мы собирались пойти и в дыру ту заглянуть... Подошел, значит, и говорит, мол, вы, ребята, не ходите туда, я там был, правда на меня похоже, но никого нет, а между тем голос за забором кричит, будто режут, а этот наш сталкер ухом не ведет. Мы его, конечно, скрутили, упаковали до выяснения... – долговец заметно заволновался. – Вопрос. Что за херня? – Стерх выжидающе уставился на сталкера, глаза молили подсказать хоть что-нибудь, Шибкий полностью повернулся к Лютому и даже приоткрыл рот в ожидании. Сысой и Хрип, хоть и стояли отвернувшись, контролируя вверенное им пространство, явно вслушивались в каждый звук беседы.

Лютый уставился в асфальт, пытаясь найти что-либо по-

хуже в своей памяти. Нет, ничего не приходит на ум. Либо Полтос уже не тот Полтос, что пришел сюда с Большой Земли, либо мы имеем новый вид имитатора, что, в общем-то, может быть даже совмещено. В любом случае правильно, что ребята упаковали этого Полтоса до выяснения.

– Там метров двести от забора гильзы стрелянные и след кровью к медицинскому УАЗу. Дверь открыта, если никто не подчистил, то кровенец до сих пор там. Можете проверить, может быть, там и есть ваш Полтос или псевдополтос, – наконец сказал Лютый.

– Что за кровенец?! – встрепенулся Стерх.

– Не знаю. В голову взбрело. Крови много по асфальту размазано. Кровенец, – пожал плечами Лютый, удивляясь интуитивно выбранному названию.

Ох как не хотелось сталкеру, чтобы ребята ходили туда, чует его интуиция, сложна эта короткая дорога от гильз к УАЗику и обратно. Непокойно ему от этой приглашающе открытой задней дверцы машины. Но ведь это их долг, как ни крути.

– Спасибо, проверим, – кивнул Стерх и, дав знак Шибкому, вышел на связь с одним из помощников генерала Воронина.

Лютый допил чай.

– Огнемет с собой возьмите, – сказал он, глядя в глаза должовцу, чувствуя, как интуиция перестает истерить после того, как он сформулировал то, что она пыталась донести до

него.

Стерх серьезно кивнул и дал знак Шибкому, тот тут же запросил дополнительное вооружение. Лютый допил чай и, поблагодарив, отправился в бар «Сто рентген», по пути встретив еще один квад, тащивший ранцевый огнемет, спешивший заменить охрану Северного поста, которая проверит следы, указанные сталкером.

Глава 20. Бар

Вот и Росток, наверное, центр сталкерской жизни, который принадлежит военизированной группировке Долг, сотрудничающей с официальными военными силами, охраняющими периметр Зоны. Как охранялся периметр, было понятно по десяткам вольных сталкеров, постоянно присутствовавших на этой территории, которые приносили и сдавали хабар, отдыхали после ходок, ремонтируясь, подшиваясь, общаясь и собирая группы при необходимости. Регулярно на базе появлялось с десятков военных, два-три ученых. На военных вольное братство не обращало никакого внимания, даже не разговаривало ними. На этой территории официально нет посторонних, да и сами военные не были такими нейтральными со сталкерами, как могло показаться здесь, на Ростке, со стороны.

Лютый миновал несколько пустых корпусов, в которых черными пятнами виднелись остатки кострищ, а вокруг хаотично лежало с десятков матрасов. Пара матрасов возле каждого такого потухшего огня были заняты спящими сталкерами, то ли отдыхающими, то ли пьяными. Куча пустых бутылок из-под водки «Казачи», пустые консервные банки, упаковки от военных пайков, какие-то камуфляжные шмотки, то ли выкинутые, то ли небрежно сложенные, в общем эта картина не менялась никогда. Так отдыхали сталкеры, при-

надлежа самим себе, сбыв хабар, выпив, наговорившись, порав песни под гитару, если было настроение, и теперь спокойно спящие, если не было дел. А дела могли быть разные. На Ростке находилось несколько мастеров по ремонту и усовершенствованию оружия, по ремонту, подгонке и усовершенствованию специальной экипировки, по наладке гаджетов и изготовлению разных хитрых приспособлений по индивидуальным заказам. Со временем сталкер, ходящий в Зону в прибыль, обзаводился уникальным, годным только для него оружием, устройствами, но чаще комбинезоном. Лютый и сам потратил на это немало времени и средств. Миновав спящие тела, кивнув или издали помахав рукой знакомым сталкерам, он, петляя знакомыми улочками, дошел до бара.

В это дообеденное время бар должен был быть почти пустым, те, кто пил ночью, уже спят, те, кто спал ночью, давно проснулся и занимается своими делами, а самые зажиточные сталкеры, которые обедают блюдами от Бармена, вряд ли торопят события и появятся здесь раньше двух-трех часов. Тем не менее, спустившись по известной каждому сталкеру лестнице, сделав несколько поворотов, сдав, как полагается, все оружие стоявшему за решеткой охраннику Удаву, и наконец ступив на дощатый пол помещения, он обнаружил неожиданно большое количество сталкеров, стоящих парами и поодиночке за столиками. Всего семь человек, если не считать Бармена, Козыря и молчаливого охранника, охраняющего вход в подсобные помещения и самого Барме-

на. Сталкер бросил беглый взгляд на посетителей. Ближний столик, типичные сталкеры-одиночки, три человека собрались вокруг столика, ноги четверками, не очень-то доверяют друг другу и не слишком оптимистично настроены, но склонились, встав так, что еще один сталкер станет лишним сразу. На столе нет ни еды, ни водки, лишь пара серых банок энергетика. Скорее всего, планируют ходку чуть дальше обычного, а сюда пришли, чтобы в тишине и спокойствии обсудить ходку. Следующий столик. За столом сидит типичный бомж, с синим носом, грязный, серый, пьяный настолько, что уже не пьянеет, на столе водка «Кзаки» и кое-какая закуска, странно, что он пришел сюда, чтобы выпить, а не употребляет где-нибудь в одном из корпусов на свежем воздухе. Наверное, повезло, подобрал что-либо ценное у трупа и загнал Бармену, потому и не выгоняют, а надо бы. Следующий столик, ну тут понятно, два долговца, близко склонившиеся друг к другу, один сдерживая смех рассказывает что-то скабрешное, а другой давится смехом, хихикая в кулак, на столе распечатанная бутылка «Кзаков», пара консервов, хлеб. Наверняка сделали какую-то подлянку одному из товарищей и теперь в предвкушении удалились в бар, чтобы обеспечить себе алиби. Один из них узнал Лютого и приветственно поднял руку, сталкер кивнул в ответ, хотя не помнил, кто это. Дисциплина дисциплиной, но, видимо, и у Долга свои неуставные моменты образуются. И последний, бродяга, стоит спиной ко всем, чуть сторбившись. Одет неплот-

хо, но видно, что еще свеженький, пряжки на куртке еще матово, по-заводскому, поблескивают, соль на плечах и спине не проступила, следов от лямок рюкзака на спине почти нет. Штаны и обувь тоже примерно в таком же состоянии, разве что левой ногой он прошелся по местной дикой череде, которая воткнула свои семена в грубый материал, и теперь семена постепенно, благодаря своей форме, проникают внутрь. Если вовремя не вытащить, они долго будут блуждать внутри, вдоль кевлара, ища выхода, чтобы проникнуть в тело, и было бы неплохо, если бы тело к этому моменту было уже мертво и послужило удобрением. «Подсказать, что ли? Будет дело, подскажу», – решил Лютый, проходя мимо и мельком заглядывая сталкеру в лицо. И не зря глянул. У сталкера намечался отходняк. Руки начинало неконтролируемо трясти, глаза стеклянные, он весь внутри своих ощущений, лицо бледное, даже не заметил смотрящего на него Лютого. «Посмотрим, начало или конец...» – прикинул мысленно сталкер, подходя к Бармену и здороваясь. Бармен, протирая вечный стакан, также следил за сталкером, борющимся с накатом, да и его охранник на своем посту к подсобным помещениям уже подобрался, готовый пантерой прыгнуть и скрутить сталкера в случае необходимости, если тот потеряет контроль над собой.

– Видишь? – кивнул Лютый на сталкера.

– Вижу, – спокойно ответил Бармен, не отрывая от борющегося с приступом сталкера взгляда, убирая стакан и беря

следующий.

Лютый на всякий случай встал за стойку бара так, чтобы видеть того сталкера.

– Я там схрону должен, сотнюними.

Бармен кивнул и только теперь, словно проснувшись, слегка улыбнулся и включил музыку. Музыка была, видимо, из восьмидесятых, что-то эстрадное, заезженная до неузнаваемости магнитофонная кассета. Что сталкеры нашли, то и притащили.

– Что закажешь, Лютый? – с интересом поинтересовался он.

Лютый был для него сталкером, покупающим дорогие медикаменты, редкое снаряжение, приносящий редкие артефакты и выполняющий сложные поручения. Такой сталкер был необходим Бармену для осуществления и выполнения крупных заказов с Большой Земли, поэтому если другие сталкеры большей частью были кормильцы и добытчики, приносящие честно собранный хабар, то отношения с Лютым были больше служебные, без лишних нежностей и подхалимажа, на которые Бармен был вполне способен если надо, но и уровень доверия был другой. Лютому Бармен доверял многое, полагаясь на него во многом больше, чем на остальных сталкеров.

– Закажу. Давай горячего, что есть, и собери для меня аптечки желтые, штуки две, «душа» на складе имеется?

– Имеется.

– «Души» две. «Бусы», я знаю, есть у тебя, парочку дай. Пси-блокаторов, армейских, экстра, в золоте – четыре. «Золотую рыбку» одну... нет, лучше две. Там комбез мой СПП у тебя хранится, тоже неси, вертлявых для сто третьего давай штук шестьдесят.

Пока он это говорил, Бармен постепенно сходил с лица. Такой набор может брать только тот, кто идет к Исполнителю, а обратной дороги нет в любом случае. На покупку артефактов и дорогостоящих медикаментов Лютый тратил четверть всего заработанного в Зоне. Конечно, все деньги хранились у Бармена, и он прекрасно знал, что Лютый может это себе позволить. Заметно побледнев, а затем потемнев лицом, Бармен удалился. Тем временем сталкера, испытывающего приступ, вроде как отпустило. Он выпрямился и, держась одной рукой за столик, другой растирал лицо. «Ну что ж, крепкий малый, без водки вытянул», – сделал вывод Лютый и теперь уже, не опасаясь, полностью повернулся к стойке бара. Появился Бармен, неся на серебряном подносе бутылку «Журавлей» с тонким искривленным горлышком, два стакана и несколько нарезанных соленых огурцов с местным мутировавшим, но ароматным укропом.

– Может, подумаешь, отдохнешь, а, Лютый? – Бармен жалобно глянул на сталкера, разливая по сто в каждый стакан. – Люкс организую, девочек, там, в точке возле Кордона, все за мой счет, только ты не торопись... – сталкер усмехнулся, поднимая стакан. Водка легко провалилась внутрь, оставив

ощущение легкого жжения, с удовольствием занюхал сладким, пряным запахом укропа, да, ему будет не хватать этого, хрустнул огурцом. – Да ты не торопись, – снова сказал Бармен, опасаясь ответа, доверительно положив широкую ладонь на рукав. – Выпей, отдохни, я пока подготовлю чего надо, потихонечку, по-стариковски.

Бармен лукавил, конечно, он не старик, лет сорок от силы, да и чтобы не отпускать Лютого сейчас, начнет тянуть время со сбором товара сколько сможет. «Ну да ладно, проходили», – провожая глазами сникшую спину Бармена, думал сталкер, переводя взгляд на Ваську Козыря, как тень стоящего всегда практически на одном месте в длинном каштановом плаще до пят, закрывшего лицо в тени глубокого капюшона и сверлящего его оттуда взглядом. «Если Козырь так смотрит, значит у него что-то для меня есть». Лютый взглядом пригласил Козыря к себе, тот приблизился.

– Присаживайся, – указал ему сталкер на стоящий рядом высокий стул. – Выпьешь?

– «Журавлей»? Отчего не выпить... – низким, сипловатым голосом ответил Козырь, по волшебству из рукава доставая свой стакан.

То, что у Козыря всегда был свой стакан, Лютый знал. Козырь пользовался своей тарой не из соображений гигиены, а исключительно в целях безопасности, бывает, что и стаканы в баре становятся опасными. Сталкер народ неграмотный, может принести в бар все что угодно, сам того не подо-

зревая. Лютый налил по сто, разглядывая торговца информацией. Сколько раз он уже видел это грубое небритое лицо с одинаковой длины щетиной, квадратным массивным подбородком, скрытое в тени вечного капюшона, но так и не мог запомнить и создать целого образа этого сталкера. Козырь всегда был скрыт от постороннего взгляда и мог часами стоять в баре неподвижно, становясь чем-то вроде детали интерьера для отдыхающего здесь народа. Выпили.

– Весточка тебе есть, от Безрукого, – сказал он, глядя перед собой, словно школьник, выучивший текст.

У сталкера похолодело в животе, он и не хотел думать о чем-то подобном, ни одного безрукого он не знал, а тот, кто был безруким, не мог передавать вестей. Видимо, что-то скользнуло по его лицу, потому что взгляд Козыря неожиданно подвижно переместился на лицо сталкера, окатив его холодной волной презрения и суждения, глаза их встретились, что-то животное было во взгляде Васьки Козыря, он будто бы видел такой взгляд уже где-то... но где? Впервые он увидел нечто, что можно было запомнить о торговце информацией, но это нечто, встретившись взглядом с Лютым, тут же погасло, спрятавшись внутрь, и он снова стал безликим.

– Безрукий сказал, что безруких в Зоне скоро станет двое.

Сказав это, Козырь встал и удалился на свое место, став след в след где стоял до этого. Лютый поймал себя на мысли, что, наверное, не удивился бы, если бы из-под полы плаща у Козыря он увидел пушистый хвост псевдособаки. «Ах вот

оно что!!!» – вдруг дошло до Лютого, он вспомнил, где видел такой взгляд. Точно такими же животными глазами на него десятки раз смотрели псевдособаки всех мастей, когда он выходил на них с ножом в одной руке, каждый раз побеждая в честной схватке. «Но как это возможно?! Козырь – мутант?» – растерянно, не отрывая взгляда от сталкера, думал Лютый. Что-то зловещее носилось в воздухе над ними обоими, опасность над Лютым и какое-то дикое, враждебное веяние, которое он чувствовал, словно находясь в глубокой Зоне, от торговца информацией. «Угроза?! – Лютый взорвался внутри. – Какой-то мутант, смеет смотреть на него сверху вниз?! Кто ты такой, сука? – глядя на него потемневшим от ярости взглядом, думал Лютый. – В глаза мне гляди, падаль!!!» – всей душой кричал сталкер, от заполонившей ярости не чувствуя собственного тела, испепеляя огнем глаз Козыря. Но тот снова вошел в свое обычное непроницаемое состояние, хотя сталкер почувствовал животный, собачий страх, исходящий от этого существа.

Посетители бара неосознанно тоже заметили изменение атмосферы, звуки стихли, наступила тишина, даже кассетный магнитофон вдруг поймал затертую дорожку и тихо шипел, не в силах произвести звуки. Вошел Бармен, влюбленно глядя на сталкера и неся большую тарелку мяса, щелкнул найденной дорожкой магнитофон, снова послышалась какая-то мелодия, сталкеры вышли из оцепенения, вернувшись к своим делам.

– Шашлычок из кабанятинки... – глотая слюну, торжественно произнес Бармен. Шашлыки из местного зверя он делать умел, это знали все вокруг, и каждый сталкер считал делом принципа отведать шашлык от Бармена, это даже было своего рода крещением в хорошем начинании сталкерского ремесла.

Но Лютый на то и был Лютым, что терпеть не мог недосказанностей, легко и яростно вспыхивал, и если дело касалось принципа, шел до последнего, не щадя ни себя, ни тем более неприятеля. Шашлык, снятый с шампуров и выложенный в тарелку, еще шкварчал жиром и жаром, изумительно пах мясными соками и зеленью, прикрытый несколькими крупными ломтями местного серого, но свежего хлеба.

– Бармен, собачатина есть? – негромко спросил Лютый, поманив пальцем Бармена.

– Есть... – растерянно ответил Бармен, опешивши от такого вопроса.

Бармен делал шашлык из всего, использовал ли он при этом артефакты или нет, Лютого не касалось, наверняка да. А собачатину, точнее вырезки из мяса слепых псов или более ценное и редкое мясо псевдособак, он долго отмачивал, приводил в кондицию и держал для особых клиентов, изредка жалующих сюда с Большой Земли.

– Неси, – грозно, но тихо распорядился Лютый таким тоном, что Бармен чуть не подпрыгнул на месте.

Минут через двадцать Бармен внес другой шашлык в ма-

ленькой чашечке, узкие бледно-серые полосы, пахнущие тмином и травой, и растерянно поставил его перед сталкером. Сталкер успокоил в себе kloкoтaвшee, жгущee чувство ярости и гнева, теперь это место было занято холодной пустотой отмищения, холодной настолько, что могло потушить не один десяток жизней, прежде чем хозяин согласится упаковать его на место. И пусть говорят, что Васька Козырь – человек, пусть из бывших бандюков, для Лютого он мутант, самый настоящий мутант из глубокой Зоны. Лютый взял вилку, медленно насадил кусок собачатины и неотрывно глядя в глаза Козырю начал есть, смакуя, кусочек за кусочком, не отрывая взгляда, вглядываясь в изменяющиеся черты лица торговца информацией. Бармен, оробев, отступил на шаг, видя, что что-то произошло в его отсутствие, но не имел решительности окликнуть или дотронуться до Лютого. Про такого Лютого он слышал от других сталкеров, но впервые видел это воочию. Воистину те, кто говорили, что Лютый убивает мутанта, еще не вступив с ним в бой, не договаривали и половины.

Снаружи было не видно, но сталкер чувствовал, как у Козыря по-собачьи начинают дрожать колени, деланный взгляд удерживается неподвижно лишь титаническими, но тщетными усилиями, и вот оно, ощущение, когда псевдособака лежит под тобой, вцепившись зубами в карбон левой руки, задние зубы сами удерживают рукав на месте, ноги плотно обхватили брыкающееся и извивающееся собачье тело, перед-

ние лапы мутанта зажаты в подмышках, теперь надо вытянуть пса вдоль, используя свои мышцы спины и ног, достать нож и воткнуть его в основание треугольника нижней челюсти, перекрыв дыхательное горло стальным клинком, и, двигая против движения головы собаки, разрезать обе артерии. Лютый, поддавшись ощущениям, привстал, держа вилку, в эффективности которой можно было не сомневаться, Козырь вздрогнул и вдруг, как будто уменьшившись, обошел сталкера вдоль стенки и покинул бар. Лютый выдохнул. Да, однозначно, торговец информацией – мутант. Бармен, у которого редкие волосы на голове встали дыбом, расширив глаза, не дыша смотрел на Лютого, остальные сталкеры делали вид, что ничего не произошло, только немного отсели от эпицентра ярости, стараясь поддерживать разговор.

– Что случилось, Лютый? – выдохнул побледневший Бармен, неуверенной рукой нащупывая стакан и наливая себе «Журавлей».

– Весточку мне передали... нехорошую... – задумчиво ответил сталкер, глядя в направлении выхода, куда ушел передавший. – Жесткое мясо у тебя, Бармен, – откладывая собачатину и придвигая к себе шашлык из кабана, прокомментировал сталкер.

– Так ты ж ее не заказываешь никогда, я побыстрее, с морозильника, – засуетился Бармен, – если бы я знал, я бы заранее...

– Нормально все. Козырь твой – собака, с мутантами як-

шается, проверь, – перебил его сталкер. – Давай, Бармен, за тебя, – поднял стакан сталкер.

Глава 21. День 21. Дрожь земли

Ну вот и миновал день. Лютый открыл глаза по обыкновению в пять часов, глядя на переливы на потолке от дешевого артефакта «капля», светящего рассеянным синим цветом. Вещи были собраны и упакованы вчера еще с вечера. Комбинезон СПП-99 «Эколог» для Туриста, двойной набор артефактов на выносливость, регенерацию, пси-защиту и защиту от металлов с большой скоростью. Бармен в течение вчерашнего дня несколько раз подходил к сталкеру, все пытаясь завлечь в разговор с целью остановить его от похода к Исполнителю, но тщетно.

Сталкер встал, оделся, проглотил подготовленный с вечера и, само собой, остывший завтрак из большого количества овсянки, пересыпанной сахаром, насильно запихивая в себя еду. Дело было приятным только до середины, но ничего, организм потом спасибо скажет, когда придет время. Еще раз проверил надежность шнуровок берцев, навесил заметно распухший рюкзак с двумя свежими «золотыми рыбками», которые дали ему облегчение почти в двадцать килограммов. Все равно тяжело. ПДА щелкнул пять тридцать. Пора. Сталкер, выпив холодного чая, вышел, закрыв за собой дверь. Оружие получил на выходе из бара и поднялся наверх под накапывающий дождь и серое небо. Теперь надо было рвать до Мертвого Леса, и если он прав, а он прав,

то Безрукий, тот излом, чей аномальный плащ он носит до сих пор, выследил его, и то нападение псевдособак не было последним. Просто излом не подозревал, что сталкер будет настолько сильным соперником, а может быть, это одна из многочисленных поисковых групп? В любом случае количество мутантов в его армии будет больше.

Вчера он старался не думать об этом, решив пережить с нерешенным вопросом ночь, чтобы наутро мозг, сделавший свою работу, доложил о результатах. Теперь с утра можно было вернуться к этому вопросу. «И как он не издох без рук-то?» – думал Лютый, шагая по корпусам Ростка, в которых на матрасах, накинув на себя плащи, а кое-где расставив палатки, спала сталкерская братия. «Наверное, псевдособаки и слепые псы его кормят, а он их, стало быть, друг, и теперь они одна стая... Безруких будет больше... Это что же, он мне руки оторвет и жить оставит? – думал Лютый. – Нехорошо». Тягостное ощущение беды уже поселилось в душе сталкера, и теперь он чувствовал только один выход избежать пророчества, это обойти Безрукого и его псов и первым дойти до Монолита. Но как это сделать? До Мертвого Леса в лучшем случае сутки ходу без сна и отдыха, плюс минус другие мутанты, вероятность встречи с которыми всегда высока.

Тем временем корпуса кончились, впереди обозначился блокпост, перед которым маячил квад Долга. Штырь, Иван, Котелок, Звонкий, этих долговцев он тоже знал. Веселые крепкие ребята, тут вся четверка бывшие военные, остались

в Зоне после службы по убеждениям. Лютому больше нравились не их убеждения, согласно которым даже некоторые чистые сталкеры становились мутантами, а сколько сплоченность этого коллектива. Остановился, поздоровался. Если где и надевать на себя плащ и все остальное, то только здесь, дальше безопасных остановок не предвидится. Лютый растегнул клапан рюкзака, достал плащ, накинул, стараясь не запахиваться, чтобы не проявить его свойств. Достал «лунный свет», прикрепил на пояс, еще несколько артефактов в контейнерах распихал по карманам, чтобы проще было их вставить в ячейки в экстренном случае. Долговцы молча следили за его приготовлениями. Вынул и проверил магазин АК 103-го, снял с предохранителя. Глянул на долговцев. Они видят его последний раз при любом раскладе. Был Лютый в Зоне и нет его, ушел в дождь. Развернулся, собрался, пошел. Все, лафа кончилась, он в Зоне.

– Удачи, Лютый! – крикнули ему вслед.

Силуэт сталкера растворился уже через пару десятков метров, как только он запахнул плащ и надел капюшон, словно кровосос, вызвав недоуменный возглас одного из бойцов позади. «И вам удачи», – мысленно пожелал им сталкер, но ничего не сказал вслух. Безрукий излом со сворой ждет его, проклятый Васька Козырь работает на оба фронта и наверняка донес, ну что же... его клинок заточен на славу. Хватит чтобы подавиться каждому псу Безрукого.

Дыра в заборе, за которой Дикая Территория, и еще бо-

лее густой дождь, такое бывает, территория Зоны делится не только по квадратам, но и по климатическим отклонениям, есть места где жарко, есть где холодно, но в целом равномерно размазано и смахивает на осень. Аномальная энергия, струящаяся из центра Зоны, не дает климату Большой Земли надолго поселиться здесь, диктуя свои законы... свои законы. Вот то место, где лежала куча гильз и еще вчера утром был след от крови. Гильзы все еще лежат, правда меньше, крови не видно, зато тот бокс, где стоял УАЗик, здорово пострадал. Автомобиль сдвинули с места, и он сгорел, оставив черный накрененный остов. По стенам отпечатки человека, как будто его измазали сажей и долго прикладывали к стенам, какое-то обгоревшее тряпье, много тряпья, целая куча... Лютый не задерживаясь прошел мимо, как теперь он чувствовал, чистого места. Уработали нечисть и славно. Теперь это снова знакомые пустые корпуса.

«Стоп! – скомандовал сам себе сталкер. Легкое перемещение под усиливающимися струями дождя. – Пovyползали, гады». Лютый взял на прицел силуэт кровососа, вышедшего в дождь в утренние сумерки. Кровосос мутант опасный, быстрый, крепкий на рану, бесшумный и невидимый, если глаз не наметан, а ведь только вышел с Ростка. «Хоть охрану зови», – подумал сталкер, но знал, что они наверняка не придут, несмотря на то что сюда от них три минуты рысью. Драться с ним ему не хотелось, а обходить пока не было возможностей, чуть подальше начнутся брошенные вагоны,

площадка с вертолетом и зомбированными учеными, корпуса с горячими пятнами, множеством лестниц и свободных проходов, а пока нет ни одного обходного пути. Придется ждать. Сталкер мысленно плюнул, присел на корточки, разглядывая смещение струй, разбивавшихся о плечи кровососа. Тот вышел из режима невидимости и словно заведенный бродил у снятой с ЗИЛа зеленой будки-теплушки с все еще читаемой, но приобретшей второй смысл надписью: «Осторожно, люди». Несколько минут кровосос двигался как заведенный строго по одному и тому же маршруту, пять шагов в одну сторону, разворот и пять шагов в другую, шаг крупный, мутант килограммов под сто – сто двадцать, вот он застыл и пригнувшись вошел в будку. Лютый не видел, что он там делает, но доверяя интуиции решил, что кровосос делает то же самое, меряет шагами будку, стало быть время, чтобы проскочить мимо будки, держась той стороны, откуда мутант его не увидит, должно быть. Сталкер подобрался и медленно, стараясь делать все плавно и тихо, побрел по асфальту, через лужи, в которых виднелись словно пластиковые прозрачные резиновые мячи миниатюрные «трамплины». «Мелочь, а неприятно», – прокомментировал себе сталкер. Такие прыгунки убить не убьют, но ногу отобьют точно, еще и сломать чего могут. Вот и будка, сталкер прислушался, еле слышно босое пошлепывание, если бы он не знал, что внутри кровосос, он бы принял эти звуки за крупные капли дождя по луже. Автоматически включаем безразличие к буд-

ке, направляя внимание дальше, и проходим. Будка осталась позади, а Лютый, полагаясь на чутье, не оборачиваясь пошел дальше и, только свернув за угол, выпрямился и, целиком забыв про мутанта, двинулся вперед.

Еще сотня метров по асфальту и десяток аномалий, красиво подсвечивающие сами себя электры, обрисовывающие себя гравитационки, едва заметные небольшие жарки, уменьшились и берегут силы, вон перекачивается возле стенки неплохой артефакт «огненный шар». Красно-коричневый, лакированный, тяжелый, но словно пустотелый, подрагивающий в такт попадающим на него каплям. Лютый прошел мимо. Вот и площадка с вертолетом. Зомбированные чудаки ученые на этот раз, видимо, поссорились, сели каждый к своему окну, повернувшись друг к другу спиной. Один подпер голову, другой увлекся чем-то на панели приборов. Неподвижны, но кто знает, может, у них сейчас самый интересный диалог за все их существование. Интересно, сколько они еще будут тут торчать? Зомби-долгожители...

Сталкер прошел дальше. Вот и пошли нехорошие вагоны, со временем начинаешь чувствовать, где хорошо, а где плохо, как слепой пес. Вон тот вагон явно кем-то занят, конечно, не видно, не слышно, да и не опасно вроде, может, мелочь какая-то. Брошенная винтовка ТРС-301, свежая, хорошая. Ну все, тут начинается многоходовое пространство. Везде укрытие, везде обход, но кое-где сюрприз. Лютый крался, всмат-

риваясь и изучая десятки метров впереди себя. Вот зомбированный, лежит, упав грудью на металлическое ограждение небольшого депо, сзади дырки. Значит, успокоенный. Лютый на всякий случай проверил ДЖФ. Так и есть, успокоенный, пара зеленых огоньков впереди, на выходе. Сталкеры? Да. Тоже движутся по его маршруту, что ж, хорошо. Лютый погасил ПДА и уверенно двинулся к ранее замеченным маячкам, он будет идти по их следу, экономя силы, но оставаясь вне их поля зрения, ДЖФ вряд ли возьмет его, плащ излома, как ни странно, экранировал даже тепло, но не перегревал организм. Минут через десять он нагнал их на желаемой дистанции, пристроившись метрах в двухстах. Отсюда он мог без проблем замечать, как и где они обходят встречающиеся аномалии, в то же время будучи уверенным, что даже обернувшись и глядя на него в упор, идущего следом, они не смогут различить его. Пока оба сталкера шли на север, что совпадало с его направлением движения, они волей-неволей служили «отмычками», кто они были, Лютый знать не мог, для этого нужно было включить ПДА, и этим он даст знать всем, кому он нужен, где он находится, что в корне не совпадало с его планами.

Промышленный сектор закончился, и потянулась долгая тропа Дикой Территории, с частыми опушками, плавными, скрывающими горизонт покрытыми травой холмами, внезапно появляющимися брошенными грузовиками, строительными плитами, равно как и вольготно чувствующими

себя здесь мутантами, от химер до тушканов. Лютый поднял голову вверх, несколько ворон кружилось над идущими впереди сталкерами, затем они сорвались и полетели чуть впереди них. Лютый остановился на пригорке. Совершенно нехорошая картина. Эти единственные птицы, обитающие в Зоне, не летают над сталкерами, они летают над трупами либо над идущими на убой в бандитские или сталкерские засады – будущими трупами. Достал бинокль, оглянувшись, залег, присматриваясь к лежащей перед сталкерами тропе. Все тихо, спокойно, ни подозрительных нагромождений, ни крупных строений, но один ворон сделал круг над лежащим справа от идущей пары холмом. Лютый перевел взгляд туда, наводя четкость. «Твою за ногу!» – мысленно выругался он. На пригорке, едва заметно в дожде, пропуская сталкеров мимо себя виднелись спины псевдособак, зная, что человек может засечь их, если они будут двигаться или слишком выделяться от поверхности земли, мутанты лежали, расположившись на равном удалении друг от друга, прикинув к земле. Их темно-серая, а у некоторых песочная окраска прекрасно маскировала их. Наверняка впереди была другая группа, а эта была группа отсечения. Огромные псы, наделенные способностью телепатического влияния, никогда не собирались в стаи, предпочитая монархическое управление более примитивными слепыми псами, не подчиняясь даже контролеру. Вероятно, контролер мог бы удержать и управлять двумя-тремя такими особями, но постоянная телепати-

ческая борьба псевдособак с хозяином была бы постоянной, а хорошо организованная стая могла быть только при их согласии, подчиняясь кому-то, чей авторитет был бы для них действительным. Лютый вспомнил того самого излома, в чистом нательном белье, умиротворенное, даже одухотворенное лицо, полное отсутствие признаков жизни, по крайней мере пока Лютый не вложил ему в руки по гранате без кольца. «Вот твоя свита, Безрукий... – пересчитывая со своей возвышенности спины мутантов, думал сталкер. – Я тебя понял». Сталкер, пригнувшись, развернулся и взял восточнее, дальним крюком обходя мутантов. Он был уверен, такое количество псевдособак обязательно найдут его след, раз Безрукий уже знает о его выходе, но и Лютый может играть, и не надо недооценивать сталкера.

Через пару минут, как он сменил направление, послышался спаренный автоматный треск. Затем на секунду синхронная смена магазинов и треск уже только одного ствола, заглухший едва начавшись, затем дикий, полный боли человеческий крик, один голос, затем второй. У Лютого похолодело в животе. Излом ошибся, он взял не тех сталкеров, но, по-видимому, не отменил своего наказания. «Как скор ты на расправу, Безрукий», – без иронии оценил сталкер. Ему совсем не нравилась мысль, что люди пострадали по большому счету из-за него, но мало ли кто из-за кого страдает, что здесь, что на Большой Земле. Зона не любит любителей и соплей, она считается только с профессионалами, сталкерами, дела-

ющими то, что задумали, любыми средствами, сколько бы сил и времени это ни заняло. Лютый перешел на быстрый шаг, полностью отдавшись чутью. Отсюда если взять на Восток, через полкилометра начнется длинное и полное гравитационных и электрических аномалий направление, начало обиталища тяжелых псевдогигантов, заканчивающееся глухой стеной электр и воронок. Псевдогиганты сравнительно легко переносят разовые электрические разряды, а вес помогает не поддаваться гравитационным аномалиям. Вкупе с многочисленными заполненными дождевой водой оврагами и обилием растительности, эти бронированные мутанты чаще всего встречались там. Иногда сталкеры ходили промышлять там артефакты, но для этого нужно было иметь железные нервы и терпение, как у камня, чтобы дожидаться, когда та или иная туша уйдет подальше от аномалии, в которой может быть артефакт. Для Лютого медленная реакция, недостаточно острое зрение и недостаточное внимание псевдогигантов было на руку. Стрелять в одиночку в них было самоубийством, а вот позарившаяся на их территорию стая псевдособак обязательно вызовет защитную реакцию, и, если повезет, то вся стая вместе с Безруким завязнет или сгинет, последовав за ним. Псевдособаки найдут его след самое большее через полчаса, затем вся его свита двинет по следу, это сталкер понимал. Вряд ли Безрукий будет ждать следующих сталкеров, Васька Козырь наверняка слышал приказ Лютого и понял, куда тот пойдет.

Территория псевдогигантов начнется от «мокрых ворот», так в ПДА значились две большие не пересыхающие цветные лужи, поросшие камышом, в которых водилось невесть что, а за ними, постепенно сгущаясь в плотности аномалий, начиналась дорога к тупику. Вот и «мокрые ворота», разметанные останки сталкера, только амуниция и поржавевший АК74, но и еще кое-что. Втопанная в грязь граната Ф1, это хорошо. Лютый достал из своей разгрузки темно-зеленую леску, не перенося гранату со своего места установил растяжку. «Привет Безрукому». Излом поймет намек, пусть придет в ярость, Лютый посмотрит, на что это похоже. В камышах что-то мелькнуло, мелкая плоть, кося большим глазом и лояв носом воздух, тянулась к сталкеру, находясь метрах в тридцати от него. Вряд ли она его видела, наверное, услышала и учуяла, но ничего, лишь бы на растяжку не поперлась. Сталкер, проверив натяжение лески, один конец которой привязывался к разорванному и вросшему в землю бронежилету, а другой через рычажок к почти вытащенному кольцу гранаты, встал, не обращая внимания на мелкую плоть, и пошел дальше. Видимо, он переоценил свойства своего плаща или недооценил гибкость ума плоти. Она заметила его, очевидно, на фоне неба, глядя снизу вверх. Мало того, что она заметила его, она оценила его состояние как недоступное ее кривым и узким клешням и заорала, как это умеет делать мутировавший потомок свиньи. Громко, пронзительно, задерживаясь по несколько секунд на одной ноте.

Сзади послышался всепроникающий ответный вой псевдособак.

– Сука! – крикнул на плоть Лютый, ища глазами камень, чтобы запустить в ее мерзкое, осклизлое рыло, покрытое серыми пятнами грязи или болезни.

Но та, почувствовав угрозу, тут же исчезла в камышах. Не задерживаясь, сталкер двинул дальше, вот они, первые аномалии территории псевдогигантов. Все однообразные воронки, «птичьи карусели», простые электры, одного размера, проход между ними по двадцать-тридцать метров. «Вперед», – скомандовал сам себе Лютый, несмотря на то что умом понимал, в какое положение загоняет себя. Мелких «жадинок», «изнанок», «зыби» можно было не опасаться, здесь их отродясь не было, конечно, все меняется, но будем надеяться, что не сегодня. На всякий случай Лютый присмотрел пару следов псевдогиганта посвежее и двинулся по ним. Тут, конечно, нужно было быть поосторожнее, тяжелый мутант проходил очень близко к гравитационным аномалиям, поэтому чтобы уравнивать его и свои возможности проходимости, сталкер прикрепил к поясу «грави», красивый желто-коричневый, словно пересыпанный внутри золотым песком артефакт, секунду подумав, он вставил второй, а затем и «пузырь» для нейтрализации радиации и от артефактов, и от имеющихся здесь горячих пятен. На поясе еще оставалось еще несколько ячеек. Минуты шли, сталкер уверенно шел по следам псевдогиганта, а псевдособаки, интуитивно

привлеченные воплями плоти, наверняка нашли его след и теперь, возбужденно уткнув свои куцые уродливые морды, ведут его. Лютый часто ловил себя на том, что в мыслях опережает происходящее на секунду или две, главное не отмахиваться от того, что вдруг привлекает твое внимание. Вот и сейчас, подумав о растяжке на пути преследующей его стаи, он услышал взрыв, несколько визгов, один из которых выдавал смертельную рану, и дружный вой мощных глоток. «Надо было воткнуть пару гранат», – запоздало пришла досадная мысль. Минут десять у него еще есть. На ходу прикрепив конец лески к какой-то торчащей палке, он прошел с ней метров десять и прикрепил к толстому корешку от травы. Пусть это пустая леска, но теперь свора притормозит, ища пути обхода, а это еще минута. «Где же этот псевдогигант», – нетерпеливо оглядывая доступное взору пространство, думал сталкер, на псевдогиганта у него была свой план.

Теперь он перешел на бег. Гравитационные аномалии, которые могли бы здорово напугать или рывком затащить другого сталкера в свое лоно, лишь слегка прижимали, тянули или выталкивали Лютого, отталкиваемые гравитационными полями одноименно природы, создаваемые артефактами «грави». Еще одно узкое место. Сталкер снова привязал пустую леску, но на этот раз там была гайка, на всякий случай. Кусок металла, хранящий запах руки человека, для псевдособак будет предупреждением. Ну вот наконец сначала послышался, а затем и показался и обладатель следов.

Крупный серый псевдогигант-самец нежно курлыкал, призывая самку. На голове ровно посередине от широкого лба до затылка, к которому без намека на шею прирастало тело, тянулась красная безобразная нашлепка, рудимент от прародителя, курицы. Стало быть, это самый что ни на есть петух, а красная нашлепка – гребень, который становится красным только в период размножения, от зашкаливающих в крови чудовища гормонов. Сейчас эта особь на пике своей силы и агрессивности, что ж, Лютому это на руку. Псевдогигант стоял к нему спиной, воинственно растопырив короткие ручки, тупо переваривая свое агрессивно-романтическое настроение, изредка бестолково перешагивая, чтобы сменить сектор направления своего призыва. Сталкер тенью проскользнул в двадцати шагах за его спиной, и вовремя. Идущие по следу псевдособаки, на удивление долго не подававшие голоса, подали его разом, заставив трехтонную махину перестать петь свои романтические баллады и развернуться в их направлении. К этому времени Лютый снова был за его спиной, но теперь псевдогигант стоял между ним и преследователями. Сталкер бесшумно устанавливал растяжку, используя одну из двух имеющихся у него собственных гранат. Растяжка получилась метрах в пятнадцати за спиной псевдогиганта, и Лютый поспешил разорвать дистанцию, быстро отдалившись еще метров на тридцать. Проверил фон, ПДА и ДЖФ, теперь можно было не стесняться, что его обнаружат, а лишняя помощь, если вдруг рядом будут сталкеры, не по-

мешает. Снял рюкзак, залег, глянув, чтобы под ним не было никаких камней или железа, приготовил автомат. Первые ряды псевдособак выступили на пространство перед псевдогигантом. Страшные, не темно-серые или желтые, которых он видел на холме, а черные, облезшие, с уродливыми приплюснутыми, словно ударились с разгона в стену, мордами.

Когда-то он купил у того самого Козыря несколько невоскрытых файлов из ПДА ученых, в которых была информация, что в Рыжем Лесу есть определенные участки с повышенной плотностью мутационной биомассы и зашкаливающим фоне аномальной энергии. Нечто вроде биологического резерва Зоны. Тогда он отмахнулся от приводимых цифр и описаний, но сейчас, видя незнакомый, почти черный окрас псевдособак, вспомнил и склонен был поверить, что эти твари определенно отличаются от обычных псевдособак, такой глубокой Зоной веяло от их вида, как будто они прибыли из чистилища, где никогда не бывает солнца. Первые мутанты, низко пригнув голову, твердо встали перед псевдогигантом, устрашающие рыки сливались, постепенно все новые и новые твари выскакивали на поляну, среди которых начали появляться и более светлые спины их собратьев. Лютый знал, что сам по себе псевдогигант не отступает ни перед кем, а если наступает период размножения, то его агрессия достигает пика, когда даже ни в чем не повинная рошица может быть вытоптана и изломана пришедшим в неистовство мутантом. Но другое дело пси-атака, тут непомерно мутировав-

ший потомок курицы был бессилен. Рычание собак сливалось в один гул, и Лютый физически чувствовал, как волна, исходящая от них и направленная на псевдогиганта, ударяет его в грудь. «Быстрее, цветок», – мелькнула мысль. Сталкер распаковал и вставил «каменный цветок» в пояс, где через проводящие свойства артефакта материалы, которыми был прошит весь комбинезон, он покрыл своим полем человека. Но у псевдогиганта не было никакой защиты от пси-вмешательства, кроме тугоумия. Он попятился назад, не в силах ни зарычать, ни огрызнуться, несмотря на то что его пропитанный гормонами мозг требовал другого.

– Ты что делаешь? – не сдержавшись, растерянно прошептал сталкер. – Дерись, топтыга, они же у тебя дома!

Но шепот не помогал. Псевдогигант медленно сдавал позиции, пятясь на растяжку. Псевдособаки использовали единственный вариант справиться с монстром. Даже если бы они гурьбой в двадцать с лишним голов накинудись на него, они смогли бы лишь клещами повиснуть на его десятисантиметровой в толщину коже, попортить короткие передние конечности, но не более. Шеи у него не было, а кости слишком широки и прочны даже для их пастей, даже если бы им удалось свалить его, они потратили бы много времени, чтобы спустить с него шкуру и добраться до жизненно важных органов. Мутант продолжал пятиться под натиском псевдособак, а те выстроились шеренгой, опустив голову двигались на него, и после каждых двух шагов собак гигант отступал

на шаг. Бой был проигран, они просто прогонят гору мяса и доберутся до Лютого, это было очевидно. Сталкер, понимая происходящее, помрачнел. «Жаль, Турист, не выручил я тебя... брат, держись, не поминай лихом, – мрачно думал он, пристегивая нож с тросиком и карабином к специальному кольцу на рукаве. – Мои руки при мне, излом, и будь я проклят, если достанусь тебе живым! Начали!» – скомандовал он сам себе, чувствуя прилив того, из-за чего его называли Лютым. Скинул аномальный плащ, теперь он больше не нужен, и встал перед псевдособаками во весь рост, держа их в прицеле автомата. Дальше произошло несколько событий одновременно. Собаки увидели внезапно появившегося перед ними сталкера, ослабили внимание на псевдогиганте, псевдогигант, вплотную приблизившийся к растяжке, последним шагом, одновременно с появлением сталкера, выдернул чеку. Раздался взрыв. Псевдогигант получил лишь несколько доставивших ему не более чем неприятное жжение осколков, один осколок прилетел в грудную бронепластину сталкера, оставив в ушах звук металлического щелчка смерти, но самое главное было в том, что собаки вздрогнули от взрыва, показав куриному мозгу гиганта, что и эти твари могут бояться. Мутант взревел, словно разом включили несколько сирен и паровозный гудок, его опутанный ментальным давлением мозг вырвался на свободу. Момент – и одна из ног псевдогиганта задралась почти вертикально вверх, следующая секунда уплыла из памяти Лютого, он, ко-

нечно, был готов к такому повороту, но к кинетическим ударам этого монстра невозможно было привыкнуть. Мир потускнел и расплылся, земля, безумно подпрыгнув, ударила сталкера снизу. Он, получив удар по ногам, словно огромный кузнец чиркнул по пяткам кувалдой, упал, больно ударившись об землю. Упал, но тут же встал на четвереньки, стремясь встать на ноги. Конечно, земля не могла подпрыгнуть и ударить, но кинетическая волна той же природы, что и телекинез бюреров, полтергейста, горизонтально уходя от эпицентра, превращалась в вертикальную, столкнувшись с одушевленным или неодушевленным препятствием, создавая ощущение, что сталкера сбросили со второго или третьего этажа. Собаки были в пяти или десятке метров от псевдогиганта, Лютый же находился в тридцати, сложно представить, какой силы удар приняли псевдособаки. «Добивание», – мелькнула мысль у сталкера. Он знал, что псевдогигант после первого кинетического удара использует второй. Первая призвана сбить противника с ног, обеспечив больший контакт тела с поверхностью земли, а вторая кинетическая волна большей силы должна полностью войти в тело противника и разбить его, сломать кости и разрушить внутренности. Опережая приход волны на долю секунды, сталкер успел оторвать тело от земли, но руки все еще касались земли. Следующий удар приложил его об землю полностью, отбив обе кисти, разбив нос и губу, гудели колени. Сил встать второй раз так же быстро, как и первый, уже не было, но Лю-

тый, понимая, что от этого зависит его жизнь, сделал все что мог. К счастью, псевдогигант не стал бить в третий раз. Выливающиеся перед ним псы со страшными переломами конечностей выдыхали и жизнь, и внутренности. Сморщившись от боли, сталкер еле слушающимися руками достал артефакт «душа», скрипя зубами, схватился за него, прижавшись еще и лицом, для ускорения эффекта. А псевдогигант, грозно рыкнув, устремился к тому месту, куда отступили остатки псевдособак из тех, кто еще мог ходить. Теперь он будет долго и упорно преследовать их, пока не перебьет всех, либо прогонит так далеко, насколько будет это считать нужным его мозг.

Ну что ж, Лютый выиграл. Да, он так и не увидел Безрукого, но сейчас наверняка и Безрукий не захочет встречаться с ним. Действие «души» было моментальным, кисти перестали болеть меньше чем за минуту, кровотечение из носа и губы остановилось практически сразу. Болели колени и ступни, но и тут через несколько минут все прошло. Облегченно вздохнув, почувствовав прилив сил, сталкер поцеловал артефакт и убрал его в контейнер, затем накинул плащ и двинул к месту побоища. Скоро сюда на шум придут другие псевдогиганты, они подъедят псевдособак, но все же наверняка некоторые смогут спастись, а это не входило в планы сталкера. Лютый спустился, держа трупы собак на прицеле. Да, он был прав, издохло всего несколько из пятнадцати оставшихся здесь, остальные, сдерживая визг, расплзались в разные

стороны, стараясь попасть ближе к аномалиям, чтобы защититься хоть как-то от ставшего теперь таким несокрушимым сталкера. Тихий, холодный клинок Лютого вытребовал у них причитающиеся ему жизни.

Глава 22. Тупик

Сталкер уходил дальше по территории псевдогигантов, забираясь в ее глубь, сначала держа курс на восток, петляя и пряча следы, прячась сам от псевдогигантов и их не в меру глазастых любопытных детенышей, нежно попискивающих, с легким пухом светло-песочного цвета по всей поверхности тела. Затем, решив, что достаточно скрыл свои следы, он выправил курс на север, к Мертвому Лесу. Безрукий вряд ли смиритесь с поражением, он искал сталкера все время, а это больше двух лет. Наконец он каким-то образом вычислил его, его кличку, его запах, наверняка его схроны. Скольких других сталкеров он принял за него и наверняка уничтожил, заметя следы, чтобы не вспугнуть Лютого? Кстати, и Васька Козырь появился примерно два года назад, резко став нелюдимым, угрюмым, поначалу не узнавая никого, но информацию продавал исправно. Тогда невозможно было заподозрить его в чем-либо, мало ли что может быть с людьми в Зоне, но ведь штука, возможно, повторилась. Чего стоит сталкер Полтос, одновременно просящий о помощи за забором и тут же стоящий и убеждающий должовцев, что там никого нет. Зона.

Постепенно наиболее густонаселенная псевдогигантами территория протяженностью примерно в семь километров осталась позади, аномалии становились настолько тесными,

что даже псевдогиганты не держались этих мест. Мало кто из сталкеров заходил в эти места, наверное никто. Это было видно по практически валяющимся под ногами артефактам, и пусть они мелькали через каждые десять-двадцать метров, для сталкера это было равносильно хождению по золоту. За час здесь можно было набрать отборных артефактов столько, что хватило бы на всю оставшуюся жизнь. Но и радиация здесь местами лихо перепрыгивала две сотни рентген в час. Встречая такие пятна, Лютый без стеснения давал заднюю, обходя большим кругом, а артефакт «пузырь» пыхтел, выдувая облако горячего радиоактивного пара. Из прекрасного твердого ярко-зеленого артефакта, редкого отпрыска сильных химических аномалий, стоимостью из рук сталкера всего в десятки тысяч, «пузырь» постепенно становился серым и мягким, как картофель, теряя свою жизнь, но даря ее своему обладателю. «Пузыри», артефакты высшего класса, официально встречались всего по нескольку штук в год и за Периметром стоили миллионы, а постоянно висящей над ними ореол успеха уносил жизни многих сталкеров, рискнувших пойти и добыть его по заказу Сидоровича, Бармена или ученых с Янтаря.

Сталкер переступал через светло-серые, колеблющиеся на гравитационных подушках, копеечные «медузы», чуть более тяжелые, темные и более прибыльные «выверты», которые старались не откатываться от родительниц, частые здесь, но не в других местах «грави», которые давали владельцу защи-

ту от гравитационных аномалий, щедро одаривая его радиацией, и, конечно, «золотая рыбка», по стоимости приближающаяся к своему названию, работала, создавая антигравитационное поле для касающихся ее предметов, только почему не улетала в небо и имела вес, было непонятно. «Батарейки», «пустышки», «снежинки», «лунный свет», «бенгальские огни», все порождения электр также резвились здесь, не собранные суровой рукой сталкера. Лютый, подняв «бенгальский огонь», остановился на одной из более-менее чистых от радиации полян, вдыхая наэлектризованный воздух, оглядывая словно нарочно щедро рассыпанные кем-то артефакты, и не смог сдержать счастливую улыбку. Да, он не сможет практически ничего взять с собой, но дух исследователя, дух сталкера был в истинном восторге. Такого великолепия он не видел никогда. Время, которое он потерял, скрывая следы и продираясь между аномалиями, прощупывая местами дорогу болтом, прошло незаметно, и сейчас было далеко за полдень.

Армия Безрукого, потерявшая, наверное, половину псевдособак шесть или семь часов назад, стала сворой, но все равно и оставшейся половины хватит для него одного, пока он не перебьет их всех, включая излома. И вот снова стоило ему подумать, как вдалеке, в часе ходьбы, но метрах в четырехстах по прямой сработала «птичья карусель». Раздался отчаянный визг псевдособаки, не имеющей сил сдержать животный ужас, когда могучая рука аномалии подхватила

ее, потратив несколько секунд на раскрутку, и с характерным хлопком разорвала на клочки. Подхватив остатки мутанта, сработала другая аномалия, затем сразу несколько соседних, затем электры. Увеличивая скорость по принципу цепной реакции, скачком набирал силу шквал срабатывающих аномалий. Шквал с диким шумом разрастался, треском и грохотом бушующей стихии приближаясь к сталкеру. Теперь Лютому стало понятно, почему ни один сталкер не выходил отсюда и не было видно даже следов других мутантов. Плотность аномалий была настолько высокой, что включение любой из них по принципу лавины заставляло включаться все поле, где бы ни был источник начальных возмущений. Ему повезло, что в этот момент он стоял посередине островка, еще более ему повезло, что на нем были два «гравы», а за секунду до этого он поднял буквально упершийся ему в ногу «бенгальский огонь». Моментально сбросив автомат и прикрыв его рюкзаком, он лег на землю, спрятав лицо, чувствуя кожей и слыша, как свирепеет аномальный фронт. Через несколько секунд сотрясающая землю дробь и оглушающий грохот оказались вокруг. Запахло гарью, озоном и канифолью. Несколько молний ударило в рюкзак, выскивая притягивающий их автомат, резко расширившаяся воронка слегка потянула его за ноги, другая воронка справа, словно друг, тянувший пойти за ним в бар, слегка тянула за плечо. Лютый вжался во влажную землю, стараясь расплыться по земле, стать лужей, грязью, чем угодно, лишь бы

аномалии отстали от него со своими смертельными предложениями. Через секунды грохот понесся дальше, усиливаясь и размножаясь, пока наконец оглушительно не ахнул сонмом электр и гравитационных, рвущих воздух разрядов. Сталкер поднял испачканное лицо. Несмотря на всю отчаянность ситуации, ошеломительный грохот и фейерверк вызвали нечто схожее с ребяческим восторгом. Подумать только, сколько сил и свободной энергии таится в каждой аномалии. Наступившая тишина подчеркнула, что он просто не слышал, постепенно привыкая к шуму аномалий. Звук погони. Псевдособаки преследовали его, на этот раз рассыпавшись веером, каждая из них, может быть, парами двигались к нему с разных направлений. Зная живучесть мутантов, сталкер не надеялся, что погоня снова потерпела фиаско. Сработавший аномальный шторм наверняка унес всего несколько жизней, но не заставил Безрукого отказаться от преследования. «Автомат!» – вскинулся сталкер. Из-под рюкзака шел дымок. Несколько разрядов электр попали в металл, но, по счастью, магазин был плотно прикрыт рюкзаком от прямого попадания и все разряды ушли в ствол, раскалив, но не деформировав его. Сталкер бережно осмотрел оружие, с виду все цело, но нужно быть уверенным. Перевод на одиночные и один выстрел вверх.

– Тах! – твердо и обнадеживающе выстрелил калаш.

– Молодцом! – обрадовался сталкер, подхватывая рюкзак и незамедлительно двигаясь в ту сторону, где был последний

оглушительных грохот, означающий плотную стену аномалий.

Благодаря выстрелу Безрукий мог быть уверен, что Лютый жив, что немедленно выразила вся стая, взыв всего несколькими голосами.

Стая Безрукого уверенно сокращала дистанцию. Разумеется, те псевдособаки, что шли по следу сталкера, уже могли бы настигнуть его, их силуэты Лютый видел время от времени сзади мелькающими тенями между аномалий. Отрезающие ему пути маневра вправо и влево особи прокладывали себе новый маршрут, но все равно двигались намного быстрее человека. Лютый иногда видел их и за чудовищными преломлениями воздуха. План Безрукого вырисовывался. Теперь он не мог позволить остаткам его армии нападать на сталкера поодиночке, он хотел окружить сталкера с разных сторон и только затем, выверив все, разом напасть на непокорного человека, лишив его свободы маневра и применения оружия.

Лютый понимал это, но его план был по-прежнему тот же. По пути он собирал артефакты «грави» и «бенгальские огни», и не жалея живота тащил их, распаковав сеточный мешок, который облегчил найденной «золотой рыбкой». Постепенно количество артефактов стало настолько существенным, что аномалии стали подпускать сталкера небывало близко, поскольку усиленное большим количеством артефактов защитное поле вносило свои коррективы. По рав-

номерному гулу пересекающих друг друга гравитационнок и электр сталкер понимал, что приближается к своей цели. Мутанты, чувствуя, что что-то пошло не так, нервничали, то справа, то слева сталкер слышал рыки, недостижимый и огражденный от них аномалиями он уже шел быстрее, чем могли себе позволить эти аборигены Зоны. Ну вот и она, стена. Тупик для любого сталкера, непроходимый с той и этой стороны. Несколько метров в ширину фронт наседающих друг на друга электр, воронок, «птичьих каруселей», «трамплинов». От сдерживаемой аномалиями энергии у Лютого под кожей сами собой завибрировали мышцы, словно сплошным нервным тиком, а может быть, это было огромное количество артефактов, собранных вместе, мешок с которыми он со стоном взвалил на плечи. Но автомат придется оставить, такой большой кусок металла вряд ли смогут сохранить «бенгальские огни», даже в том количестве, которое он нес с собой. Перед сплошной стеной аномалий шириною в десяток метров тянулась своеобразная чистая полоса, покрытая свежей зеленой травой, с небольшим количеством аномалий. Сталкер оставил верный АК-103 дулом к преследователям, не решаясь на последний шаг. Как ни крути, процесс преодоления такого препятствия с тяжелым рюкзаком, с необходимыми вещами и комбинезоном для Туриста, еще один мешок негрошовых артефактов на спине и гудящую стену аномалий, света, искр, теней и разрывающих воздух давлений не каждый раз можно представить себе да-

же в жутком сталкерском сне. Он подступил к стене, чувствуя, как язычки аномальных энергий прощупывают каждую клетку его тела. На открытый участок перед ним вылетел мутант, отшатнувшись от лежащего на земле и направленного на него автомата, затем еще один чуть правее, еще пара справа и слева, все черные, безмолвные, словно ночь, только стеклянный, дикий фиолетовый блеск в глазах. Сталкер отступил еще на шаг вглубь стены. В любом случае, если мешок артефактов на его шее не справится с нагрузкой, его смерть будет моментальной, и наверняка преследователи если и переживут его, то совсем ненадолго, на секунду или две. Количество мутантов увеличилось до десятка, сталкер был готов шагнуть назад окончательно, став недостижимым для псевдособак, но он ждал последнего гостя. Словно услышав его мысли, на поляну перед ним вышла высокая фигура, намного выше сталкера, как будто без плеч, в черном, грязном плаще до пят. Черная широкополая шляпа покрывала голову мутанта. Неестественно бледное, иссушенное лицо, холодный блеск свысока смотрящих глаз, искривленный шрамами рот. Это едва напоминало лицо человека. Насколько помнил сталкер того излома, тот был гораздо ниже, но, видимо, излом без рук вынужден был превратиться в нечто другое, более страшное. Лютый хоть и был готов к чему-то подобному, все равно дрогнул, с такой пронзающей ненавистью не отрываясь смотрел на него мутант, что у сталкера упало сердце. Следом за хозяином вышел и телохранитель, огромный

черный псевдопес, голова которого была примерно на уровне груди Лютого, а лопаточный горб мутанта выравнивал их стоя по высоте.

Лютый не стал бороться с изломом взглядом, он бы проиграл и наверняка был бы взят под контроль, выведен из аномалии и изувечен. Сталкер сглотнул слюну, голова кружилась от воздействия излома, его свиты и аномалий, он уже плохо чувствовал ноги, зато рукам словно кто-то придал сил, заставляя держать мешок мертвой хваткой.

– Постреляй немного, Безрукий, я тебе автомат оставил... – хрипя пересохшим от напряжения горлом, сказал он. – Только с предохранителя сними...

Лицо излома исказилось гримасой ярости, шрамированные губы зашевелились и покрылись пеной, не в силах сказать ни слова. Лютый развернулся и, едва понимая направление, двинулся прочь. Через долгие десятки секунд он вышел с другой стороны тупика. Прошел без сил еще десятков метров, уронил мешок с артефактами. Отошел еще немного, боясь смотреть на счетчик радиации, распаковал научную аптечку и зажевал несколько пилюль, не особо разглядывая назначение. Полегчало. Снял рюкзак, вытащил «душу» из контейнера и вставил в пояс. «Пузырь» совсем сдулся и представлял собой сморщенную, будто тухлая картошка, горячую субстанцию, Лютый, обжигаясь, вытащил его из ячейки и выкинул. Развернулся. Перед ним стояла и преломлялась светом непроходимая стена аномалий, решительно отрезая вся-

кую идею о преследовании. Он сделал то, что задумал. Обеспечил себе большой отрыв от Безрукого, но он должен сделать кое-что еще. Подобрал с земли кусок камня, он коротко разбежался и кинул его в стену аномалий, зажмурив глаза. Оглушительный грохот разрядов сотряс землю и воздух, перекрывая предсмертные визги мутантов.

Глава 23. День 22. Исполнитель

До Мертвого Леса сталкер шел через Пустоши весь оставшийся день, затем в сумерках потратил больше часа на запутывание следов, создал несколько ложных выходов, жуя питательные батончики, запивая их водой и бросая обертки вдоль следов. Дважды пройдя по ним для усиления следа, он ушел по другой траектории. Очень осторожно шел ночью, часто полагаясь на ДЖФ, интуицию и бесшумность, оружия не было все равно, а времени двинуться за спрятанным гауссом и потерять десяток часов не было. Безрукий знает, что сталкер будет двигаться в сторону ЧАЭС, но к какому из постов, знать он не мог. Всего Лютый обнаружил пять постов монолитовцев, обойти которые было невозможно. Пространство само заворачивало его к этим нескольким точкам, если он шел к станции, как в старых сказках, когда заблудившийся путник никак не может покинуть домик лешего, постоянно возвращаясь к нему.

Ночь, с ее страшными обитателями, не поддающимися классификации, рыщущими в темноте, медленно, но верно подходила к концу. Своры Безрукого не было ни видно, ни слышно. Втайне Лютый надеялся, что похоронил их всех на территории псевдогигантов, только маленький тревожащий его червячок сомнений заставлял время от времени замирать, выискивая слухом характерный для черных псевдосо-

бак хриплый, раскалывающий воздух вибрирующий вой. Но вот небо на востоке посерело, по закрывающим от солнца землю тучам пронесся утренний ветер, обнадеживая уставшего, но полного решительности сталкера. Еще пару часов ходу, и вот полоса Мертвого Леса. Где-то там, может быть, его двойник из другого мира, его отражение, больше чем его брат.

Подкинув тяжелый, отдавивший все плечи рюкзак, Лютый, выдохнув, пошел дальше, разбивая ногами коварный низкий утренний туман, поднимающийся от земли. Дорогу от того места, где он стоял, и дальше он знал как свои пять пальцев. Именно отсюда он таскал железо и арматуру для схрона, чтобы пережить Выброс. Вот там, наполовину скрытая низким туманом, стояла катушка с кабелем, с которого он срезал пластик. Вот низкие одинокие обломанные камыши, выросшие по краям некогда существовавшей лужи, от которой осталась лишь грязь. Серый туман по мере движения сталкера поднимался выше, вот он уже дотянулся до колена, еще полчаса ходу, и сталкер поплыл по пояс в белых хлопьях тумана. Единственное, почему он двигался, это твердая память маршрута. Лютый всегда хорошо запоминал карты и маршруты. Еще полчаса, и сталкера скрыло с головой, но и Мертвый Лес оказался рядом, темнея мрачной стеной, видимой через верхнюю часть тумана. Сталкер надел дыхательную маску и включил фонарь, вставив его в специальный паз на поясе. Он отучил себя от привычки использо-

вать фонарь в качестве налобного, помогающего лучше прицелится бандитам и другим любителям легкого хабара, кроме того так лучше подсвечивалось то что находилось по пути в тумане. Рассеянный свет фонаря высветил остатки его схрона, по ощущениям схрон был пуст. Вот и первые деревья, с космами жгучего пуха, подсвечиваемые снизу, они казались лицами изможденных голодом существ, вылезшими из земли и слепо замершими от попавшего на них света.

Лютый продолжал красться к известному ему посту Монолита, где рано или поздно должен был появиться Турист, но внезапно сзади, неожиданно близко раздался леденящий душу и парализующий мысли хриплый вой псевдособаки. Он не мог спутать этот вой с воем слепых псов или обычных псевдособак. На слух в тумане метров триста, не больше. Сталкер без лишних движений в несколько секунд соорудил растяжку, используя последнюю гранату. Коварные псы Безрукого не смогут найти или учуять ее, скорее всего, они несутся сюда напролом, чтобы не дать сталкеру выйти из Мертвого Леса или, еще хуже, перейти разделительную полосу. Лютый, стараясь не шуметь, побежал. Бег с тяжелым рюкзаком на спине, после суточного перехода, в тумане, который скрывает корни, кусты, торчащие ветки с мочалами жгучего пуха, был намного хуже бега с препятствиями. Здесь нужно было не только прыгать, заведя нечто, что могло зацепиться за ногу, но и моментально пригибаться, чтобы не выколоть глаз или не надеть на голову жгучий пух, или не

совместить и то и другое. Несмотря на поддержку «лунного света», сталкер чувствовал, как холодеет внутри тело от невосполняющейся потери энергии. Мертвый Лес выкачивал силы и из сталкера, и из артефакта. Рюкзак по ощущениям уже весил не тридцать килограммов, а девяносто, стараясь посадить сталкера на землю, торчащие из земли корни не поддавались с бегу, приходилось перешагивать, но Лютый берег дыхание. Никогда и никто не заставит его убежать в панике. Но что это...

В темно-серой размытой дымке появились какие-то блики, запахло дымком. «Да ведь это Турист!» – понял сталкер, не зная, радоваться ему или плакать. Он настолько привык думать только за себя, что беззащитный Турист в своей хлопчатобумажной камуфляжной куртке привел его в растерянность. Сзади рвануло, раздался многоголосый яростный вой, заглушающий визг раненной особи. Времени не было. Лютый на ходу распаковал золотистую упаковку пси-блокатора, армейского образца, с большой черной овальной мягкой пилюлей внутри, засунул себе в рот и налетел на опешившего от неожиданности Туриста, не ожидавшего такой прыти от сталкера, взрыва и вводящего в ступор воя псевдособак.

– Ходок! – радостно выдохнул Турист. – Я знал, что ты...

– Жри конфету, – перебивая его и суя ему в рот другую распакованную пилюлю пси-блокатора вместо приветствия, прорычал Лютый, сразу же хватая его за плечо, от чего куртка затрещала швами, и потащив его к контрольной полосе. –

Ходу, Турист, собаки!

Тут уже и Турист понял, что Ходок спасается от погони. Псевдособаки, круша телами кустарник, рыча и лая металлическими голосами, рвались к звукам человеческой речи.

– Дорогу, показывай дорогу! – толкая Туриста впереди себя, крикнул сталкер, доставая пистолет.

Парень кивнул и опрометью бросился, чертя зигзаги, через разделительную контрольную полосу, разбивая грудью поднявшийся, но поредевший туман. Ходок последовал за ним, иногда оглядываясь и держа наготове пистолет. До конца разделительной полосы оставалось меньше пятидесяти метров, когда на ее начало из Мертвого Леса вылетело больше десятка черных, высоколобых мутантов и не сбавляя хода понеслись за несущимися во весь дух людьми, стремительно сокращая дистанцию до отстающего от Туриста сталкера. Турист, видя, что Ходок не может бежать, едва отрывая ноги от земли, вскрикнул, развернулся и, приподнимая рюкзак сзади, одновременно толкая сталкера вперед, добавил ему скорости, с трудом понимая, что делает. Наконец оба они вылетели под сень обычных сосен, мутантам оставалось всего несколько секунд, чтобы добежать до обессилившего Ходока и растерявшегося Туриста. Ходок споткнулся и упал навзничь, со стоном отстегивая рюкзак. Внезапно мир переменялся... Мягкий шум в ушах, потеря ощущения собственного тела, замедление картинка и размытые силуэты. «Контролер, сука...» – успел подумать Лютый, понимая, что дей-

ствие пси-блокатора еще не началось, таблетка еще не растворилась в желудке, а кровь еще не успела донести молекулы вещества до мозга.

Дальше Лютый видел происходящее как в замедленном кино, с размытыми затуманенными образами и потерявшими остроту звуками. Мощный, высокий, статный контролер стоял в десятке метров от него, выставив вперед руку. Слева и справа от него шесть монолитовцев, трое в экзоскелетах, словно в многократно замедленном воспроизведении стреляющие из оружия, которое невозможно было рассмотреть, не хватало четкости. Разогнавшиеся до максимальной скорости псевдособаки, которых оказалось больше двух десятков, с ходу налетали на бронированных бойцов Монолита, получая выстрелы гаусса, крупные свинцовые калибры, слева от Лютого сверкнуло нечто, напоминающее разряд электры, но более продолжительный. Он хотел повернуть голову, но потерял интерес, увидев лежащего на земле и зажавшего уши Туриста, на которого сыпались горячие стрелянные гильзы от пулемета. Часть псевдособак была остановлена контролером, и теперь они, замерев, словно чучела, устрашающе скалились в никуда, но сталкер знал, что они борются за контроль над своим телом. Остальные псы опрокидывали одного за другим монолитовцев и, сгруживаясь над их телами, рвали мощными челюстями обвес с экзоскелетов, пытались сорвать защищающие лица забрала, вырывали оружие. Они не могли покончить со сталкером, пока были стреляющие в

них монолитовцы. Все это, вероятно, занимало секунды, но для находящегося под воздействием контролера сталкера и Туриста это были минуты. Но что-то поменялось, звуки стали громче, картинка четче, тело вновь обрело вес и форму. Контролер, борясь с наседающими псевдособаками, ослабил свой контроль над людьми, а пси-блокатор наконец поступил в кровь и мозг. Ходок развернулся к Туристу, по-прежнему лежавшему под посыпающим мутантов пулеметным огнем, а его – горячими гильзами монолитовцем в экзоскелете. Те секунды отдыха, казалось, вернули ему сил и открыли второе дыхание. Схватив Туриста одной рукой, а рюкзак другой, Ходок потащил парня прочь от борющихся за жизнь и контроль людей и мутантов.

– Где люк, Турист?! – заорал сталкер, надевая рюкзак и готовясь бежать дальше.

– Здесь недалеко, – очумев от происходящего и ошупывая себя с ног до головы, не веря, что на нем нет ни царапины, крикнул Турист и побежал по тропинке, ведущей вглубь территории группировки.

Они понеслись через редкий смешанный лес, спутанный легким туманом, и взбежали на пригорок, за которым виднелись разрушенные до основания строения. Звуки борьбы стихали, неизвестно кто победил, нужно было торопиться.

– Где, показывай! – торопил сталкер, сетуя, что в суматохе не поднял уроненный одним из монолитовцев гаусс.

Парень, взглядываясь в туманную дымку, махнул рукой и

сразу же двинул в том направлении. Перепрыгивая один из пустых завалов, он остутился и упал вниз, в черный квадратный зев подтопленного холодной водой старого погреба. Сталкер, следующий за ним по пятам, мгновенно лег на живот и протянул ему руку. В этот момент Турист, подняв голову, увидел то, что снилось ему раньше по ночам, когда он был еще в своем мире, так далеко... невероятно далеко отсюда, то, что он считал бессвязным сновидением. «Вот же он, вот этот сон...» – расширив глаза от откровения и не в силах пошевелиться и подать руку тянущемуся к нему сталкеру, понял он. В тех снах он все время бродил в непонятных местах, угрозы и опасности, видимые им, как будто не замечали его, и еще у него всегда было ощущение, что он находится в двух местах одновременно. И вот часть сна, почти конца его сна, после которого он всегда просыпался, а зеленые светящиеся цифры электронных часов показывали полчетвертого ночи. Он находится в яме, не в силах вылезти сам, а сверху, свесившись на полкорпуса, тянет к нему руку и кричит что-то большой и сильный сталкер. Лицо невозможно разглядеть, слишком темно, но не ночь, и во сне в затяжной вспышке молнии он видит, что тот сильный сталкер, тянущий к нему руку, и есть... и есть он сам.

Реальность. Затяжная вспышка разрядника освещает лицо Ходока. Да, это и есть он, больше никто, только он сам. Порыв ветра и сырой грозовой воздух вместе с криком сталкера ворвались в погреб.

– Ну же, Турист!!! Давай руку! Ну!!!

Преодолевая оцепенение, Турист вкладывает свою ладонь в железную хватку сталкера. Натужный стон, чувство неведомости, ноги не касаются земли, и вторая рука сталкера, перехватив его за пояс, вытаскивает на поверхность.

– Ходок... – растерянно прошептал парень, потерявший чувство реальности и готовый поверить, что все происходящее и есть тот же сон.

– Не время, Турист! Веди! – заорал ему в лицо Ходок, трясая за плечо.

Турист, перевалившись на четвереньки, встал на ноги и довел сталкера до люка, видимого в небольшом углублении в желтом песке. Теперь он стоял спиной к месту, откуда они пришли, а Ходок присел на корточки, собираясь открыть люк.

Огромный черный псевдопес выскочил из-за холма и невероятно быстрой, ужасной тенью, перепрыгивая метровыми скачками груды мусора, несясь на не замечающих его людей, сокращал дистанцию. Один мощный удар грудью, и Туриста сбilo с ног. Не успев даже закричать, он лишь рефлекторно поднял левую руку, защищая лицо, как это некогда делал Лютый, но черная тень была сверху, один рычащий укус в руку – и хруст обеих костей предплечья, еще один укус в лицо и шею, хруст переломанной человеческой челюсти и выходящий, пузырящийся кровью выдох жизни из обессиленных легких. Лютый заорал страшным человече-

ским криком, в котором было все: и ярость, и боль, и ненависть. Тот самый псевдопес, которого он видел рядом с Безруким, убил Туриста. Огромная, черная, быстрая смерть стояла в нескольких метрах от него с обагренными кровью клыками... его кровью. Это будет последний бой. Широкие челюсти мутанта легко раскусят карбоновые вставки комбинезона, размеры псевдособаки не позволят ему обхватить ее ногами, а вес – перевернуть под себя.

– Ты перепутала, тварь... – прошептал сталкер, видя умирающего Туриста. – Я здесь, я вот... Ко мне, сука! – больше прорычал, чем сказал Лютый, практически не видя пса в ставшем тоннельным, от заполонившей мозг ярости, зрении, становясь воплощением силы Лютого, силы Сталкера, силы Человека. Рюкзак оказался на земле, нож в правой руке.

Прыжок мутанта. Прыжок человека навстречу. Удар теплой крови в лицо, удар в грудь. Звонко хрустнула грудная клетка, ударившись о землю под тяжестью мутанта, нож пронзает плоть зверя, но он не движется. Псевдособака обмякла, уронив большую клыкастую голову на сталкера. С трудом скидывая ее с себя, задыхаясь от адреналиновой волны, Лютый видит огромную выходную дыру в груди мутанта, входное отверстие чуть выше основания хвоста. Гаусс. Позади, под стремительно несущимися черными грозowymi облаками, на пригорке стоит монолитовец с гауссом в руке. Если бы Турист был жив, он бы сказал, что это Дым, и, возможно, помахал бы ему рукой.

– Уходи, – одними губами прошептал ему монолитовец.

Словно во сне, Лютый открывает люк, обнимает обезображенное тело Туриста и спускается с ним под землю. Полное опустошение. Ни аномалии в подсвеченном электрическим светом тоннеле, ни надписи на стенах не в силах вывести его из оцепенения. Он медленно бредет по гулкой тишине, залитый собачьей и человеческой кровью, но крепко прижимает к себе Туриста, безвольно висящего на нем, как будто убаюканного мерными шагами сталкера. Тишина.

Синеватое свечение вдалеке. Полное отсутствие аномалий. Отдаленный звук работающей подземной установки, исходящий, может быть, из цехов станции, может быть, из самих недр земли. Еще сотня шагов. Посередине огромного помещения в воронке стоит Монолит, Исполнитель. Синее, неземное свечение засвечивает все, не оставляя теней и делая кровь бесцветной.

– Вот мы и дошли, Турист, – устало сказал Ходок, опуская прилипшего к нему свернувшейся человеческой и собачьей кровью Туриста.

Он положил его в метре от Исполнителя, сам сев рядом. Уже не было сил ни на что. Те желания, которые он нес с собой, померкли, стали безвкусными и даже отталкивающими, как будто уменьшающими его, сталкера, дух и силу. То, что он, казалось, хотел раньше, потеряло смысл. Минуты шли за минутами. Ходок усмехнулся своему неумемному сталкерскому духу и включил ПДА, активировав счетчик радиации,

собираясь узнать, сколько ему осталось до начала лучевой болезни. Счетчик показал ноль. Он не умрет. Сердце билось ровно и сильно, мозг был чист и прозрачен, как сам звенящий синевой воздух.

Зазвонил телефон. Это было также невероятно, как то, что он находится рядом с Монолитом. Сталкер обернулся в поисках источника звука, но тут понял, что звук исходит из нагрудного кармана Туриста. Не веря в происходящее, он вынул «Нокиа». На синеватом дисплее телефона висела сотня непринятых вызовов и смс, но связь была. Полная шкала, все деления. На экране входящий абонент, надпись «Мама». Дрожащей рукой Лютый нажал на прием, слыша до боли знакомый, но забытый голос.

– Вовка! Вовка, ты где? Ты где, сынок?

– Я здесь, мам, – растерявшись и не в силах сдержать слезу радости, ответил сталкер.

– Сынок, у тебя все в порядке?! Ты где?!

– Успокойся, мам, я скоро буду. Потерпи чуть-чуть...

– Вова?! Вова, у тебя все в порядке?!

– Да, мам, я сейчас... прости... – с трудом сдерживая дрожание голоса, он положил трубку.

– Ну что, ты все слышал? – обратился он к Монолиту. – А ты, брат? – глядя на тело, спросил он. Воля Исполнителя остановила время, внимая голосу сталкера. – У твоей матери будет сын, живой и здоровый. И у меня будет мать, я не хочу, чтобы она умерла, она будет жить. Она живет, – лицо

его разгладилось и помолодело от силы этих слов. – И сердце пройдет полностью. Слышишь? – шептал он. – Обе наши мамки, проживут долго и счастливо... – сталкер счастливо улыбнулся, как он не улыбался со времен смерти мамы. Он нашел то единственное желание, которое нес через всю Зону, которое оберегало его и не давало сгинуть ни под Выбросом, ни от зубов мутанта, ни от хватки аномалии. – И вот еще, тебе, Турист, на память, – сталкер направил объектив на себя.

В неземном синем свете Монолита Лютый улыбнулся как человек, сделавший самое важное дело в своей жизни, и щелкнул камерой. Аккуратно вложив телефон обратно в нагрудный карман Туриста, он заботливо застегнул клапан, словно Турист все еще мог потерять его.

Ослепляющая мягкая голубоватая вспышка в хрустально звенящем струнами энергии воздухе поглотила тела сталкеров.

Глава 24. День 23. Рассвет

– Ох... – подскочил на своей кровати в холодном поту парень чуть старше двадцати лет, чувствуя, как бешено стучит сердце, норовя разорвать сердечную сумку.

В остатках сна он видел, как огромная черная собака прокусывала ему горло и челюсть, он даже вспомнил противные щелчки переломов, ощущение острой сломанной внутрь челюсти и кровоточащих, зафиксировавших язык зубов.

Часы показывали пять утра. Светлеющая голубым полоска уже заняла часть неба, подкрашивая зеленым, красным и розовым облака. Надо еще успеть с друзьями на поезд. На носу большая поездка в Припять, а если повезет, и поближе к ЧАЭС подкинут. Дело только за плотным завтраком. Вещи были давно собраны и упакованы в рюкзак. Осталось только снять с зарядки телефон. Володя протянул руку к телефону, вынул шнур и побрел с ним на кухню, поставил чайник, вынул из холодильника масло, варенье, достал хлеб, любимую кружку, подаренную друзьями, с надписью «Levshin The Best!».

Надо было подчистить память в телефоне, а то не влезет еще, ведь снимать на видео и сфотографировать хочется многое. К удивлению, в памяти телефона оказались новые файлы, куча фото и несколько емких видео. Не задумываясь, он щелкнул на последней. В неземном синем свете кристал-

ла на него смотрело счастливо улыбающееся его собственное лицо. Пусть оно было измождено усталостью, осунувшееся и небритое, наполовину вымазанное спекшейся бурой кровью, но открытая счастливая улыбка Ходока доказывала, что он прошел свой путь до Исполнителя. Вмиг события прошлых дней закружились вихрем в памяти, врываясь порывами нездешнего ветра в память и сознание, сердце заколотилось, глаза его расширились, дыхание перехватило спазмом.

– Спасибо... спасибо тебе, друг...

***

Обложка создана специально по заказу автора художником Дмитрием Новочадовым